

**ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ**

Памяти А. А. Колосова, С. Н. Пензина,
А. Т. Смирнова, С. В. Янц

БЫЛОЕ И МЫ

Журналистика и литература в пространстве культуры
Сборник статей

Воронеж 2023

УДК 070:821. 161. 1. 09

ББК 76.01+83.3

Б95

Печатается по решению Ученого совета факультета журналистики
ВГУ

Редакционная коллегия: доцент С. Н. Гладышева – ответственный
редактор, профессор В. В. Хорольский, ст. преп. П. И. Новиков

Б95 Былое и мы. Журналистика и литература в пространстве культуры. – Воронеж : Факультет журналистики ВГУ, 2023. – 132 с.

Сборник «Былое и мы» издается кафедрой журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета. Он продолжает практику публикации статей сотрудников и аспирантов кафедры журналистики и литературы, начатую профессором Л. Е. Кройчиком в 2009 г. В сборнике также публикуются материалы участников научных сессий, выступающих с докладами на конференциях факультета.

Выпуск сборника посвящен памяти А. А. Колосова, С. Н. Пензина,
А. Т. Смирнова, С. В. Янц

Рассчитан на аудиторию, интересующуюся актуальными вопросами теории и истории публицистики и литературы.

© Факультет журналистики
Воронежского
государственного
университета,
2023

I. Актуальные проблемы теории публицистики

К. Карпова

Специфика бренд-медиа

Понятие бренд-медиа

Бренд-медиа – это новое и малоизученное явление в сфере массовых коммуникаций. Первое серьезное исследование феномена бренд-медиа в нашей стране провели К. Р. Нигматуллина и Н. А. Павлушкина, ученые Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ, в июне 2022 года [12]. Отметим также усилия исследователей В. М. Амирова, П. Г. Ивановой [1], Д. А. Барковского [2], М. М. Захаровой [6], изучающих особенности бренд-медиа.

Термин состоит из двух слов. Бренд – это совокупность образов и ассоциаций, которые формируются в глазах покупателя вокруг определенной марки товара или услуги. Медиа – это средства коммуникации, способы передачи информации и образовываемая ими среда (медиапространство). Таким образом, в самом широком смысле слова, бренд-медиа – это средства коммуникации, позволяющие сформировать образ бренда, создать у аудитории определенную репутацию бренда и ассоциации с ним.

У истоков бренд-медиа стоит желание корпораций (владельцев брендов) влиять на потребителей их товаров или услуг напрямую, не используя при этом инструменты рекламы. У этого явления есть несколько причин. Во-первых, повысилась значимость медийного присутствия брендов. В современном постиндустриальном обществе, где у значительного части населения удовлетворены базовые потребности, все большее значение получают идеи и ценности, связанные с брендами. Конкуренция между различными товарами различных корпораций все чаще проходит не по функциональным характеристикам, а по мифам и эмоциям, связанных с этим брендом у аудитории.

Во-вторых, увеличилось число ресурсов, доступных корпорациям. Теперь бизнес может инвестировать больше денег в создание контента, эффективность которого проявляется только в долгосрочной перспективе, который не генерирует продажи сразу (как реклама).

В-третьих, снизилась эффективность альтернативного инструмента – рекламы. Дело в том, что с увеличением количества рекламы в

жизни людей, потенциальные клиенты компаний все чаще фильтруют рекламный контент и воздействие рекламы на потребителей сокращается. Кроме того, реклама работает слишком обобщенно, в то время как потребители стали нуждаться в более индивидуализированной коммуникации с брендами, где бренды говорили бы с ними об их проблемах. Бренд-медиа как явление не стало заменой рекламе, но выступило важным дополнением к ней.

Определение бренд-медиа можно сформулировать следующим образом: бренд-медиа – это тематическое медиа, основным бенефициаром которого выступает конкретный бренд. Его контент обладает pragmatическими свойствами и в неформальном ключе информирует аудиторию о сфере жизнедеятельности, с которой соприкасается компания [7].

Если говорить о целях и задачах бренд-медиа, необходимо подчеркнуть, что бренд-медиа – это способ взаимодействия компании (владельца бренда) со своей аудиторией. Главной задачей бренд-медиа является формирование образа бренда – набор свойств, характеристик и ценностей, которые ассоциируются с данным брендом.

Таким образом, бренд-медиа находится на пересечении журналистики, пиара и маркетинга. Являясь журналисткой с точки зрения формы (например, через использование журналистских жанров: интервью, колонка, репортаж), с точки зрения содержания бренд-журналистика является скорее контент-маркетингом, привлекающим внимание аудитории к определенной компании [12].

Бренд-медиа может функционировать как на собственных площадках – собственный сайт, так и на сторонних площадках (например, страницы в соцсетях, видеоблог на видеохостинге).

Сформировалась тенденция на расположение информационного контента (интервью, новости, аналитика) прямо на главной странице сайта корпорации. Так поступают, например, Coca Cola и Pepsi Co.

Бренд-медиа используют как новостной формат, рассказывая о собственных новинках и новостях индустрии, к которой относится бренд, так и формат аналитических статей, лайфхаков и наблюдений.

Бренд-медиа может создаваться несколькими способами. У него, как у традиционного СМИ, может быть своя редакция и постоянный штат авторов. Другим способом является наличие и постоянной (немалой) редакции, и сторонних журналистов, работающих на непостоянных началах как приглашенные авторы. Наконец, бренд вообще может не создавать редакцию для бренд-медиа: в таком случае его делает агентство или издательский дом, специализирующийся на по-

добных услугах. Однако такой способ создания бренд-медиа сравнительно мало распространен в России по сравнению с первыми двумя.

Помимо текстовых материалов, бренд-медиа может использовать также видеоформаты (телепередача, видеоблог, видеointервью) и аудиоформаты (подкаст, радиопередача). Бренд-медиа может быть отдельным сайтом, приложением для мобильного телефона, разделом на основном сайте, видеоблогом на видеохостинге (например, Youtube). Спецификой бренд-медиа является активное использование видеоконтента (роликов в TikTok, прямых эфиров) и продвижение медиа-персонажей, за которыми будет интересно следить аудитории. Например, для корпорации Red Bull нишевой знаменитостью стал акробат на велосипеде Антон Евстифеев. Red Bull использовал информацию об этом спортсмене-любителе в своем проекте Red Bull Local Hero (региональные соревнования для молодых велосипедистов-акробатов) [14].

Классификация бренд-медиа

Существует несколько классификаций бренд-медиа. Первая из них – традиционное разделение медиа на печатные и электронные – вполне применима и к бренд-медиа. Большинство бренд-медиа появились уже в эпоху диджитализации и изначально являлись электронными.

Кроме того, можно разделить бренд-медиа по типу аудиторий, на которые они направлены:

1. Бренд-медиа, направленные на клиентов владельца бренда. Это самый распространенный вид бренд-медиа. Обычно в них обсуждаются проблемы, связанные с применением продукции бренда. Например, бренд-медиа страховой компании может писать о проблемах со старыми квартирами или о вещах, которые стоит на всякий случай взять с собой в путешествие.

2. Бренд-медиа, направленные на партнеров владельца бренда. Такие бренд-медиа чаще всего создают корпорации, работающие в b2b сфере (бизнес для бизнеса – вид информационного и экономического взаимодействия, классифицированного по типу взаимодействующих субъектов, в данном случае это юридические лица, работающие не на конечного рядового потребителя, а на такие же компании, то есть на другой бизнес). Основные читатели таких бренд-медиа – топ-менеджеры, бизнесмены и инвесторы. В таких бренд-медиа особенно ценится профессионализм и деловой подход, а авторы статей являются экспертами.

3. Бренд-медиа, направленные на сотрудников владельца бренда. Задача таких бренд-медиа – укрепить командный дух и поддерживать

амбиции сотрудников к профессиональному росту. Зачастую их создают крупные корпорации, в которых так много сотрудников, что им сложно чувствовать себя одной командой. Основные материалы в таких медиа – интервью с лучшими сотрудниками, планы развития компании, советы по достижению успеха в работе [19].

Однако такую классификацию можно поставить под сомнение. Зачастую аудитория бренд-медиа «размывается» и его материалы могут быть направлены на разные аудитории. Это делается умышленно с целью не оттолкнуть аудиторию, которая может сделать вывод, что этот материал не для них.

Ещё одна классификация бренд-медиа – это классификация по типу контента. В американской типологии бренд-медиа делят по этому критерию на:

Brand Awareness (внутренняя кухня, новинки, продукты, оригинальные способы их использования);

Industry News (об индустрии в целом);

Create & Sponsor (сайт-агрегатор лучших материалов с разных ресурсов для специфической аудитории);

4) Lead Generation (блоги на сайтах компаний, сеть блогов) [12, с. 7].

Бренд-медиа имеет ряд сходств с традиционными СМИ. Бренд-медиа, как правило, имеют сложившийся состав редакции, издаются регулярно, используют актуальные информационные поводы, придерживаются разнообразия рубрик и жанров. Как и в традиционных СМИ, публикации обычно подписываются именем автора. Все эти характеристики объединяют бренд-медиа с традиционными СМИ.

Однако бренд-медиа отличается от традиционных СМИ специфической целью. Бренд-медиа действуют в интересах продвижения определенного бренда и за его счет, в то время как традиционные СМИ не привязаны к определенной корпоративной структуре и должны, согласно этическим правилам, стремиться к объективности и беспристрастности.

Бренд-медиа отличается также и от официальных новостей и пресс-релизов компаний. Ряд исследователей используют термины «бренд-медиа» и «корпоративные СМИ» как синонимы. Однако не весь информационный контент, который публикует корпорация, можно назвать «бренд-медиа».

Например, данные о курсе акций компании, открытии новых производств, перестановках в руководстве компании, хоть и выпускаются корпоративными СМИ, не являются контентом бренд-медиа. Дело в том, что подобные материалы не связаны напрямую с брендом, которым владеет данная компания и не направлены на его продвижение.

Помимо отличия бренд-медиа от корпоративных новостей, следует подчеркнуть также и важное отличие продукции бренд-медиа от рекламы. Реклама – это прямое перечисление положительных качеств товара или услуги определенного бренда с целью побуждения к его покупке. Бренд-медиа же, с другой стороны, чаще всего не говорит напрямую о качествах товаров или услуг этого бренда. Напротив, бренд-медиа отталкивается от нужд потребителя. Материалы бренд-медиа обычно рассказывают о сферах жизни, связанными с корпорацией, владеющей брендом. Такие материалы снабжают аудиторию полезной и интересной информацией, не продвигая продукты бренда через прямое перечисление их характеристик и качеств.

Функции бренд-медиа

Процесс потребления контента бренд-медиа обычно устроен следующим образом. Потребитель (читатель, зритель, слушатель) бренд-медиа обычно взаимодействует с бренд-медиа не с целью узнать больше о бренде. Зачастую его приводит туда поиск практической пользы: например, потребитель ищет в интернете информацию о том, как получить налоговый вычет и попадает на соответствующую статью в Tinkoff Journal. Или же польза, за которой идет потребитель, не напрямую практическая: например, пользователю интересно узнать об отношениях Китая и России, и он переходит на статью об этом в HSE Daily [13].

Однако, решая проблему читателя, бренд-медиа одновременно и повышают узнаваемость бренда, и закрепляют позитивные ассоциации, связанные с ним: это тот банк, чье медиа помогло мне оформить документы для налогового вычета; это тот университет, чье медиа помогло мне разобраться в отношениях России и Китая. Теперь банк подсознательно ассоциируется с пониманием экономических процессов, а университет – с глубиной знаний о международных отношениях. Так создается имидж бренда как эксперта в определенной сфере. Более того, возможно, потребитель, запомнив, что это бренд-медиа было ему полезно, зайдет на него вновь, когда у него возникнет новая схожая потребность. Бренд может не упоминаться в самом тексте публикации, однако его след присутствует в названии издания или дизайне [18].

При этом существует и обратная механика: не только потребитель контента узнает что-то полезное для себя, но и корпорация, владеющая брендом, узнает о своей аудитории. По тому, какие публикации становятся популярнее, какие комментарии оставляют читатели под статьями, можно лучше понять свою аудиторию, её образ жизни, потребности и ценности. Эта информация позволяет корпорации улуч-

шить свои продукты и увеличить прибыльность. Кроме того, это позволяет лучше таргетировать свою рекламу с учетом конкретных характеристик аудитории.

Таким образом, для компании (владельца бренда) бренд-медиа выполняет функцию продвижения бренда через повышение его узнаваемости, формирование его позитивного имиджа, создания лояльности бренду. Кроме того, с помощью бренд-медиа компании лучше узнают свою аудиторию. Все эти функции крайне важны в условиях конкурентной экономики, где потребители регулярно делают выбор между товарами и услугами различных компаний.

Однако бренд-медиа также имеют значимую функцию и для потребителей. Эта функция – обеспечение потребителя информацией, которая может удовлетворить его потребность, как связанную с его практической жизнью, так и связанную со сферой его интересов.

Бренд-медиа напоминают традиционные СМИ разнообразием освещаемых тем и форматов. Часть бренд-медиа похоже на деловые СМИ, другие – на lifestyle издания или развлекательные СМИ. Традиционные СМИ тоже обеспечивают читателей (зрителей, слушателей) информацией. Конкурируя с ними за внимание потребителей контента, бренд-медиа могут прибегать к различным инструментам. Это может быть раскрытие наиболее актуальных, важных для потребителя тем, о которых меньше пишут (или ещё не успели написать) традиционные СМИ. Также это может быть более живой, интересный формат, с более ясной подачей, благодаря которой лучше устанавливается контакт с читателем (зрителем, слушателем). Кроме того, бренд-медиа могут использовать ресурсы корпорации, владеющей брендом, чтобы нанимать самых компетентных и именитых журналистов, работающих в этой сфере. Ещё одним способом может быть уникальная информация, полученная бренд-медиа за счет доступа к лучшим экспертам, разбирающимся в соответствующей теме.

Ещё одной функцией бренд-медиа является формирование сообщества. Зачастую материалы бренд-медиа – это не только полезная информация, но и приглашение к дискуссии. Дискуссия может проходить напрямую в комментариях под материалом, так и в группах в социальных сетях/чатах в

мессенджерах. Так бренд-медиа предоставляет потребителям контента возможность поделиться своим опытом с другими людьми, имеющими схожие интересы или проблемы. Например, в комментариях под статьями в «Тинькофф-журнале» зачастую собираются люди, чья работа или увлечения так или иначе связана с финансами.

Нужно учитывать, что бренд-медиа потребляют не только люди как индивиды в своей повседневной жизни, но и работники компаний в связи с их профессиональными обязанностями. Экспертные мнения, аналитика или инсайды, опубликованные бренд-медиа, могут быть использованы аналитиками корпораций, работающими в той же сфере, консалтинговыми компаниями и даже исследователями, создающие научные статьи. Это приводит нас к ещё одной функции бренд-медиа – обеспечение рынка и общества в целом надлежащей информацией и её анализом.

Таким образом, хотя компании создают бренд-медиа в первую очередь для продвижения собственного бренда, бренд-медиа выполняют ряд других функций. Они помогают потребителям контента удовлетворить свои потребности в информации, формируют сообщества по интересам и снабжают рынок ценной аналитикой.

Этика в бренд-медиа

Как было сказано выше, бренд-медиа находится на стыке журналистики и маркетинга. Здесь возникает важный вопрос конфликта интересов и этичности бренд-медиа. С точки зрения журналистской этики, журналист должен стремиться к объективности и беспристрастности. Более того, узнав общественно значимую информацию, которую бренды предпочтут скрыть, журналист должен раскрыть её.

Бренд же заинтересован использовать бренд-медиа для своего продвижения. Следовательно, сотрудник бренд-медиа должен показывать свой бренд и его продукты с самой лучшей стороны, сглаживая углы и не раскрывая то, что может плохо повлиять на репутацию бренда [12].

Сейчас эта проблема решается следующим образом. Бренд-медиа редко пишут о собственном бренде напрямую, вместо этого создавая материалы, обещающие конечную пользу для читателя. Скорее всего они поступают так не из этических соображений, а просто потому что статьи, рассказывающие о положительных качествах этого бренда от медиа этого бренда не очень интересны аудитории. Такие статьи вызывают у аудитории подозрения в ангажированности и, к тому же, ассоциируются с рекламой.

Вместо этого бренд-медиа создают контент, который работает с потребностями самого читателя. Например, статьи о том, как грамотно распределять семейный бюджет, следить за здоровьем или продвигать свой сайт. Да, бренд-медиа не говорят о недостатках своего бренда, но они в целом избегают делать материалы о нём, в том числе «позитивного» характера.

Ещё одним способом решения этой проблемы можно назвать замену «принципа объективности» на «принцип прозрачности». Бренд-медиа, прозрачно заявляющие о том, что они субъективны и предвзяты в сторону бренда, создают у читателей соответствующие ожидания: не следует верить нашим публикациям на слово, учитывайте, что мы предвзяты. Строго говоря, и в традиционной журналистике возможны предвзятые публикации из-за политических взглядов журналиста или идеологической политики издания.

Оставив в стороне описанный конфликт интересов, рассмотрим другой этический вопрос – выбор тематики для публикаций бренд-медиа и социальную ответственность бренд-медиа.

Традиционные СМИ при выборе тематики публикаций руководствуются критериями общественной значимости (что интересно аудитории), профиля издания (о каких темах оно обычно пишет) и наличия достаточных ресурсов для освещения темы. Бренд-медиа же более специфичны в вопросах выбора тем. Брендам необходимо, чтобы читатель заинтересовался брендом, ощутил пользу от этой публикации. Это повышает его лояльность бренду. Таким образом, бренд-медиа могут избегать тем, который не работают на продвижения их бренда. Например, бренд-медиа о кино, принадлежащее онлайн-кинотеатру, может не писать о фильмах, не представленных в этом онлайн-кинотеатре.

Существуют различные точки зрения на то, как может быть решена эта проблема. Часть исследователей, например, Андрей Мирошниченко, считают, что с течением времени корпорации вынуждены будут стать более социальными, писать на общественно значимые темы: «бренды, став медиа, будут вынуждены конкурировать за внимание публики. Чем больше бренды будут втягиваться в эту конкуренцию, тем с большей неизбежностью они будут обращаться к социально-значимым темам. В конце концов, они смогут даже перехватить функцию социальной ответственности у традиционных СМИ» [9].

Однако данная точка зрения может быть поставлена под сомнение. Даже когда бренд-медиа пишут о социально значимых темах, обычно они выбирают только те, что касаются сферы действия корпорации и выгодно преподносят её с маркетинговой точки зрения. Более того, с маркетинговой точки зрения занимать какую-то четкую позицию в общественно значимой дискуссии может быть невыгодно – в таком случае бренд-медиа настраивает противников этой позиции против бренда, что вступает в противоречие с целями.

Бренд-медиа в России

Бренд-медиа в России существует сравнительно непродолжительное время. Среди первопроходцев можно назвать «Тинькофф Журнал», медиа о финансах, запущенное банком «Тинькофф», и медиа о кино «Титр» онлайн-кинотеатра Ivi.ru. Оба эти бренд-медиа появились в 2015 году.

Поскольку бренд-медиа – молодое явление, у развития бренд-медиа есть целый ряд барьеров:

мало специалистов, умеющих работать в этой сфере, подбор кадров затруднен;

нет общей базы знаний, которая позволяла бы понять, как развивать бренд-медиа;

корпорациям сложно оценить эффективность вложений в бренд-медиа, нет общей картины по рынку, смотря на которую можно сопоставить свое бренд-медиа с другими.

Чаще всего российские бренд-медиа создаются финансовыми или технологическими компаниями. Крупные корпорации часто имеют несколько бренд-медиа: например, у банка «Сбер» пять медиа, а у технологической компании «Яндекс» четыре медиа.

Преобладает финансовое обеспечение бренд-медиа исключительно на деньги корпорации, владеющей брендом. Из 30 бренд-медиа, отобранных для исследования К. Р. Нигматуллиной и Н. А. Павлушкиной, только два используют дополнительный источник дохода: продажу рекламы [7].

Российские бренд-медиа сильно отличаются друг от друга с точки зрения преобладания в них журналистских или маркетинговых элементов. Издания «Код» и «Катрен Стиль» максимально похожи на традиционную журналистику, в то время как «ПИК медиа» и Green Лента в большей степени обладают чертами контент-маркетинга.

В том же исследовании авторы приходят к выводу, что не все бренд-медиа ставят для себя задачу получить максимальный трафик в нише или поднять собственную цитируемость или узнаваемость. Результаты по охвату бренд-медиа в Интернете весьма скромные по сравнению с традиционными СМИ. Более того, этап поиска бренд-медиа показал, что не все из них было возможно найти через простой поиск в Интернете, требовались дополнительные запросы и звонки. В пресс-службах компаний не всегда были готовы ответить на вопрос, есть ли в компании бренд-медиа или корпоративные СМИ, исследователи получали запросы на официальные письма или предложения подождать, пока информация уточняется. В идеальной картине мира

бренд-медиа существует в видимом медийном поле и находится в первой выдаче поисковой машины по ключевым запросам. При попытке найти бренд-медиа для отдельных компаний были найдены другие медиа, которые не имели отношения к брендам, но выполняли сходные функции в данной тематической нише.

На данном этапе далеко не все компании, находящиеся в топ-200 РАЕХ, в целом способны сформулировать свои маркетинговые запросы и выбрать инструмент бренд-медиа с определенными характеристиками.

Исследователи приходят к выводу, что моду на создание бренд-медиа формируют не компании, а специалисты, которые умеют производить данный продукт [7].

Большая часть российских бренд-медиа (80%) используют неофициальный стиль изложения, в то время как официальный стиль предпочитают лишь 20% [13].

Слабое место русскоязычных бренд-медиа – это взаимодействие с аудиторией. Согласно исследованию, только 6 из 30 компаний реагируют на обратную связь аудитории, создавая материалы на запрошенную тему.

Тем не менее, предпринимаются усилия для обобщения опыта бренд-медиа. 13 февраля 2022 в стенах Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ прошел круглый стол, посвященный развитию бренд-медиа. В нем приняли участие исследователи университета, сотрудники и издатели бренд-медиа.

Основные выводы круглого стола:

- 1) у бренд-медиа есть проблемы с методиками и кадрами;
- 2) тем не менее, даже в текущем состоянии бренд-медиа помогает корпорациям продвигать свой бренд и увеличивать продажи;
- 3) в долгосрочной перспективе бренд-медиа в России будут увеличиваться как в количественных показателях, так и в охвате публикаций [16].

Рассмотрим бренд-медиа из банковской сферы: «Тинькофф Журнал» и «СберПро Медиа».

«Тинькофф Журнал» – бренд-медиа, являющееся частью экосистемы банка «Тинькофф». Данное медиа позиционирует себя как «самый большой в России журнал про деньги» [17].

«Тинькофф» – популярный, но сравнительно молодой банк, чья репутация ещё находится в процессе формирования. Поэтому «Тинькофф Журнал» стал важной частью политики компании по продвижению своего бренда. В данном медиа большой упор делается на

уникальность контента и экспертность авторов. Для «Тинькофф Журнала» пишут авторы «Ведомостей», РБК и «Коммерсанта».

Одним из приемов вовлечения аудитории, которую применяет «Тинькофф-Журнал», является геймификация. Например, очень популярной стала статья «Как бы вы жили на свою зарплату в СССР», в которой можно было ввести свою нынешнюю зарплату в онлайн и узнать, какой образ жизни в прошлом можно было вести на такую сумму [8].

Кроме того, «Тинькофф Журнал» также позволяет аудитории создавать свой собственный контент на площадке данного бренд-медиа. Читатели могут поделиться опытом, написав свою статью – например, в рубрике «Дневники трат» [3]. В таких дневниках читатели рассказывают о своих источниках доходов и о расходах, статьи иллюстрируются фотографиями. Такие материалы близки и понятны аудитории, которая может самостоятельно рассуждать, оправдана ли та или иная траты, или узнать про способы сэкономить деньги [4].

Крупнейший универсальный банк России – ПАО «Сбербанк» (зарегистрированная торговая марка «Сбер») – также выпускает бренд-медиа. Его название – «СберПро Медиа». Яркое отличие «СберПро Медиа» от «Тинькофф Журнала» – ориентация на другую аудиторию и использование другой тематики.

«СберПро Медиа» – это медиа-ресурс скорее не про деньги, а про бизнес. Разделы на его сайте посвящены различным отраслям бизнеса: туризму, промышленности, торговле, транспорту, недвижимости. На сайте «СберПро Медиа» публикуются обзоры последних экономических событий (например, ПМЭФ), а также руководства и практические кейсы из областей маркетинга, HR и международных расчетов [15]. В целом, «СберПро Медиа» позиционирует себя как деловое медиа с высокой экспертизой и серьезной подачей материала.

Всплеск популярности IT-профессий создал спрос на курсы обучения этим специальностям. Корпорации, владеющие этими курсами, также создают бренд-медиа. Рассмотрим два примера: журнал «Код» и «Skillbox Media»

Журнал «Код» выпускается сервисом онлайн-курсов «Яндекс. Практикум». Этот сервис предоставляет услуги по обучению IT-профессиям, поэтому журнал «Код» посвящен программированию [5].

Данное бренд-медиа направлено на разные целевые аудитории, что проявляется в разном характере материалов. Часть статей направлены на начинающих IT-специалистов (например, начавших или планирующих начать обучение в «Яндекс. Практикуме»). С помощью таких статей новичок в индустрии может узнать, как можно быстро проте-

стировать сайт, сколько времени уходит на написание кода и как начать карьеру в ИТ.

Другие материалы подойдут и более опытным специалистам: например, материалы о том, как работают DOS-атаки или сколько в среднем зарабатывают Python-разработчики.

Как и «Тинькофф-журнал», «Код» также использует инструмент геймификации. В данном бренд-медиа активно используются тесты, посвященные разным способам разработки или зарплатным ожиданиям.

«Skillbox Media» также выпускается сервисом онлайн-курсов по обучению ИТ-профессиям – «Skillbox». По структуре «Skillbox Media» похож на «Код»: среди рубрик присутствуют новости индустрии, статьи, руководства и тесты [22].

Однако есть и значимые отличия. Во-первых, у «Skillbox Media» гораздо меньше материалов для начинающих специалистов и больше для тех, кто уже имеет знания и опыт в индустрии, иными словами, «Skillbox Media» нацелен на более продвинутую аудиторию, чем «Код». Кроме того, «Skillbox Media», помимо раздела о программировании, имеет разделы о дизайне, геймдеве (создании компьютерных игр), бизнесе, маркетинге, кино.

Далее рассмотрим бренд-медиа в сфере медицины. Один из самых известных примеров – «Катрен Стиль», онлайн-журнал для фармацевтов и медицинских работников [10]. Его выпускает «Катрен» – один из крупнейших фармацевтических дистрибуторов в России.

«Катрен Стиль» направлен на узкую аудиторию, обладающую знаниями в медицине и фармацевтике. «Катрен Стиль» рассказывает о новостях фармацевтической индустрии и новых правилах, регулирующих эту сферу. Кроме того, на сайте «Катрен Стиль» есть уведомления о проводимых вебинарах по фармацевтической и медицинской тематике и календарь, в котором удобно отслеживать предстоящие вебинары.

Что касается аналитики, «Катрен Стиль» имеет несколько рубрик. В статьях-разборах анализируется лекарства, биологически активные добавки, медицинские практики. Также есть рубрика «Интервью экспертов», где специалисты рассказывают о состоянии дел в отрасли и отдельных её областях (например, фармацевтической химии). Использует «Катрен Стиль» и тесты – например, читатель может проверить себя, правильно ли он дает консультацию клиенту, пришедшему в аптеку.

Другой пример медицинского бренд-медиа – «Купрум», выпускаемый «Севергрупп Медициной», компанией, специализирующейся на разработке и внедрении программного обеспечения в сфере медицины [11].

Если «Катрен Стиль» явно ориентируется на профессионалов, то материалы «Купрума» адресованы и более широкому кругу читателей. «Купрум» разбирает полезность коровьего молока для ребенка, объясняет, что влияет на результативность процедуры ЭКО и как сохранять здоровый цвет кожи. Есть и отдельная рубрика с ответами на вопросы читателей.

«Купрум» отличается от «Катрен Стиль» и менее официальным дизайном с большим количеством ярких цветов и картинками, стилизованными под детские рисунки.

Можно выделить несколько особых видов бренд-медиа, отличающихся от «типовых» бренд-медиа. Первый из них – студенческие бренд-медиа. Такие СМИ похожи на все остальные бренд-медиа тем, что они также продвигают определенный бренд (в данном случае – бренд университета). Однако их часто создают не профессиональные журналисты, а студенты университета. Таким образом, студенческие бренд-медиа имеют дополнительную функцию содействия профессиональному и творческому развитию студентов.

Самый яркий пример студенческих бренд-медиа – «HSE Daily», выпускаемое Высшей школой экономики [20]. Оно интересно выбором тем для публикаций. «HSE Daily» меньше говорит о событиях студенческой жизни Высшей школы экономики и больше – об актуальных мировых экономических и политических событиях, например, выборах в Турции или изменениях правил ЦБ об ипотеке. За счет этого создается образ вуза, в котором студентов обучают разбираться в сложных проблемах разных стран, что продвигает бренд Высшей школы экономики.

Схожую практику использует «Lingva», журнал факультета иностранных языков и регионоведения (ФИЯР) Московского государственного университета [21]. О жизни ФИЯР в нем рассказывается немного, основные разделы – это наука, культура, гид и правила жизни. Например, «Lingva» проводит виртуальные экскурсии по Японии, рассказывает о влиянии binge-watching и публикует интервью об искусстве перевода.

Приведенные примеры показывают, что бренд-медиа могут освещать различные сферы жизни: деньги и бизнес, программирование, медицину, экономику и политику, при этом рассчитывая на разные целевые аудитории. Общим для всех примеров можно назвать стремление быть максимально полезным читателю, отвечая на его потребности. При этом продвижение бренда происходит в «мягкой» форме, без прямой рекламы – через название, дизайн или редкие упоминания.

В России бренд-медиа все еще новое явление, поэтому оно сталкивается с проблемами кадров, знаний и методик, а также с проблемой

оценки эффективности. Тем не менее, у брендов есть уверенность, что уже сейчас бренд-медиа позволяет им продвигать себя, и в долгосрочной перспективе ожидается рост бренд-медиа.

Литература

1. Амиров В. М., Иванова П. Г. Бренд-журналистика и практика продвижения образовательных услуг вуза // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2022. – № 3 (45). – С. 64–72.
2. Барковский Д.А. Социальная ответственность бренд-журналистики: миф или реальность? // Вестн. Волжск. ун-та им. В. Н. Татищева. – 2021. – № 1. Том 1. – С. 100-108.
3. «Дневники трат» от читателей Т-Ж. – Режим доступа: <https://journal.tinkoff.ru/selected/expenses-diary/> (дата обращения: 23.05.2023).
4. Жданова А. В. Технологии подачи контента в Тинькофф-журнале // Гуманитарный акцент. – 2022. – С. 32-39.
5. Журнал «Код». Программирование без сnobизма. – Режим доступа: <https://thecode.media/> (дата обращения: 23.05.2023).
6. Захарова, М. М. Бренд-медиа как актуальный метод продвижения товаров и услуг / М. М. Захарова // Новые тренды журналистики и медиакоммуникаций: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 06 апреля 2022 года / Российский государственный гуманитарный университет. – М., 2022. – С. 20-22.
7. Исследование феномена бренд-медиа. – Режим доступа: https://media-research.palindrome.media/?utm_source=vc&utm_medium=pr&utm_campaign=article (дата обращения: 23.05.2023).
8. Как бы вы жили на свою зарплату в СССР? – Режим доступа: <https://journal.tinkoff.ru/back-in-the-ussr/> (дата обращения: 23.05.2023).
9. Как корпорации становятся медиа. – Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/kak-korporatsii-stanovyatsya-media-5473.html> (дата обращения: 23.05.2023).
10. Катрен Стиль. Онлайн-журнал для фармацевтов и медицинских работников. – Режим доступа: <https://www.katrenstyle.ru/> (дата обращения: 23.05.2023).
11. Купрум. Все про здоровье и качество жизни с научной точки зрения. – Режим доступа: <https://cuprum.media/> (дата обращения: 23.05.2023).
12. Нигматуллина К. Р., Павлушкина Н. А. Рынок бренд-медиа в России: определения, классификация, характеристики // Вестн. Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. – 2022. – № 6. – С. 3-27.
13. Прямой разговор с аудиторией: зачем бизнесу бренд-медиа. – Режим доступа: <https://daily.hse.ru/post/486> (дата обращения: 16

25.05.2023).

14. Ромашова И. П. Корпоративные СМИ как новые медиа // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 3 (5). – С. 17-42.

15. СберПро Медиа. – Режим доступа: <https://sber.pro/> (дата обращения: 23.05.2023).

16. Так что такое бренд-медиа, в конце концов. – Режим доступа: <https://vc.ru/media/552888-tak-chto-takoe-brend-media-v-konce-koncov> (дата обращения: 23.05.2023).

17. Тинькофф Журнал: журнал про ваши деньги. – Режим доступа: <https://journal.tinkoff.ru/> (дата обращения: 23.05.2023).

18. Что такое бренд-медиа и зачем они нужны. – Режим доступа: <https://medium.com/@mediator.media/что-такое-бренд-медиа-и-зачем-они-нужны-100bbe725932> (дата обращения: 25.05.2023).

19. Что такое бренд-медиа и стоит ли его заводить. – Режим доступа: <https://ok.ru/business/topic/155078616688000> (дата обращения: 23.05.2023).

20. HSE Daily. – Режим доступа: <https://daily.hse.ru/> (дата обращения: 23.05.2023).

21. Lingva. Журнал факультета иностранных языков и регионоведения МГУ. – Режим доступа: <https://lingva.ffl.msu.ru/> (дата обращения: 23.05.2023).

22. Skillbox Media – журнал для профессионалов. – Режим доступа: <https://skillbox.ru/media/> (дата обращения: 23.05.2023).

B. Хорольский

Нужна ли журналистика сегодня? (К спорам о взаимоотношениях журналистики и медиакоммуникативистики)

*Вдруг, как в сказке, скрипнула дверь
Все мне ясно стало теперь <...>
Тот, кто ждет, все снесет, как бы жизнь ни была,
Лишь бы все, это все, не напрасно было!
Л. Дербенев*

Лирическое вступление. О целях и задачах...

Казалось бы, зачем задавать глупые вопросы? Нужна ли журналистика? Нужно ли изучать социальные проблемы или вообще что-то изучать? Нужно ли людям общаться с помощью технологий и машин? Или вообще общаться? Абсурдность подобных риторических вопросов вроде бы очевидна. Но вот вопрос: нужны ли сегодня теоретики журналистики? Это уже не абсурд, хотя рубить сук, на котором сидишь, тоже не очень умное решение. Если нет подлинной журналистики, то зачем и мы, теоретики? В строгой научной статье подобные вопросы выглядят не просто банально, но даже как-то не оченьлично. Но в форме эссе и провокативного дискурса, как представляется, разговор возможен и даже нужен.

Поясним его **цели и задачи**. Во-первых, сегодня наблюдается оживление дискуссий о слиянии теории журналистики с теорией массовых коммуникаций (далее – ТМК), что является не только закономерным процессом взаимодействия наук, но и, помимо всего прочего, данный процесс выступает значимым трендом «новых медиа», который ведет к переоценке терминологии **всех** социо-гуманитарных наук. Во-вторых, в научных кругах, в различных специализированных изданиях идёт напряжённый методологический спор о словах, то бишь о новых теоретических явлениях и концепциях. Спор не на пустом месте, но журналистика, важная профессия и социально-гуманитарная институция, пребывает, как показывает самое поверхностное знакомство с её практикой, в глубоком кризисе, когда инфляция слов и текстов привела к демпингу научного знания. ТМК пребывает если не в тупике, то в водовороте мельтешащих теорий и мнений. В прострации и теоретики журналистики. Но при этом профессия («журналистика»), оставаясь востребованной, приносит прибыль владельцам медиаиндустрий, хотя

стремительно теряет статус сплачивающей-ориентирующей силы, статус коллективного советчика, а то и «властителя дум».

Цель автора этих строк проста: обобщить собственные наблюдения последних пяти десятилетий с тем, чтобы дать свои крайне субъективные ответы на каверзные сакраментальные вопросы о судьбе профессии «журналистика», о развитии ТМК в ближайшие годы. В задачи автора, конечно же, входит анализ проблемы растворения журналистики в коммуникативистике и ТМК, проблема границ, сотрудничества и мезальянса гуманитарных наук, а также (вс科尔льзь) надо упомянуть о слияния науки о социуме и внеученных (или окононаучных) представлений, которые играют значительнейшую роль в создании медиапродукции, если они базируются на здравом смысле и мыслительных матрицах нормальных людей.

1. «Сущее», «социальное» и «медиакоммуникативное»: общие корни и разные подходы к изучению категорий

Сравнительно недавно в РФ появилась научная дисциплина (и специальность) «5.9.9 Медиакоммуникации и журналистика», причем в названии «первое слово дороже второго», оно не просто расширяет горизонты традиционной теории журналистики, но и выводит её на новый уровень обобщения фактов и явлений. Более того, можно видеть, что речь идет о плодотворном сплаве методологий, порождающих абсолютно новое научное направление в гуманитаристике. Вроде бы гармония налицо: мы видим «брак по любви» двух дисциплин, не просто смежных отраслей знания, а близкородственных дисциплин, причём, думается, факт доброчного сожительства давно состоялся «де facto», без ЗАГСа. Внебрачные отношения были долгими и плодотворными.

Объект изучения, т.е. область реального мира и бытия социума, в обеих дисциплинах почти один и тот же: человеческое общение, преимущественно с помощью технологий, функционирование СМИ и медиаиндустрии в контексте социального и экономического пространства, креативность при создании медийных текстов (МТ), конвенциональная и идеально-нормативная миссия, основой которой служит поиск научной истины и создание научной же картины мира (НКМ)... Да мало ли общих точек соприкосновения?! Однако не будем спешить с радостными приветствиями и объятиями на этой «свадьбе». Мезальянс (на мой взгляд, не в пользу журналистики) налицо. Хорошо это или плохо? Сказать однозначно нельзя. Но обсуждать можно.

Теория медиакоммуникаций, ТМК, практическая коммуникативистика, коммуникология – это безбрежная, как космос, сфера дея-

тельности огромных разнородных коллективов: культурологов, социологов, рекламистов, психологов, экономистов, предпринимателей, политологов и политиков, обычных граждан и т.д. Журналистика как профессия имеет более узкий круг задач и работников, более четкие, иногда вполне конкретные границы, нормы, творческие задачи. «Брак» между конкретным ремеслом (пусть творческим, эстетическим, интеллектуальным) бесконфликтным не будет, что, впрочем, нормально, ибо бесконфликтные браки случаются не чаще мировых потопов, конфликт интересов – это никак не исключение в обычной жизни и в мировой Жизни. Что же позволяет нам судить о грядущем (и потенциально присутствующем сегодня) конфликте интересов журналистики и родственных профессий и наук?

Во-первых, журналистика является специфической профессией, соединяющей научный поиск истины и околонаучное «бытовое» знание о законах каждодневной жизни. Журналист обязан быть знатоком Повседневности, экспертом в сфере быстротекущих дней и забот. Кстати, слово «жизнь» далее нами будет употребляться в двух значениях – с прописной буквы «Жизнь» будет рассматриваться как философская категория, а в обычном значении «жизнь» будет толковаться в духе репортёрской конкретики. Журналистика, естественно, не враг философии и медиакоммуникаций как сферы глобальных коммуникативных процессов, но её растворение в царстве медиаиндустрий и креативных технологий чревато потерей лица профессии, утратой идеала правдоискательства, потерей телеологической функции защиты слабых и создания информационного противовеса сильным, без чего сбор информации становится ремеслом, которому уже есть альтернатива – искусственный интеллект (ИИ), пропаганда и имиджевые МТ, корпоративные МТ, программа телепередач, прогноз погоды, анекдоты и т. п. Кризис журналистики порождён кризисом социума, это оправдание, как для профессии «журналист», так и для плохой работы врачей, учителей, чиновников... но от этого не легче.

Во-вторых, этический пафос журналистики, будучи очевидным признаком профессии, ставится нередко под вопрос. Ясно, что в идеале существует более очевидное и нередко более острое, чем у многих других профессий, чувство долга перед «народом», т.е. потребителем МТ, моральные нормы запрограммированы и неплохо проанализированы в учебниках по журналистике, в этических кодексах, в законах о СМИ. Естественно, деонтология, нравственный пафос, этические нормы этой профессии более очевидны в МТ и в дискурсах профессионального общения, они бытуют как теоретический (а порой и

практический) позитивный ресурс в конкурентной борьбе за умы, за рейтинги, за бренды, за место под солнцем, существуя как фактор воспитания критически мыслящих, «неконформистских» (non-conformist, в бытовом, не в религиозном контексте) слоёв населения, как фермент образования «продвинутых юзеров».

В то же время, как известно, инструментальный подход к СМИ в обыденной Жизни перечеркивает теорию, журналистика в идеале имеет некоторое моральное преимущество «цепного пса демократии», но «суха теория, мой друг...», как писал Гёте. Кстати, а может быть, и не очень кстати, о демократических СМИ. Демократия предполагает свободу журналистики, правовое государство вроде бы защищает журналистов, а не героев их разоблачений. Свободные от «опёки» чиновников журналисты и есть реализованный идеал миссии, это общественный контроль за властью. И запрещать им безнаказанно говорить – значит убивать профессию. И первой обязанностью демократических СМИ в странах нормальной демократии считается защита верховенства права личности и неукоснительность соблюдения прав человека в социуме. Прежде всего для журналиста важно право на свободу общения с аудиторией. Свобода нами понимается как невмешательство в личную жизнь граждан внешних сил, как отсутствие вмешательства извне, при котором индивиды уже не могут действовать и выражать себя по своему усмотрению, хотя, конечно, надо помнить и об «осознанной необходимости» соблюдать законы.

Коммуникаторы в интернете в идеале являются самоуправляемыми, как правило, сетевое общение расширяет горизонты свободы, а вмешательство, исходящее от правительства, спецслужб и от корпораций, от кланово-капиталистических и корпоративных группировок, имеющих оттенок полулегальности, а то и криминальитета, ведут в упрочению тоталитарного дискурса. Порой в речах политиков слышны отзвуки дискурса сталинских вертухаев. За последние несколько лет развились различные направления этого дискурса. И все они сужают пространство индивидуальной свободы.

Все законы, дающие право на свободу самовыражения и публичной коммуникации, прописаны в Конституции РФ, только это почему-то мало и редко цитируется в наших СМИ. Иногда услышишь писк о правах, но это оказываются права чиновников на сокрытие своих доходов. Чиновники-специалисты по правам человека чаще волнуются о правах избранных, а не всех.

В-третьих, настоящая журналистика – это, как правило, наличие субъективно-авторского поискового начала, это поведение профессио-

нала, бросающего вызов конвенциям и цензуре, а потом уже думающего о плодах усилий, о технологических достижениях коллективов и умных машин. В рекламных текстах креативное качество МТ как продукта индивидуального таланта тоже неизбежно присутствует, но оно, креативное начало отдельной личности творца, менее замечается публикой, не случайно создателей рекламы люди помнят реже, чем журналистов, которых они тоже не очень помнят, но историки журналистики на то и существуют, чтобы зафиксировать малейшую крупицу индивидуальной оригинальности и сохранить любой проблеск умной мысли.

В агитационных МТ индивидуальное начало и вовсе звучит глухо, хотя имена многих публицистов-агитаторов история сохраняет. Чаще всего это заметные художники слова (В. Маяковский, Б. Brecht, Дж. Оруэлл и т.п.), политики (В. Ленин, Л. Троцкий, Ф. Кастро), ученые (С. Хокинг, А. Сахаров, Д. Лихачев, Ю. Лотман). Научно-популярная публицистика роднит научные тексты и пропаганду здравого смысла, что делает научную журналистику важнейшим инструментом создания НКМ. Сегодня специализированная информация в СМИ более всего поддерживает познавательные идеалы качественной журналистики, которой аудитория пока ещё в той или иной мере доверяет. Вместе с тем, журналистика дрейфует на границе ТМК, НКМ и картины мира, созданной вненаучными или же инонаучными формами познания, бытовой мудростью. Она обречена на оперативное скольжение от факта к факту, без должного углубления в «затекст».

Журналистские тексты способствуют гармонизации отношений в обществе в той мере, в какой они вызывают доверие у аудитории, это аксиома, трюизм. Официальные СМИ пытаются заслужить доверие масс за счет эксклюзивной информации «из коридоров власти», но это не всегда срабатывает, если учесть наличие в официозной информации умолчаний, эффектов «черного ящика», а то и прямой лжи. Не верить СМИ полностью потребителям нельзя, игнорировать работу журналистов глупо, инфопотребность – закон Жизни, базовый инстинкт. А выбрасывать или даже выключать телевизор не просто глупо, но и антинаучно, нелепо. Да, есть люди, игнорирующие ТВ и газеты, но это тупиковая реакции занятых, усталых или истероидных личностей.

Нам в ближайшие десятилетия не жить без СМИ, ведь надо же знать новости – иначе социальное единство, идентичность этносов окажется под вопросом. СМИ – это кривое зеркало, но не в пустую же стену смотреть! Иногда автор этих строк, глядя в зеркало, восхищается, нет не собственной физиономией, увы, но способностью медийно-

го стекла-кривого зеркала так дотошно, в мельчайших подробностях воспроизводить детали социальной физиономии тех, кто не хочет видеть грязные пятна реальности, и поэтому обличает всех журналистов в продажности, сервильности, тупости и лживости. Но не стоит в порывах гнева, часто праведного, выплескивать с грязной водой неумытого ребёнка! Грязное окно в мир лучше глухой стены. Почему о таких банальностях надо говорить? Да потому что волна бытового нигилизма превращается в девятый вал информационных войн.

Не доверяй полностью, но знай факты, доверяй тем, кто меньше лжет – вот нормальная реакция ответственных граждан на мутный поток журналистских фейков, слухов и пропаганды. Проблема в степени доверия, в выборе повестки дня, в борьбе здравого смысла с манипуляциями и ложью. Степень доверия потребителей МТ определяет наша память, история, то «сущее», которое обозначает и факт существования, и «сущность» как «эссенцию», суть Жизни (Гегель) и «целостность», органичность бытия и текста (М. Бахтин), в том числе и МТ, и постоянное присутствие человека в этой конкретной, текущей мимо Жизни (*Dasein* – М. Хайдеггер), социальный интеракционизм в глобальном мире создателей и потребителей информации, формирующих пространство и среду сегодняшней тотальной медиатизации.

«Здесь и сейчас» работают индивидуальные творцы коллективной ноосферы, вне которой социальный человек и не существует. То, как они фиксируют сущее и происходящее, определяет характеры и судьбы большинства жителей планеты. Например, для автора этих строк 12 апреля – не просто День космонавтики, но и сугубо личная память о 12 апреля 1961 года, когда миллионы мальчишек захотели стать космонавтами, когда в школе на линейке директор сельской школы затанцевал, сообщая новость о полёте Гагарина. Праздник так и остался в душе, хотя ни о каком полёте в космос и мечтать не было шанса. Это была победа мирного созидания миллионов, определившая характер СМИ тех лет. К сожалению, на короткий срок. Не существует человеческое общество и без коммуникации, о которой разговор особый. Но вначале пару слов о разных подходах к журналистике и медиакоммуникативным стратегиям.

Научный подход к СМИ предполагает постоянную опору на достоверные, доказанные и многократно проверенные факты, на адекватность субъекта исследования и историзм концепций, на свободу высказывания и мнения и т.д. Сама сущность журналистики как профессии связана с борьбой против цензуры. Редкие победы тут чередуются с провалами, с долгими периодами поражений. Но идеал никто не отрицает. Его попросту игнорируют!

Другой подход связан с **квазинаучными построениями** тех, кто видит в журналистике винтик, деталь «общепартийного дела», деталь социального механизма, где есть «суворенная демократия», авторитарные формы правления, тоталитарная логика элит. Эта модель не предусматривает инакомыслия как равноправного элемента социального дискурса. Иные мнения допускаются в той степени свободы, в которой они могут быть опрокинуты потоками официальной «правды», потоками мнений «трудящихся». Ещё один подход можно назвать антинаучным. Это подход обывателей, живущих по принципу «моя хата с краю». Об этом подходе и говорить не будем. Не будем метать бисер впустую.

2. Медиакоммуникации и журналистика в пространстве постмодернистского абсурда

Упомянутый выше «историзм» как базовый методологический принцип науки должен быть незаменимым вектором работы в первую очередь не журналистов, а интерпретаторов журналистских произведений, учёных, которые ищут и поясняют смысл чужого слова, реконструируют явные и неявные значения социально значимых высказываний. Иногда историзм мышления в наших трудах подменяется «историцизмом», т.е. внешним воссозданием исторических реалий и деталей минувших дней. Целесообразно, анализируя взаимоотношения журналистики и медиакоммуникативистики, акцентировать различие герменевтических процедур. Историки журналистики анализируют МТ на фоне историко-социальных событий, обуславливающих значимость текстов. Адепты ТМК, напротив, чаще делают выводы, исходя из синхронии, а не диахронии. Анализ отдельных текстов и дискурсов, соединяясь с процедурами дедуктивного метода, с учетом аксиом и универсальных генерализированных категорий, порождает модели и схемы, претендующие на философичность суждений здравого разума.

Характерно, что история журналистики и её современное состояние всё чаще привлекает внимание философов, о чём свидетельствует, например, обсуждение исследования В. Савчука «Медиафилософия. Приступ реальности» (СПб., Изд-во РХГА, 2013). Важно в этой старой дискуссии именно свободное обсуждение тем, ныне замалчиваемых. Философ К. Очеретяный вопрошал на собрании, посвященном обсуждению книги петербургского автора: «Что, например, может иметь общего диалектика и медиафилософия, если мы ретроспективно рассматриваем диалектику как форму торжества одного и только одно-

го медиа (гегелевское «абсолютное знание»)? А феноменология? Кто еще верит в то, что приостановка значения, производимая «эпохой», возможна исключительно по моей воле? В то время как седирорование становится господствующей и наиболее предпочтительной из возможных экстремальных практик тела, наивность естественной установки сознания, окончательно вытесняется экстазом дигитальных миров. Чего стоит гордый аутизм Гуссерля, по сравнению с аутизмом малых мира сего – геймеров?» [2].

Простим уважаемому коллеге его невольно уничижительный пафос и немного унижающий нас, теоретиков СМИ, тон и примем за фигуру речи его риторический вопрос, подразумевающий полное ничтожество «геймеров», трундищих и играющих в Сети, а также частично признаем правоту философов, клеймящих эпоху «постправды» и её информационную обслугу. Действительно факт «седирорования» аудиторий (т.е. введения в искусственную кому, в мир иллюзий и фантазий), «геймеров», не вызывает сомнения, и о вине журналистов-коллaborационистов автор этих строк тоже немало говорил. Но что сделали наши высоколобые философы, чтобы открыть глаза нам и заодно власти на текущие заблуждения?

Вот конкретный пример молчания ягнят, т.е. обывателей, геймеров, домохозяек и «пастырей», т.е. в первую очередь московской и петербургской научной публики. В начале и середине июля 2023 года одним из персонажей новостной хроники стал Е. Пригожин, о котором из Википедии автор этих строк летом 2023 года узнал, что он «предприниматель, руководитель и собственныйщик российской группы компаний «Конкорд», основатель ЧВК «Вагнер» [3]. Герой России, вождь, потерявший при взятии Бахмута около 20 тысяч бойцов. Пригожин стал известен как лидер мятежа против законной власти. Дошел с вооруженным отрядом из г. Ростова почти до Москвы, миновав г. Воронеж и другие населённые пункты почти без кровопролития, хотя эксцессы были.

По официальным каналам ТВ можно было наблюдать развёртывание сумбурной критической кампании против вагнеровцев и лично против Е. Пригожина. Но факт помилования преступника, увы, философами и прочими учеными обсуждался крайне поверхностно и преимущественно на кухнях. А кувалду, с помощью которой казнили провинившихся в армии Е. Пригожина, толковали как экзотику. Мол, политический постмодернизм, наподобие ГКЧП. Мол, некоторые сцены казней были постановочными, их герои, мол, живы-здоровы. Но факты, о которых в верхах знали, говорят о том, что были казни и реальные. Той же кувалдой убивали реальных людей, которых не прямо, но косвенно, содер-

жало в основном государство, что тоже скрыть не удалось. Бюджетные деньги доставались ЧВК подозрительно легко... Называли страшные цифры доходов Пригожина и его групп, не слишком прятали фото-кинодокументы. Ящик Пандоры раскрылся, но опять в СМИ царила фигура умолчания. Автор этих строк всё лето ждал развития событий в нужном направлении – не дождался... Все ушли на курорт...

Жестокость документальных съёмок странного лета 2023 года потрясает ум нормального человека. ФСБ молчит, Кремль молчит, наука молчит. Обыватель пытается на своем языке объяснить происходящее: «убивали наёмников, солдат удачи, это не армия, а так, группа искателей приключений, ведут себя плохо, странно гибнут, но это их выбор. Нам-то что?». Антинаучность такого «здравого суждения» очевидна: речь идёт не просто о личных дружьях наших высокопоставленных чиновников, но и о состоянии дел в нашем обществе. Нужны ли еще более очевидные доказательства системного кризиса? Или будем ждать новых расправ, новых путчей, новых вождей? Молчат и янгята, и пастыри, и те, кому молчать вроде бы не велит долг. Журналисты, конечно, не молчали, но обходили все острые углы. Скажем, шепотом говорили об арестах больших армейских чиновников, о тех, кто мог участвовать в заговоре.

Ученые при обсуждении книги В. Савчука, конечно, затронули нужные темы. Например, о роли СМИ как пилюли-наркотика, наподобие лекарства в старом романе Е. Замятиня «Мы»: «Действительно, чувство удовольствия в ситуации, когда реальность бьется в конвульсиях потребления все более и более доступных «удовольствий», когда они концентрируются в дни рождественских распродаж, аннигилирует? С позиции аналитика мы не можем приступать к реальности, обернувшейся медиареальностью, с аналитическими вилами, пытаться ее каким-то образом поддеть, разворошить и найти то потайное место, где прячется счастье, но которое, говоря словами Джунан-цзы: "разве можно измерить?"». Тем не менее, счастье вполне возможно; и более того – оно является заводящим человека в работу способом существования. Скажу о счастье исследователя, его можно определить просто (подвергая себя опасности определенности, ибо она наказуема: как бывший танкист знаю: нельзя становиться боком танка, как противнику, так и аудитории, стреляющей глазами и задающей острые вопросы. Тем не менее, я сделаю это. Счастьем исследователя, философа есть миг наступившей ясности, миг очевидности» [2].

Цитата интересна своей близостью к некоторым идеям постмодернистов, например, к идеи нормальности околонаучного гедонистиче-

ского восприятия мира, удалённого от строгой научности на почтительное расстояние. В. Савчук, опираясь на Н. Лумана, который активно использовал идеи М. Хайдеггера и других классиков, справедливо отстаивает концепцию личного счастья-удовольствия «здесь и сейчас», в мире пост-правды и пост-свободы, в мире добровольного бегства от свободы. Он утверждает нормальную мысль о работе-радости, о философском толковании медийной картины мира, далековатой от НКМ.

Он утверждает: «<...> в эпоху массовой коммуникации человек включается тем эффективнее, чем более он автономизирован и редуцирован к коммуниканту, т.е. к разобщенному и отделенному от других людей человеку» [4, с. 129]. И еще: «Медиареальность, вбирая всю совокупность посредников, предъявляет мир в его данности. Нет другой реальности, кроме той, которая дана нам медиа...» [4, с. 143]. В своей книге он, как подчеркнули уважаемые коллеги-философы, характеризуя роль интернет-коммуникаций, показал, что игра «видимости» (кажимости, как писал В. Ленин) «не подрывала чувства онтологической безопасности, укорененности в бытии, которое никогда не оставляло человека в домодерные времена» [2].

Что из этих идей сторонникам ТМК можно подхватить? Во-первых, толкование МТ зависит от культурософии напрямую. Это аксиома. Во-вторых, язык (естественный, национальный) служит основным ключом интерпретации МТ и создаваемой в СМИ самореферентной, «аутопойтической» (Н. Луман) медиареальности, изучаемой в рамках ТМК и НКМ [1, с. 68]. Эту идею защищали на Западе давно, в России долгие годы шла странная война с формализмом. Хорошо и очень доступно сформулировал эту эпохальную истину о роли языка в общении лингво-социолог из Чикагского университета Б. Дэвидсон: «Семантические характеристики языка являются публичными характеристиками. То, чего никто не в состоянии с неизбежностью уяснить из всего того, что является доступным, не может быть частью значения» [5, р. 235]. НКМ, создаваемая теоретиками, скучна, как сухарь без пива. Постмодернисты оживили её, картину нашего мира, тотальной иронией и теорией релятивизации ценностей, отрицая саму идеологию добра и зла.

Заключение

Предварительные выводы не могут не быть пунктирными и шаткими. Во-первых, союз наук чреват конфликтами интересов, что нормально, но сам процесс делиниации, маркирования территорий и объектов познания чреват обнажением фундаментальных противоречий. Перечислим еще раз некоторые из очевиднейших:

1. Эпоха дигитальной революции в массмедиа породила инфляцию МТ, в которых переизбыток тривиальной информации соседствует с нехваткой качественных сообщений о реальности, о сложных процессах современности. Анализ политических событий оставляет желать лучшего.

2. Цензурные препоны и подавление инакомыслия приводят к гибридизму журналистики и «пиарнауки», что не оздоравливает Дом журналистов. Страх и желание получить бонус возобладали над чувством долга, над нормами качественного журнализа.

3. Растворение журналистки в пространстве индустрии развлечений ведет к дальнейшей потере миссии.

4. Философия демократического общества способна обновить репертуар ТМК.

Литература

1. Кукарников Д. Г. Теория общества, аутопойезис и коммуникация в социологической концепции Никласа Лумана // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – М., 2011. – № 38. – С. 68-73.

2. Презентация книги Валерия Савчука «Медиафилософия. Приступ реальности». СПб.: Изд-во РХГА, 2013. – Режим доступа: <https://rhga.ru/news/detail.php?ID=969> (дата обращения: 17.07.2023).

3. Пригожин Евгений Викторович. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%87> (дата обращения: 17.07.2023).

4. Савчук В. В. Медиафилософия. Приступ реальности. – СПб., 2013.
5. Davidson D. The Inscrutability of Reference // Truth and Interpretation.

N.-Y., 1990. – P. 227-241.

II. Перед лицом истории

С. Гладышева

НЭП в зеркале публицистики русского зарубежья

Публицисты русского зарубежья, образовавшегося за пределами России после революционных событий 1917 г., пристально следили за событиями, происходившими на родине. Новая экономическая политика в Советской России, сменившая политику «военного коммунизма» по решению X съезда РКП(б) (1921 г.), стала одной из центральных тем периодических изданий. Процесс либерализации советского режима оценивался эмигрантами по-разному. В прессе сменовеховства и евразийства – движений, возникших на волне социально-экономических преобразований на родине, заметно стремление увидеть в НЭПе признаки возможного перехода от советского строя к капитализму, демонстрация «примиренческих» настроений.

Следует отметить, что публицист и философ Н. В. Устрялов еще в марте 1920 г. (т. е. за год до начала НЭПа) предсказал новую экономическую политику большевиков, обозначив ее в статье «Перспективы», опубликованной в харбинской газете «Новости жизни», как «экономический Брест»: «Очевидно, предстоит экономический Брест большевизма. И, судя по последним мирным предложениям советской власти иностранным державам, Ленин пошел на этот второй Брест с тою же характерной для него тактической гибкостью, с какой он шел на первый и которая так блестяще оправдала себя» [16].

Большое количество сменовеховских публикаций посвящалось вопросу о сущности новой экономической политики. В программном сборнике «Смена вех», давшем название общественно-политическому течению эмиграции, Ю. В. Ключников подчеркивал: «Ленин, конечно, остается самим собой, идя на все эти уступки. Но, оставаясь самим собой, – отмечал публицист, – он вместе с тем, несомненно, “эволюционизирует”, т. е. по тактическим соображениям совершает шаги, которые неизбежно совершила бы власть, враждебная большевизму. Чтобы спасти Советы, Москва жертвует коммунизмом. Жертвует с своей точки зрения лишь на время, лишь тактически, но факт остается фактом» [8, с. 17]. Для сменовеховцев НЭП – это превращение коммунизма из реальной программы дня в своего рода «регулятивный принцип», все меньшее отражающийся на конкретной организации страны. Поворот советской власти в области экономики рассматривался как

«простое решение считаться с обычными свойствами человеческой психики» [15, с. 14].

В статье «Эволюция и тактика», опубликованной в журнале «Смена вех» в 1922 г., Н. В. Устрялов во многом выдавал желаемое за действительное, когда писал: «Большевизм, изменивший свою экономическую политику, переставший быть "немедленным коммунизмом", – не есть уже прежний большевизм. <...> Эволюция тактики большевизма в основном хозяйственно-государственном вопросе есть эволюция большевизма» [17, с. 18]. Публицисты сменовеховских и евразийских изданий расценивали введение новой экономической политики не как тактику, не как временное отступление, дававшее возможность советской власти перейти вскоре к мощному наступлению социализма, а как эволюцию большевиков. Подобная точка зрения подвергалась резкой критике на страницах остальных периодических изданий эмиграции.

Большинство публицистов русского зарубежья, оценивая причины НЭПа, указывая на вынужденный характер этой меры, пришли к выводу, что данная политика была введена большевиками в связи со срывом мировой революции для сохранения власти в своих руках. Следует отметить, что на страницах периодических изданий активно развивалась экономическая мысль русского зарубежья, так как с 1917 по 1923 гг. из России эмигрировали свыше 100 экономистов – 30 докторов наук и более 80 приват-доцентов, в том числе профессора П. Н Апостол, М. А. Бунатян, П. П. Тройский, В. А. Косиновский и др. [14]. Публицистам, лишенным возможности «живого созерцания и ощущения» советской хозяйственной жизни удалось сформулировать точный прогноз о грядущем крахе советской хозяйственной системы, высказать ряд ценных экономических предложений.

Авторитетный экономист Б. Д. Бруцкус отмечал в журнале «Современные записки»: «Создать верную общую концепцию русского народного хозяйства и дать правильную оценку действительной системы есть обязанность, возложенная судьбой на нас, зарубежных экономистов, только мы, свободные от тисков политической цензуры, могли бы выполнить эту важную задачу, которой наши коллеги в России по внешним условиям своей работы надлежащим образом выполнить не в состоянии» [3, с. 408].

Видный экономист А. Д. Билимович, крайне настороженно встретивший НЭП, уже в 1922 г. предостерегал от излишне оптимистичных оценок НЭПа, подчеркивая, что уступки большевиков, с одной стороны, обусловлены желанием остановить хозяйственный

развал, с другой – необходимостью правящей элиты партии противостоять оппозиции. НЭП характеризовался им как «жалкая противовесственная смесь выыхающегося коммунизма с капитализмом», но с капитализмом не современного цивилизованного образца, а в «паразитическим», «эксплуататорским», при котором социальный гнет и социальное неравенство, в условиях отсутствия в стране основ «нормального правового строя», принимают самые отвратительные формы [1, с. 157].

По мнению М. Вишняка, введением новой экономической политики «советская власть признала свою неспособность вывести Россию из экономического хаоса. Свои коммунистические усилия она хочет теперь сопрячь с капиталистическими» [6, с. 365]

Большое значение в русском зарубежье имели публикации С. Н. Прокоповича, экономиста, политического деятеля, бывшего министра торговли и промышленности, министра продовольствия Временного правительства. Высланный в 1922 г. из РСФСР за границу, он организовал в Берлине Экономический кабинет с целью систематизации и критического осмыслиения хозяйственной и общественно-политической жизни Советской России. В 1924 г. деятельность Кабинета была перенесена в Прагу, что было связано с переездом Прокоповича и Акцией русской помощи. Экономический кабинет выпускал «Экономический вестник» (Берлин, 1923–1924), «Русский экономический сборник» (Прага, 1926–1928), «Бюллетень Экономического кабинета проф. Прокоповича» (Прага, 1928–1938).

Прокопович пользовался для сопоставления и подтверждения правильности собственного анализа широким спектром статистических материалов, при этом следует отметить его критический подход к официальным источникам, освещавшим экономическое положение Советской России. Характерной чертой анализа С. Н. Прокоповичем статистических материалов было детальное объяснение всех приводимых им оценок и выкладок, что придавало его работам убедительность.

По оценке Прокоповича, в результате политики военного коммунизма национальное хозяйство страны было ввергнуто в беспримерную по своим масштабам катастрофу, аналогии с которой следует искать лишь в самых мрачных эпохах человеческой истории. Суть перехода к НЭПу виделась ему в следующих особенностях. Во-первых, если в годы военного коммунизма стихию рынка большевики считали врагом сознательной планомерной организации народного хозяйства, то сейчас в ней они усматривают основу развития производительных

сил. Во-вторых, во главу угла поставлены меры по возрождению заинтересованности участников хозяйственной жизни в результате производства с вытекающими отсюда возвратом к сделанным формам зарплаты, высокой оплате труда квалифицированных рабочих и инженеров и признанию за крестьянством права собственности на продукт его производства. В-третьих, серьезная ставка делается на принципы самоокупаемости и хозяйственного расчета в промышленности и на транспорте, т. е. опять-таки на активизацию рыночных отношений и инструментов [12, с. 58].

Целью НЭПа, по Прокоповичу, является подъем отечественного производства, увеличение государственных доходов, усмирение недовольства крестьян и рабочих и тем самым самосохранение «головкой» коммунистической партии своей власти [10, с. 53-54]. Средством же достижения этой цели служат возрождение хозяйственной самостоятельности населения и восстановление материальных стимулов. Как отмечал в этой связи экономист, с объявлением НЭПа кремлевские лидеры были вынуждены собственными руками насыщать капитализм, то есть реставрировать систему частных предприятий и наемного труда.

Отмечая определенный экономический рост на родине, он считал, что его причины лежат не столько в каких-либо новых принципах, внесенных НЭПом, сколько в ликвидации опорных, доктринальных начал «военно-коммунистической» политики, разрушившей до основания наше национальное хозяйство. Правда, уточняет Прокопович, эти вредоносные начала уничтожены далеко не в полном объеме. Сохранены, например, такие «достижения» прошлого периода, как огосударствление крупной промышленности, внешней торговли и банковского дела, национализация земли, партийная диктатура. И поскольку от этих «достижений» большевики отказываться не собираются, новая экономическая политика в своем настоящем виде себя в основном и целом изжила [12, с. 71-72].

Он уверен, что нужна уже не новая, а «новейшая» экономическая политика, основанная на дальнейшем отказе от принципов коммунистической доктрины, за которые власть продолжает упорно цепляться. Нужен новый решительный скачок, который базировался бы «на европейских началах личной свободы и частной собственности» [12, с. 20]. По его мнению, для развития подлинного рыночного хозяйства нужны не только капиталы, нужны еще и капиталисты-предприниматели. Но и этого недостаточно. Необходимы также гражданское право соответствующего содержания, признающее свободу частнохозяй-

ственной инициативы и право собственности, суды и полиция, неприкосновенность личности, свобода печати, демократия и парламентаризм: «Сказавши А, Ленин не хотел говорить Б, а тем более проходить всю азбуку до конца. Для него, как крайнего материалиста в вопросах народного хозяйства, для развития капитализма нужен был один лишь капитал» [12, с. 57].

Во второй половине 1920-х гг. на страницах эмигрантской печати развернулась полемика вокруг работ А. В. Пешехонова, безоговорочно ставшего на защиту большевистской экономической политики вообще и национализации – в частности. Используя материалы советской прессы, Пешехонов пытался доказать, что «идея национализации» себя блестяще оправдала и что «предубежденное отношение к советскому хозяйству в эмигрантских кругах основано главным образом на ненависти к большевикам» [9, с. 99].

В статье «Опыт национализации», опубликованной в 1926-1927 гг. в нескольких номерах пражского журнала «Воля России», он отмечал: «<...> состояние национализированных областей русского народного хозяйства отнюдь не является таким плачевым, каким приято изображать его в эмигрантской печати. <...> Успехи теперешнего государственного хозяйства, если принять во внимание исключительно неблагоприятные условия, в которых оно начало функционировать, следует признать прямо поразительным. С задачей восстановления совершенно дезорганизованной народно-хозяйственной жизни оно справилось и справляется <...>» [9, с. 97]. Совершенно очевидно, что под опытом национализации Пешехонов подразумевал только фазу новой экономической политики, когда наблюдалось ограничение национализации и отступление от «потребительского коммунизма» в пользу «буржуазных» принципов; в итоге обозначилось улучшение хозяйственного положения.

Эмигрантский экономист Л. М. Пумянский подчеркивал связь перехода к НЭПу с идеологическим моментом, с коммунистической программой. По его мнению, только укрепив свою политическую власть, большевики могли решиться на экономическое раскрепощение частной инициативы. И вместе с тем только при помощи подъема народнохозяйственного творчества они могли рассчитывать поддержать свою власть, поскольку захваченные ими в первый период материальные ценности приходили к концу и продолжать дальше политику подавления народной самодеятельности было немыслимо.

По мысли Пумянского, переход к НЭПу означал резкий поворот: скованное по рукам и ногам, закрепощенное сверху донизу

население было призвано к хозяйственной активности. Инстинкт самосохранения толкнул власть на путь определенного экономического либерализма, и тот же инстинкт самосохранения – сдерживал [13, с. 19, 20, 78–80].

Экономист А. А. Югов размышлял о судьбе НЭПа – пойдет ли дальне страна по пути расширения свободы предпринимательской деятельности или в интересах сохранения власти большевики свернут и те ограниченные свободы, которые давал НЭП. Югов предполагал второй вариант. Доктринальная политика Советской власти осложняла и дезорганизовывала подъем хозяйства, отнимала у населения стимулы к творческому труду, сводила к минимуму накопление, ставила преграды привлечению иностранного капитала [18].

А. Д. Билимович был уверен, что уступки большевиков в пору НЭПа были откровенно иезуитскими. Втиснутые в прокрустово ложе идеологии, подобные уступки, пока существовала большевистская власть, были «неизбежно ограничены и обречены на неуспех», поскольку не могли повлечь за собой восстановление нормальной хозяйственной жизни [1, с. 159].

Схожими были и выводы М. В. Вишняка: «Как капиталистическими руками не создать коммунизма, так и коммунистическими руками не создать капитализма». [6, с. 366]. «Буржуазное возрождение, капиталистический ренессанс», – так иронично обозначал публицист новую экономическую политику на родине [6, с. 365].

Поставив вопрос о путях экономического возрождения России, публицисты-эмигранты приходили к выводу, что необходимо изменение существующего строя. Например, А. Д. Билимович утверждал, что хозяйственная жизнь не возродится, пока не будут поставлены на свое место основы нормального правового строя: «Действительное экономическое возрождение России возможно только путем полной и безоговорочной перестройки правового строя России на началах частной собственности и индивидуальной свободы и замены власти коммунистов властью, опирающейся на доверие народа» [1, с.170]. Правовому фактору в проведении НЭПовских реформ эмигранты придавали даже большее значение, нежели хозяйственному. Без правовых гарантий экономическим реформам грозит опасность, они всегда будут зависеть от политической ориентации пришедших к власти высших руководителей.

Хорошо показал правовую пустоту НЭПовской реформы М. В. Вишняк в статье «На Родине», опубликованной в журнале «Современные записки». Комментируя содержание советского Гражданского

кодекса, он вскрыл его внутреннюю противоречивость. Уже первые его строки делали излишними остальные статьи Гражданского кодекса, лишая его смысла. Первой же статьей все признанные НЭПом гражданские права делались условными: судьям вменялось в обязанность рассматривать каждую, вплоть до самых элементарных, сделку с точки зрения ее соответствия видам правительства. Советский судья оказывался не нейтральным посредником в споре, а проводником определенной политики, служил, иными словами, «орудием в руках власти имущих» [7, с. 435].

Положение крестьянства эмигрантские публицисты считали еще более тяжелым, чем до революции, поскольку до революции крестьяне покупали то, что им требовалось, а при господстве госмонополизма в сфере распределения вынуждены были брать то, что им пришлют по планам завоза московские главки.

Последовательный, год за годом, анализ состояния и динамики народнохозяйственных показателей приводил эмигрантских публицистов к заключению, что новая экономическая политика проводилась до тех пор, пока развивалось частное хозяйство и формально свободными оставались связи между частным и государственными секторами экономики. Но конкурировать с гибким и мобильным частником государственные предприятия не могли. И дело не сводилось к кадровым ошибкам или просчетам планирования. Порок коренился в системе и хаосе государственного хозяйства, громоздком, неповоротливом, защищенном «тепличной атмосферой» исключительных привилегий и монополий, в непреодолимом схематизме и косности планового хозяйства в сравнении с эластичным и свободным рынком [4, с. 38].

Попытка преодолеть хозяйствственные трудности внеэкономическими методами логически вела к использованию методов военного коммунизма со всеми характерными для последнего последствиями. «Еще прежде, чем пятилетка вошла в силу, первые попытки планирования привели к частичному разрушению частных форм экономической жизни» [4, с. 48]. Выстроенная столы дорогой ценой («ценой нарушения самочинного развития экономической жизни»), советская система хозяйствования представлялась деятелям эмиграции несостоятельной, поскольку в грандиозных плановых идеях отражались не столько реальные экономические интересы нищей страны, сколько идеологическая доктрина партии [4, с. 123, 124].

Революционное разрушение автоматических регуляторов экономики таило в себе огромные бедствия. «В этом и лежит причина тех

совершенно исключительных катастроф, жертвой которых Россия стала со времен войны» [2, с. 415]. Власть взяла на себя непосильные функции соединения хозяйственного механизма в единое целое. «В конце 1923 г., через два с половиной года после объявления НЭПа, стало ясно, что частный бизнес не защищен законом <...>. Слабость частного сектора была не экономическая, а политическая, и это позднее решило его судьбу» [2, с. 417], – отмечал Б. Д. Бруцкус.

По его мнению, в советской России «план убил рынок». Государство «ничего не покупает у крестьян, ни у колхозов, ни у совхозов, ни у кустарей, оно все отбирает по твердым ценам. Государство ничего не продает, оно все распределяет» [5, с. 439-440]. Хозяйство стало «окончательно строиться не индуктивно, нашузывая на рынке потребности населения, а априорно, а исходя из статистического обоснования планов» [5, с. 441].

Глубокий кризис 1927-1929 гг., вызвавший свертывание НЭПовских начал, эмигранты объясняли не диспропорциями между промышленностью и сельским хозяйством, согласно большевистской версии, а глобальным нарушением рыночного равновесия.

С точки зрения публицистов русского зарубежья, НЭП, вобранный в себя некоторые черты капиталистической системы, но без ее преимуществ, идущих от конкуренции и разделения экономической и политической сфер, неуклонно трансформировался в «экономику принуждения», поскольку вся политика власти основывалась на признании товарно-денежных отношений и допуска «эксплуататорских классов» явлением переходным, временным. Система, основанная на «дешевом крестьянском хлебе», должна была зайти в тупик. Не классовая борьба и «крепнущее кулачество» представляли, по мысли публицистов-эмигрантов, угрозу для дальнейшего восстановления хозяйства, а попытки навязать экономике диктат, подчинить естественные законы доктрине.

В прессе эмиграции были сделаны плодотворные попытки анализа причин кризисных явлений, возникших в процессе реализации НЭПа. Констатируя ограниченность НЭПа, его обусловленность временными интересами правящей касты большевиков, большинство публицистов русского зарубежья не поверили в политику, не имевшую серьезных перспектив в первую очередь в связи с правовой необеспеченностью любой хозяйственно-экономической деятельности в условиях всевластия большевистской партии [6, с. 362].

В эмигрантских изданиях обращалось особое внимание на опасность отказа от рыночных регуляторов при разработке и реализации

экономической политики государства. Уже в 1923 г. С. Н. Прокопович утверждал, что политика НЭПа себя изжила: «цели, которые преследовала советская власть при переходе к новой экономической политике, остались недостигнутыми» [11, с. 153]. По его мнению, «новая экономическая политика оказалась бессильной возродить наше народное хозяйство. Хозяйственная предпримчивость продолжает при ней подавляться административным руководством» [11, с. 210]. Солидарен с ним и Л. М. Пумпянский, который в том же 1923 г. утверждал: «Уже наметились и все отчетливее представляются границы НЭПа» [13, с. 71]. Следует отметить точность публицистического прогноза эмигрантов: анализируя политические и экономические процессы в России, они пришли к выводу о невозможности эволюции большевизма в капиталистическом направлении.

Несмотря на определенную тенденциозность выводов, порожденную надеждами на падение советской власти, публицисты русского зарубежья сумели достаточно глубоко и всесторонне проанализировать состояние и перспективы развития страны. Следует отметить, что публикации эмигрантов отличал критический, но при этом конструктивный анализ происходящих на родине событий. Они показали, что реальное развитие рыночных начал несовместимо с характером политического режима большевиков. По мнению публицистов русского зарубежья, национальные интересы и задачи модернизации России требовали изменений не только в экономической сфере, но и в политической.

Литература

1. Билимович А. Д. Советское хозяйство и экономическое восстановление России // Русская мысль. 1922. № 4. С. 156–171.
2. Бруцкус Б. Д. Голод и коллективизация // Современные записки. 1933. Т. 52. С. 415–432.
3. Бруцкус Б. Д. Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьбы // Современные записки. 1929. Т. 38. С. 401–432.
4. Бруцкус Б. Д. Советское и крестьянское хозяйство (фрагмент) // Бруцкус Б. Д. Советская Россия и социализм. СПб., 1995. С. 27–124.
5. Бруцкус Б. Д. Судьбы «пятилетки» // Современные записки. 1932. Т. 48. С. 437–448.
6. Вишняк М. На Родине // Современные записки. 1921. Т. 8. С. 346–373.
7. Вишняк М. На Родине (быт и строй) // Современные записки. 1923. Т. 17. С. 416–450.
8. Ключников Ю. В. Смена вех // Смена вех: сб. ст. Прага, 1921. С. 3–51.

9. Пешехонов А. В. Опыт национализации // Воля России. 1926/1927. № 12-1. С. 78–104.
10. Прокопович С. Н. Новая экономическая политика // Экономический вестник. 1923. Кн. 1. С. 44–77.
11. Прокопович С. Н. Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923.
12. Прокопович С. Н. Что дал России НЭП // Русский экономический сборник. Прага, 1926. Кн. 5. С. 47–67.
13. Пумпянский Л. М. НЭП (опыт характеристики советской экономики). Берлин, 1923.
14. Соколов А. С. Русские экономисты-эмигранты о денежной политике большевиков в 1920-х годах. – Режим доступа: https://library.by/portal/modules/economics/readme.php?subaction=showfull&id=1613413825&archive=&start_from=&ucat=&&ysclid=lpkqq55gs966343929 (дата обращения: 07.09.2023).
15. Устрилов Н. В. Национал-большевизм (Ответ П. Б. Струве) // Смена вех. 1921. № 13. С. 13–16.
16. Устрилов Н. В. Перспективы // Новости жизни. 1920. 18 марта.
17. Устрилов Н. Эволюция и тактика // Смена вех. 1922. № 13. С. 17–19.
18. Югов А. Народное хозяйство Советской России и его проблемы. Берлин, 1929.

Роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи»: мрачное предчувствие кризиса в образовании и воспитании

Когда герой песни Тимура Шаова, посвященной горько-ироничным размышлением о невзаимопонимании «отцов и детей», изрекает: «А мы, а мы в их возрасте читали. И Холден Колфилд нам был парень в доску свой», – он демонстрирует непонимание очевидного: Холден Колфилд гораздо больше в доску свой новому поколению, чем размышляющим на тему «поганой молодежи» (Е. Летов) старшим. Хоть оно и не читает (в чем причина этого, еще вопрос – в ситуации, когда включить телевизор или подсунуть ребенку гаджет проще, чем прочитать с ним книгу или отвести его в библиотеку…). Потому что они с ним не просто «родня по юности» (Ю. Шевчук): помимо незнакомой отцам темы издержек общества потребления, против которых протестует в духе битничества юный герой, у них есть общая с ним беда. А именно – ситуация брошенности один на один с проблемами, в которых юные повинны далеко не только сами, хоть и вечный лозунг «Всё в твоих руках» изрекают не только уста старших, но даже картонный стакан для кофе из «Русского аппетита».

Увы, далеко не всё! Холден, услышавший от директора школы о том, что «жизнь – это честная игра. И что надо играть по правилам» [1, с. 11], мысленно возражает: «Попадешь в ту партию, где классные игроки, – тогда ладно, куда ни шло <...>. А если попасть на другую сторону, где одни мазилы <...?» [1, с. 11]. И он прав. И не правотой ребенка, который всегда прав.

Обратимся к содержанию книги. В ее начале мы застаем героя в ситуации, с одной стороны, непростой (его исключают из школы), с другой стороны, для него уже по-своему привычной (это у него уже в четвертый раз). Первое пришедшее в голову предположение о патологической необучаемости героя опровергается всем содержанием книги – перед нами человек, в наше время побуждающий скорее продолжить размышления Т. Черниговской на тему, не завалили ли бы иные гении ЕГЭ [2]. Мыслящий, читающий, способный к анализу не только прочитанного, но и увиденного в окружающем мире, пытливый, любопытный и любознательный. И тогда фокус нашего внимания неми-

нуемо переводится на осуждаемую героем школу, в которой сплошная «липа», хоть и «очень высокая академическая успеваемость» [1, с. 6]. Предполагается, что в первую очередь делается ставка на знания, но даже реклама учебного заведения вовсе не об этом: текст о выковывании «благородных и смелых» подкрепляется иллюстрацией: «хлюст, верхом на лошади, скачет через препятствия» [1, с. 4]. Холден опровергает присутствие таковых (и лошадей, и «благородных и смелых») не только голословными заявлениями, но и портретами одноклассников, общая характеристика которых – нечистоплотность всех разновидностей. От разбрасывания подстригаемых при посторонних ногтей до весьма нерыцарского обхождения с ровесницами. Последнее, кстати, ставит на повестку дня еще одну проблему, актуальность которой не преодолена и в наши дни – преждевременную сексуальную зрелость, перерастающую в распущенность, как результат безнадзорности подростков. И брезгливость нашего героя к таким явлениям – еще одна причина доверять скорее ему.

Понимание, как можно было завалить четыре предмета из пяти в школе, где турниры по фехтованию и матчи явно важнее всего прочего («если бы наша школа проиграла, нам всем полагалось чуть не перевешаться с горя» [1, с. 5]), приходит при анализе уже первого посвященного педагогам школы эпизода. Перед отбытием из заведения герой навещает Спенсера, любимого (!) учителя по истории, предмет которого также был завален. Точнее – «Я тебя провалил, мой мальчик» [1, с. 16], хоть ты и «сам виноват». Почему виноват? Написал неправильно сочинение, конец которого напоминает вопль о помощи: меня все равно отчислят, и потому я намеренно несу околесицу о египтянах, историческая родина которых – Кавказ... И этот крик не услышан педагогом, воспитательная беседа которого не просто «жуткая проповедь»: учитель держит тетрадь, «как навозную лепешку или еще чего похуже» [1, с. 14], ядовитым тоном добивает уже упавшего, заодно напомнив, что это не первый случай в истории обучения Холдена, выгоняемого уже из четвертой школы. В результате Холден начинает «наворачивать, как надо» [1, с. 16], называя себя кретином и т. д. – видимо, педагог, которому под семидесят, не знает о том, чем чревата потеря уважения человека к самому себе, а сформулированная Я. Корчаком заповедь «Не унижай!» ему и вовсе не знакома...

Причина такого поведения пожилого учителя понятна самому герою: Спенсер обижен за свой предмет, который для него важнее всего прочего. Включая обучаемых: если попадается неподходящий «объект» педагогики, проблема решается простым методом отбраковки

учащегося, что говорит о неумении справляться с нею (к сожалению, последнее наблюдается все чаще уже в отечественной системе образования). Что демонстрирует и тактика директора: разговор с родителями явно носил ультимативно-предупредительный характер, а беседа с самим Холденом оказалась все тем же повторением нудностей в духе «я хочу помочь, а ты не думаешь о будущем», чему никогда не поверит подросток, остро чувствующий фальшь и неискренность. А у нашего героя есть особые причины быть подозрительным: «липовость» заведения, где даже подаваемый накануне посещения родителями бифштекс по субботам говорит о показушности якобы элитной школы, приводит его к печальным выводам. Главный из них – «учатся только для того, чтобы стать какими-нибудь пронырами» [1, с. 21], наподобие давнего ученика, что стал преуспевающим специалистом в похоронном бизнесе и пожертвования которого на школу стали поводом назвать в его честь учебный корпус. Не лучше воспоминания героя и о прочих школах, где, например, директор («такого подлого притворщика я в жизни не встречал» [1, с. 17]) дозирует свое отношение к родителям в зависимости от их статуса и уровня дохода.

Вернемся к Спенсеру, чей выразительный портрет содержит впечатляющий набор признаков профессиональной несостоенности: разговор происходит у него дома, но халат, из которого торчат старческая грудь и худые ноги, вызывают у подростка почти тошноту. Что усугубляется, когда, увлекшись, учитель начинает ковырять в носу... Можно в таком виде нравиться? Будет ли убедительной любая истина, вдобавок излагаемая с несмешными шутками (о значении чувства юмора мы говорим постоянно!) пополам с нарочитой строгостью, которая подтверждает ранее усвоенный Холденом опыт: «Уж если преподаватель решил что-нибудь сделать, его не остановишь. Все равно сделает по-своему» [1, с. 15], – отсутствие гибкости и умения строить отношения по принципу «субъект-субъект» налицо. В итоге самое безобидное чувство, испытываемое к нему учеником, это жалость. А в глазах обучаемого непростительно быть жалким. Как и непростительно допускать ситуацию, когда оценка учителя учеником звучит так: «мозгов явно не хватало» [1, с. 18] для доказательства своей точки зрения. Само право учить в этом случае ставится под сомнение.

Еще один характерный эпизод – сочинение о перчатке: сосед Холдена просит написать за него сочинение с описанием в основе. Холден пишет о предмете, эмоциональная вовлеченность в который очевидна: сочинение посвящено исписанной стихами бейсбольной перчатке умершего брата, и каждая строка дышит любовью... Но «заказчик»

в гневе: такое сочинение ему не зачтут в школе, где слишком часто звучит грозное предупреждение: «Отклоняешься от темы!» Герой не доумевает: «Надо обобщать, надо упрощать. А разве можно все обобщить, все упростить?» [1, с. 207]. А нам в последние годы слишком очевидно: этот принцип настолькоочно прочно вошел в систему обучения, что на преодоление его уходит изрядное количество ресурсов уже в вузе. Так, привычка студентов изъясняться штампами и клише, чего требует сочинение по ОГЭ-ЕГЭ, очень сильно портит стиль. А навык все стандартизировать, чтобы оно удовлетворило требования системы – настоящий удар по навыкам креативности, на развитие которых в значительной степени должно быть направлено образование на всех его уровнях. И глубина этих проблем открывается на каждом занятии по роману Сэлинджера, когда слово берут студенты и начинают проводить параллели между изображаемым в тексте и собственным, еще свежим, опытом.

Еще один пример настоящего педагогического провала – Антолини, бывший учитель героя, заслуживший доверие своей человечностью: об этом эпизод с выбросившимся из окна одноклассником (кстати, пример неумения педагогов управлять коллективом обучаемых – мальчик покончил с собой в результате того, что теперь называют буллингом), в конце которого молодой учитель накрывает его курткой, берет на руки и несет в санчасть. Отзывчивость его проявляется и в том, что он принимает Холдена ночью, а ранее, когда героя выгнали из очередной школы – навещал его, часто бывая у Колфилдов. Утонченный эстет с прекрасным чувством юмора, лишь усиливавшим истинный авторитет («с ним можно было шутить, хотя все его уважали» [1, с. 195]), он интересен в беседе и явно держится правила «субъект-субъект». Выражая искреннее беспокойство о судьбе героя, подчеркивает: о тебе беспокоится и отец! Но лишь одна характеристика все перечеркивает: «пил он как лошадь» [1, с. 203] (про то, что с женой они «всегда целовались при всех» [1, с. 206], умолчим, а вот о предложенной Холдену сигарете не будем – это почти как про тренера по баскетболу, что одалживал ученикам машину, в которой те налаживали с ровесницами тот род отношений, который герой определяет словом «путаться»). Вроде бы Антолини верно указывает подростку путь с края пропасти (ты мыслящий человек, тянемыйся к науке, придется преодолевать и издержки, ты не один в своих переживаниях, растерянность в вопросах нравственных переживали и великие умы...), дает урок присущей ему самому человечности («Взаимная помошь – это прекрасно. И она не только в знаниях. Она в поэзии. Она в истории»

[1, с. 212]), объясняет, в чем ценность академического образования... Но произносимое с бокалом в руке, да еще и засыпающему подростку теряет свою убедительность. Кроме того, расчувствовавшись, он перестарался с излишними проявлениями человечности и испугал ребенка, знакомого с кое-какими издержками закрытых школ...

Внимательное прочтение большинства произведений классики способно существенно обострить педагогическое чутье преподавателя. Остается лишь уповать на то, что тенденция сокращения выделяемого на это времени будет остановлена. Пока же программы по литературе становятся все более куцыми, а это означает, что и будущие педагоги уже недополучают необходимого им объема начитанности.

Литература

1. Сэлинджер Д. Над пропастью во ржи. Повесть. М., 2004.
2. Ямал-Медиа. На образовательном форуме в Петербурге обсудили то, что волнует учителей и родителей. – Режим доступа: <https://yamal-media.ru/news/36078> (дата обращения: 27.11.2023)

Оренбургская оппозиционная газета «Простор» (1907 г.): содержательный аспект

Ежедневное легальное оппозиционное издание «Простор» выходило в Оренбурге под патронатом местной группы РСДРП в течение 2 месяцев и 14 дней: с 21 января по 4 апреля 1907 г. Издавал «Простор» писатель Н. А. Афиногенов. В разных источниках указывается, что Афиногенов вложил в газету свои собственные средства, или что «Простор» издавался вскладчину. Предполагаем, что вложенные в издание деньги Н. А. Афиногенова – легенда для полиции, так как меньше, чем через месяц деятельности «Простора», 18 февраля 1907 г., против редактора А. В. Афиногеновой (подставное лицо, жена Н. А. Афиногенова, объявленная редактором, чтобы не пострадал истинный создатель «Простора» Н. А. Афиногенов) было начато уголовное дело за публикацию имеющего вредное влияние письма к реалистам, с призывом бороться за восстановление уволенного из училища сокурсника Подгузова. У Афиногеновых не было денег, чтобы заплатить штраф, и Антонина Васильевна с трехлетним сыном и годовалой дочерью провела в тюрьме 7 дней. Позднее, когда по суду нужно было снова идти в тюрьму с малолетними детьми или платить штраф, было принято решение скрыться. Антонина Васильевна бежала с детьми от преследования властей в станицу Сломихинскую на берегу реки Узень, где ее с детьми укрывали друзья. Впоследствии из-за лишений и тягот дочь умерла.

Современникам Николай Александрович запомнился «подвижным, как ртуть, общительным и приветливым человеком», вечно носившимся «с какими-то невероятными проектами, фантастическими предложениями» [22]. Он много ездил по стране, бывал в Европе и постоянно учился. Вот и появившись с семьей в Оренбурге в 1906 г., он две зимы учился на высших курсах А. О. Киселева, одновременно служа конторщиком на Ташкентской железной дороге. В Оренбурге Н. А. Афиногенов сблизился с местными революционерами и при их поддержке 21 января 1907 г. приступил к изданию газеты «Простор».

Как сообщила оппозиционная газета «Степь», разрешение на издание «Простора» Н. А. Афиногенов получил в июне 1906 г. [15, с. 4.]. Через подставное лицо он начал издавать ее ровно через 7 месяцев, в разгар избирательной кампании во II Госдуму. Официально редактором была заявлена его жена А. В. Афиногенова, в девичестве Фессалоницкая (1879–1974), дочь священника, учительница, участница Со-

юза борьбы за освобождение рабочего класса. С №36 творческий коллектив «Простора» возглавил В. И. Скаунов – один из «самых деятельных и влиятельных» [4] членов Оренбургского комитета РСДРП. Сам Н. А. Афиногенов публиковался в «Просторе» под псевдонимом «Наровчатский», а при необходимости, особенно в дни преследования заявленных редакторов, выполнял всю работу, необходимую для выхода в свет серьезной оппозиционной газеты.

Практически все о новом издании было сообщено в первом его номере: «Газета ставит своей задачей защиту интересов городского и сельского пролетариата. Отсюда – самое широкое освещение местной жизни, жизни края. В частности, редакция газеты «Простор» открывает постоянные специальные отделы: 1) Жизнь окраины, 2) Железнодорожная жизнь, 3) Быт приказчиков и служащих и другие...» [18, с. 1], поэтому «просит товарищей рабочих, крестьян, сознательное казачество, железнодорожных служащих и приказчиков сообщать ей о всех своих нуждах, не стесняясь размером и слогом сообщений» [17, с. 1].

В передовице первого номера «Простора» «[Оренбург, 21 января] подчеркивалось: «Наши идеалы – идеалы, вытекающие из защиты интересов городского и сельского пролетариата: а) земля и воля – крестьянству, б) полное народовластие, в) организация общественного производства на основе принципа: «Все добывтое трудом – труду» [16, с. 1].

Редакция сама сообщила читателям, что одна из главных целей издания – выборы во II Государственную думу [16, с. 1]. Заметим, они проходили по тем же правилам, что и в I Думу (многоголосчные выборы по куриям). При этом избирательная кампания шла на фоне продолжающейся революционной борьбы. Отказавшись от бойкота высшего законодательного государственного органа, большевики приняли решение использовать думскую трибуну в интересах освободительного движения. Для организации избирательной кампании в пользу прогрессивных депутатов, пропаганды революционных идей они активно привлекали созданные и финансируемые ими легальные оппозиционные издания. Так, оренбургские социал-демократы участвовали в создании, обеспечивали высокие тиражи и распространение по губернии «Простора». 23 февраля 1907 г., через 5 дней после ареста А. В. Афиногеновой, Оренбургский комитет РСДРП принял постановление, согласно которому организация «в лице всех ее сил примет участие в газете «Простор» при условии вхождения в редакционный комитет представителя организации с правом вето на все статьи руководящего характера» [3]. Таким членом стал редактор В. И. Скаунов.

Газета ориентировалась на рабочих, крестьян, железнодорожников, приказчиков, сознательных казаков и военных, поднимала про-

блемы: поддержка и развитие рабочего движения, сопротивления крестьян; трудности армейской службы, факты жестокого обращения с солдатами, нарушение казачьих прав, грубость и произвол атаманов. Активно работали рубрики: «Политическое обозрение», «По России», «Местная хроника», «Последние известия (вести)», «Из жизни окраин», «Из жизни партий», «Казачья жизнь», «Справочный отдел». Появились и новые: «Железнодорожный отдел», «Железнодорожная жизнь», «Мещанская жизнь», «Иностранная жизнь», «Жизнь за границей», «Из быта служащих», «Из быта приказчиков», «Настроение деревни», «Из крестьянских разговоров», «Военный о военно-полевых судах». Главными же адресатами первого месяца деятельности «Простора» были избиратели, а главной темой всех 52 номеров издания – Дума. Именно ей было посвящено больше всего рубрик и заголовков: «К избирателям», «Выбор выборщиков», «Наказ Челябинским выборщикам», «Биографии членов Госдумы Оренбургской губернии», «Из итогов выборов», «Дума о Думе», «Около Думы», «Из зала Думы», «Канцелярия Думы», «Государственная Дума», «Дума и бюрократия», «Черносотенцы и Дума», «В кулуарах Государственной Думы», «Черносотенный поход против Думы» и др. В некоторых номерах заголовки «Государственная Дума» или со словом «Дума» встречались дважды (№№ 39, 43, 45-50, 52 и др.).

С № 1 по № 24 (18 февраля) в газете шли материалы, посвященные организации избирательной кампании, ее итогам. Для членов РСДРП было важно, чтобы в представительный законодательный государственный орган прошло как можно больше депутатов от социал-демократической рабочей партии, в крайнем случае допускался прогрессивный блок – РСДРП, ПСР, мусульманская партия, кадеты. Такую же цельставил перед собой редакционный коллектив «Простора», хотя с кадетами издание боролось с первого номера. Газетную площадь занимали агитационные материалы за выборы депутатов от единственной партии, способной защищить права трудящихся – РСДРП. Постоянно публиковались призывы голосовать именно за социал-демократов, доказывалось, что только они всецело за рабочих, крестьян, казаков, солдат и вместе с ними до конца в кровавой борьбе с царизмом: «Граждане! Если вам дорога свобода России, подавайте свои голоса за кандидатов Оренбургской группы РСДРП. Только эта партия способна довести до логического конца борьбу с правительством. Смелее же идите к избирательным урнам» [8, с. 2]. Подобные обращения были и к конкретным категориям избирателей. Например, в № 7 редакция обращалась к приказчикам с призывом поддержать кандидатов от Оренбургской группы РСДРП [23, с. 1].

И после выборов в каждом номере «Простора» думской тематике отводилось гораздо больше места и внимания, чем другим вопросам. Газета подробно освещала первую сессию высшего законодательного государственного органа, начавшуюся 20 февраля 1907 г., постоянно разъясняла думскую тактику социалистических партий, анализировала думскую деятельность депутатов от РСДРП и прогрессивных депутатов от Оренбургской губернии, публиковала их речи на заседаниях Госдумы (Церетели – №43, Алексинского – №№ 46, 47, Фомичева – № 49, Зурабова – № 50–52), а также министра финансов В. Н. Коковцова (Коковцева) – № 48 и сатирический ответ в стихах на сожаление П. А. Столыпина по поводу резкости речей левых ораторов «Ночи бессонные» (№ 50). В № 43 опубликовано заявление социал-демократической фракции Госдумы о действиях, необходимых для облегчения положения российских земледельцев.

На наш взгляд, уже с первого номера «Простор» открыто заявлял себя сторонником РСДРП, ассоциировал себя с ней, выполнял партийные задания. А с 23 февраля 1907 г., согласно постановлению, Оренбургский комитет РСДРП непосредственно руководил изданием. Это была партийная газета: в «Просторе» грамотно излагались сложнейшие вопросы политической борьбы, партийного строительства. Издание использовало тексты листовок социал-демократов при подготовке материалов, публиковало сведения о деятельности местного комитета РСДРП, в том числе ежемесячные финансовые отчеты оренбургского общегородского комитета РСДРП (№ 24), сообщило о заседании общегородской конференции местной группы РСДРП, на котором обсуждались соглашения с другими партиями (№7). Пропагандист комитета Ю. Фердман под псевдонимом «Ю. М. Ф.» опубликовал в «Просторе» «Заметки марксиста» (№№ 23, 30), статью «Думские думы» (№ 45), «Лекцию о Гапоне» (№ 49). В № 28 был напечатан материал «Школа социализма». № 29 сообщил о съезде РСДРП, № 51 – о том, что в Оренбурге состоялась лекция о вреде и заблуждениях анархизма. № 37 информировал читателей, что ремесленно-приказчикий район Оренбургского комитета РСДРП распространяет резолюцию о созыве Всероссийского рабочего съезда, а также, что в ближайшее время состоится Уральский областной съезд рабочей партии, порядок дня которого местные социал-демократы поддержали. Автор газеты под псевдонимом «Н. Б-н» подробно исследовал вопрос «Разгромлена ли Германская СДРП?» (№№ 13, 14, 15) и т. д.

Профсоюзное движение «Простор» освещал через регулярную публикацию объявлений о деятельности профсоюзов фабрично-заводских рабочих и мелких служащих (№ 37), рабочих по обработке дерева (№ 24), приказчиков и кантторщиков (№ 48), портных (№ 10), пекарей, булоч-

ников, кондитеров (№ 49). Кроме объявлений в «Просторе» печатались уставы профсоюзов, регулярно появлялись материалы под рубриками «Хроника рабочего и профдвижения», «Рабочее и профсоюзное движение», которые рассказывали о борьбе рабочих и других категорий населения за свои права: землю и волю крестьянам, улучшение экономического, правового, духовного положения рабочих и служащих, сокращение рабочего дня, повышение зарплаты, широкую охрану труда, отмену штрафов, выговоров, сверхурочных работ, дежурств, обеспечение работников необходимыми спецодеждой и специнвентарем, ежегодный месячный отпуск с сохранением полного жалования, запрещение труда детей моложе 16 лет, ограничение труда подростков (16–18 лет) шестью часами и т. д. Этой сложной и многогранной деятельности посвящены материалы: «О восьмичасовом рабочем дне» (№ 7), «Проект наказа» (№ 36) и др.

Поскольку в составе редакции «Простора» работали профессиональные журналисты Н. А. Афиногенов, В. И. Скаунов, А. Бурлак, Л. Н. Сейфуллина, передовые статьи в газете появлялись регулярно. Их авторы живо откликались на события, важные для революционного движения, организации масс на борьбу с самодержавием, происходящие в губернии, стране: голод, безработицу, болезни, тысячами косившие население, притеснения, кровавые расправы над теми, кто не вписывался в правила поведения для неимущих, не мог и не хотел молчать.

Подзаголовки передовиц показывают векторы интересов редакции «Простора»: «Современный момент» (№ 7), «Министерство торопится» (№ 14), «Обвал и Дума» (№ 34), «Закономерные действия» (№ 39), «Помощь безработным» (№ 41), «Кризис растет» (№ 43), «Ресурсы правительства» (№ 46), «Поддержка Думы» (№ 49), «Запросы премьера» (№ 51) и др.

Передовица в № 24 «Освобождение крестьян» посвящалась 46-летию отмены крепостного права. Регулярно журналисты «Простора» разъясняли своим читателям важнейшие вопросы борьбы с самодержавием, приводили статистику колоссального количества жертв судебных репрессий по делам революции, советовали, кого выбирать во II Госдуму, как поддержать прогрессивных кандидатов в условиях предвыборной борьбы, высмеивали кадетов в роли революционеров, разъясняли их антнародную позицию, сообщали о кровавых деяниях, издевательствах палачей народа над бесправными бедняками, пытавшимися скинуть ярмо зависимости и смирения, информировали об избиении активных оппозиционных депутатов, призывали к действию: упорнее отстаивать свои права, сплачивать ряды активистов.

Особая тема – поддержка земляков, попавших в беду: собрать средства, одежду, продукты для голодающих, безработных, больных,

деньги на муку для школьников села Каменка. Передовицы дополняли публикуемые на страницах издания списки тех, кто сколько пожертвовал (№ 12), объявление о часах работы склада для приема и выдачи пожертвованных вещей (№ 46). «Простор» призывал граждан жертвовать все, что возможно, не стесняясь ни качеством, ни количеством, памятуя поговорку: «С мира по нитке, голому рубашка» [20, с. 1].

Таким образом, газета выносила на первые страницы издания для всеобщего оповещения, обсуждения аудитории главную тему дня, важные новости. В 1907 г. вышло 52 номера «Простора» и почти в каждом – была передовая. То есть в общей сложности к читателям было обращено более сорока коротких ярких агитационных материалов, настоящих «флагов номера», призывающих рабочих, солдат, казаков, крестьян, горожан бороться за свои права, объединяться, не бояться преследований, понять, что только сам народ может решить свои проблемы.

В «Просторе» публиковалось множество писем от представителей разных слоев общества: депутата Госдумы В. М. Стрелкова (№ 40), с оптимизмом сообщившего жителям Бузулука, что II Госдума открыта. Оппозиционные депутаты в ней сильны и единодушны. Получив почти слово в слово одинаковые наказы, они снова «стали лицом к лицу с теми, с кем русский народ ведет вековую тяжбу за землю и волю, за право жить по человечески» [2, с. 4]; «Политические письма» под псевдонимом «Ж. Мелье» (№ 7); рабочих, недовольных притеснениями своих руководителей; кураторов различных подразделений и производств, которых обвиняли в увольнениях подчиненных; железнодорожников; казаков; крестьян; руководителя кружка любителей украинского драматического искусства (№ 24) и т. д. Рубрика «Письмо в редакцию» присутствовала практически в каждом номере.

Внимание привлекает «Открытое письмо к учащим и обладающим научными познаниями в Оренбурге», подписанное «Группа рабочих». В нем представители различных предприятий сетуют на то, что в Оренбурге нет ни правильно организованных и доступных материально не обеспеченному классу людей народных аудиторий, ни повторительных курсов, ни вечерних классов, ни других подобных учреждений. А между тем «знания, повышенное образование необходимы рабочим, как воздух, как свет, они присущи душе человека, облагораживают ее, поселяют в ней чувства гуманности, добра. Они нужны рабочим для большей продуктивности труда, который у сотен рабочих из-за отсутствия знаний остается малопроизводительным» [6, с. 4].

Редактор В. И. Скаунов с № 36 актуализировал на страницах «Простора» казачий вопрос. Этой важнейшей в то время теме посвя-

щено немало резонансных материалов в 16 последних номерах издания: Ж. Мелье «Атаман 1-го отдела и заграничные производители» (№ 36), Казак «По старому вопросу» (№№ 37, 38, 40, 48, 51), Скромный «Из жизни казачьих учителей» (№ 45), А. Простой «По казачьим делам» (№ 50), «Из казачьей жизни» (№ 52) и т. д.

Руководство газетой писателя Н. А. Афиногенова накладывало свой отпечаток на стиль и содержание издания. В «Просторе» публиковалось много местного творческого материала, в том числе самого создателя «Простора» Н. А. Афиногенова и молодой учительницы Л. Н. Сейфуллинской, которую в 1907 г. супруги Афиногеновы привлекли в соавторы газеты, оказали определенное влияние на формирование мировоззрения будущей писательницы. Именно в «Просторе» появились первые произведения Лидии Николаевны: в №1 статья «Кого выбирать рабочим?», в которой грамотно изложена теория рабочего движения, революционной борьбы. Здесь же Сейфуллина высказала свое отношение к кадетам: «<...> болтуны, готовящиеся каждую минуту броситься в объятия бюрократии, призывали народ к терпению <...>, к сделке с бюрократией» [21, с. 2]. Многие свои материалы Лидия Николаевна подписывала псевдонимом «Дикий»: «Кого выбирать рабочим» (№ 1), «Посвящается всем голодным» (№ 10), легенда «Голод» (№ 11) и т. д. Псевдоним «Л. С.» появился под рассказом «Ночь» (№ 44).

Под рубрикой «Фельетон» наряду с материалами по теории марксизма и рабочего движения, программными партийными материалами печатались яркие творческие работы с необычными для оппозиционной газеты заголовками: «Бедные овечки» (№ 12), «Старые дубы» (№14), «Однажды осенней порой» (№ 15), «Миллионер слез» (№ 17), «Дети» (№ 18), «Черный ангел» (№ 19), «Песнь о фарфоровой чашке» (№ 28), «Песни рабочего», «Песня о нитках» (№ 31), «В ссылку» (№ 32), «Сон жизни» (№ 33), «Куда?» (№ 43), «Свет и тени» (№ 50), под рубрикой «Маленький фельетон» – «Стон: «Ради Христа» (№ 10), «На отдыхе» (№ 13), «Искорки» (№ 16), «Две силы» (№ 47), «Вариант» (№ 49). Достаточно часто под рубрикой «Фельетон» публиковались поэтические произведения: «Рабам» (№ 1), «Нас долго томили» (№ 12), «Борцам» (№ 13), «Тиранам» (№ 14), «Знамя» (№ 48), «Ночи бессонные» (№ 50). Стихотворения размещались и под другими рубриками: «Маленький фельетон» – «Сумасшедший» (№ 7), «Сыну» (№ 8); «Смесь» – «Дума о Думе» (№ 43), «Баллада о верхней палате», «Пробуждение» (№ 48) и т. д. Их авторы скрывались под псевдонимами: «Ю. Б.», «Некто в красном», «Ш», «Бой-Кот», «Эст», «Григорий Я.», «Агатов», возможно, мелькали и подписи: М. Розенфельд, Александр Яблонский, И. Алешин.

Огромный резонанс вызвали материалы: «По старому вопросу» (№№ 37, 38, 40, 48, 51) и «К порядкам на Ташкентской железной дороге» (№№ 33, 34, 37, 39). Их авторы скрыты под псевдонимами. «Казак» описал подробно, всю до мелочей казачью жизнь, «Движенец» также фундаментально поднял проблемы, с которыми ежедневно сталкивались железнодорожники.

Тревожно на страницах газеты звучала тема голода. В первом же номере материал «Голод» рассказывал о трагедиях в Самарской и Уфимской губерниях, в № 9 опубликован материал «Голод в продовольственной компании», в материале «Граждане!» (№ 10) «Простор» сообщил читателям об организации борьбы с голодом. В этом же выпуске опубликован материал под псевдонимом «Дикий» «Посвящается всем голодным», а в следующем, № 11, тот же автор, поведал написанную в мрачных тонах легенду «Голод».

Ярким журналистским пером обладал издатель «Простора» Н. А. Афиногенов. Поскольку с девятнадцати лет Николай Александрович служил на Сызрано-Вяземской железной дороге, в Оренбурге – конторщиком на Ташкентской железной дороге, он глубоко знал тему и многие свои материалы посвящал железнодорожной проблематике, в том числе очерк «Серый труд», опубликованный в №№ 1, 7, 9 «Простора» под псевдонимом «Наровчатский».

В этом произведении автор рассматривает царство труда как «великое многострадальное море» [12, с. 3], тяготы и несправедливость работы конторщиков разных уровней: серую обстановку, угодничество, низкопоклонство, пресмыкание, а главное – постоянный страх «кротов бумажного царства» [12, с. 3] потерять заработок, постоянное заискивание перед делопроизводителем, который видит всех и вся и тех, кто по каким-то причинам ему не понравился, гонит из конторы в шею.

Сидят мелкие служащие по 3 человека за небольшими столами, кругом стены – шкафы, набитые делами. На столах навалены дела, счета. Воздух испорчен постоянным курением папирос и усиленным дыханием нескольких десятков человек. Несмотря на то что рабочий день в конторе 6-7 часов, «забитые, приниженные существа» [12, с. 3], заглядывающие весь рабочий день в глаза начальству, вынуждены брать работу на дом или возвращаться в контору вечером, чтобы завершить оформление документов. Кроме того, конторщикам за равный объем работы платят кому 25 руб. в месяц, кому 60, то же с премиями: кому-то дают, кому-то нет. Болеть конторщик не имеет права, хоть недомогаешь, сиди и работай. Линейные конторщики, работая днем по 8-11 часов, еще и ночью обязаны по 2-3 раза вставать к пассажирским поездам.

Один из таких «мелких сошек» [13, с. 3] – Крашенинников – повесился, не выдержав унизительного ожидания оказаться с семьей на улице.

В самом бесправном положении находятся временные конторщики, которых набирают под кредит на их содержание, и когда он заканчивается, их просто выгоняют на улицу. У них, по сути, нет никаких возможностей хоть как-то отстаивать свои права. В «Сером труде», опубликованном в № 9 «Простора», Н. А. Афиногенов приводит случай, когда временный конторщик станции Оренбург зарезался после увольнения, оказавшись на улице без средств к существованию [14, с. 3].

Обрисовав свинцовые мерзости ежедневного труда «кротов бумажного царства» [12, с. 3], Н. А. Афиногенов делает вывод, что исправить все эти сложности способен только профсоюз конторщиков. «Профессиональное общество должно взять в свои руки определение и увольнение служащего» [14, с. 3], а также всякого рода прибавки и повышения. Общество должно заставить начальствующих считаться с собой, и тогда «жизнь станет светлей и интересней. Худшие темные стороны исчезнут и наступит новая эра для служащего <...>, когда маленький служащий будет творцом своей собственной жизни» [14, с. 3]. Серый безрадостный труд превратится в труд счастливый, одухотворенный.

Автор сознательно нагнетал серые краски, чтобы ярче зазвучали слова о необходимости объединения в профсоюз конторщиков. И в № 41 «Простора» этот призыв стал реальностью: было опубликовано объявление, из которого следовало, что профессиональное общество приказчиков и конторщиков Оренбурга начало действовать, помогать безработным членам [19, с. 2].

Однако оренбургских конторщиков возмутило «ложное и далеко не лестное понятие» о них Наровчатского. Свое недоумение они описали в статье, опубликованной в № 26 «Оренбургского края» за 1907 г. [11, с. 2]. Н. А. Афиногенову пришлось публиковать «Письмо к конторщикам» с объяснением: «Приветствуя вас, как товарищей, <...> скажу, что нападки ваши на меня <...> основаны на недоразумении: просто мы не поняли друг друга» [11, с. 2].

На страницах «Простора» регулярно появлялись рубрики «Железнодорожный отдел», «Железнодорожная жизнь», присутствовала информация или обстоятельный материал на железнодорожную тематику, в том числе «К порядкам на Ташкентской железной дороге» (№№ 33, 34, 37, 39), «Труды и хозяйство бюрократии в железнодорожном деле» (№№ 5, 6, 8), подборки, в которых коротко сообщалось о положении дел на Ташкентской железной дороге (авариях, несчастных случаях, ветхой спецодежде работников, требованиях железнодорожников и т. д.),

материал о необходимости созыва в ближайший срок Всероссийского железнодорожного съезда «Привет и просьба железнодорожников» (№ 39), маленькие фельетоны «На чужой каравай рта не разевай» (№ 8), «Брызги» (№ 12), «Письма обывателей» (№ 36), «Они» (№ 13) и т. д. Среди авторов был Н. А. Афиногенов, возможно, работавший под псевдонимами «Не-путеец», «Не-железнодорожник», «Движенец».

Под псевдонимом Наровчатский был опубликован и небольшой рассказ «Двойник» [10, с. 2], о том, как сановник высокого уровня борется с самим собой (двойник) при принятии антинародного решения. Двойник предостерегает его не делать опрометчивых шагов, за которые потом придется отвечать перед совестью, даже удерживает руку сановника, чтобы он не предпринял необдуманного решения, не подписал документ против народа. Двойник призывал его забыть о своей трусости, неуверенности в себе, страхе потерять благополучие, ложном самолюбии, а идти к простому люду, говорить с ним на одном языке, лечить народные раны. На какое-то мгновение сановник «оттаял», лицо его стало человеческим. Но лишь на секунду. Вот оно потемнело, стало зеленым, он скжал перо в руке, хотел было подписать бумагу, двойник не давал, вцепившись в его руку. Но вот бумага подписана и отдана секретарю, а за спиной сановника вместо двойника стояла смерть, с занесенной рукой, которая медленно опускалась на голову сановника.

Не удивительно, что именно оппозиционный «Простор» добился читательской поддержки, ведь издание отражало общественную жизнь во всей ее калейдоскопической пестроте. Но такую газету власти не могли терпеть долго. Ее приходилось выпускать в условиях постоянных репрессий: за свою социал-демократическую направленность «Простор» подвергался штрафам. А меньше чем через месяц деятельности издания, 18 февраля, против редактора А. В. Афиногеновой было начато уголовное дело за публикацию письма к реалистам, с призывом бороться за восстановление уволенного из училища сокурсника Подгузова. Начавшееся следствие затруднило работу редакции. А. В. Афиногенова вынуждена была передать пост редактора В. И. Скакунову. Он уже был известен полиции как активный член комитета ремесленно-приказчичего района Оренбургской группы РСДРП. Первый же № 36 газеты «Простор», вышедший 16 марта за его подпись, был арестован из-за помещенного в нем казачьего письма о грубости и произволе атамана первого отдела Епанешникова [7, с. 4]. В связи с этим было предъявлено обвинение по ст. 1039 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных: в опубликовании «ложных сведений» и «оглашении сведений служебной деятельности» атама-

на Епанешникова, могущих повредить его «чести, достоинству и добруму имени» [24]. В том же № 36 газеты «Простор» под рубрикой «Местная хроника» Скакунов разместил «Проект наказа» оренбургских рабочих представителям всех крайне левых партий в Госдуме, в котором выражалась глубокая вера в то, что революционные избранники народа немедленно вступят в борьбу за самые наболевшие нужды народа: созыв Учредительного собрания, волю и землю без выкупа для крестьян, освобождение политзаключенных, Демократическую Республику, широкую охрану труда. «Соберите шаг за шагом вокруг Думы, этого всенародного трибунала, все трудовые массы населения страны, объедините их верования и надежды общим лозунгом необходимости всенародной борьбы за требования народа» [9, с. 2-3]. По сути это был призыв к ниспровержению существующего в России общественного строя, но газета продолжала выходить. Свет увидели еще 16 номеров, подписанных в свет редактором В. И. Скакуновым.

Два дела велись параллельно. 29 марта было вынесено решение о приостановлении издания по делу А. В. Афиногеновой. Однако, несмотря на преследования властей, к читателям поступило еще 5 номеров «Простора»: №№ 48–52. Последний № 52 вышел 4 апреля 1907 г., а через 2 дня оппозиционная газета «Степь» в № 123 под своим логотипом разместила сообщение во всю ширину первой полосы: «По определению окружного суда издание газеты «Простор» приостановано» [18, с. 1]. Такой же приговор вынесла Саратовская судебная палата 24 сентября 1907 г., а затем, согласно п. А ст. 8 разд. VIII «Простор» был запрещен навсегда [5].

Как видим, недолгой, но весьма продуктивной в условиях постоянных репрессий была деятельность легальной оппозиционной газеты «Простор». С первого своего выхода в свет она стала настоящим «факелом», жгущим ненавистных прихвостней самодержавия и зажигающим сердца простого народа на борьбу с самодержавием. И все время своей деятельности она взрывала общественное сознание публикацией замалчиваемых властями фактов, вскрывала гнойники проблем, чувствительных для земляков, отвечала на вопросы, волнующие рабочих, крестьян, служащих, приказчиков, сознательных казаков и военных, чьи права ущемлялись, и на которые немногие легально выходившие издания направляли свое внимание.

В местах продажи оренбургской периодики «Простор» появился 21 января 1907 г. «В тот волнующий для всех работников редакции день никто не уходил домой, – рассказывала много лет спустя писательница Л. Н. Сейфуллина. – То и дело появлялись друзья, сообщая,

что у киосков большое оживление, газету разбирают нарасхват» [1, с. 2]. Также бойко, тысячными тиражами, она расходилась до своего закрытия 4 апреля, неся пламенный призыв к борьбе с самодержавием, поддерживая всех, кто страдал от какой-нибудь неправды, ведя большую просветительскую, воспитательную и организационную работу среди земляков.

Литература

1. Блехерман М. Была такая газета – «Простор» // Комсомольское племя. 1965. № 3. С. 2.
2. Бузулук // Простор. 1907. № 40. С. 4.
3. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 266. Л. 11.
4. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 360. Л. 17 об.
5. ГАОО. Ф. 57 Оп. 1 Д. 71.
6. Группа рабочих. Открытое письмо к учащим и обладающим научными познаниями в Оренбурге» // Простор. 1907. № 34. С. 4.
7. Мелье Ж. Атаман 1-го отдела и заграничные производители // Простор. 1907. № 36. С. 4.
8. К избирателям // Простор. 1907. № 7. С. 2.
9. Местная хроника. Проект наказа // Простор. 1907. № 36. С. 2-3.
10. Наровчатский. Двойник // Простор. 1907. № 9. С. 2.
11. Наровчатский. Письмо к конторщикам // Простор. 1907. № 14. С. 2.
12. Наровчатский. Серый труд // Простор. 1907. № 1. С. 3.
13. Наровчатский. Серый труд // Простор. 1907. № 7. С. 3.
14. Наровчатский. Серый труд // Простор. 1907. № 9. С. 3.
15. Новая газета // Степь. 1906. № 40. С. 4.
16. Оренбург, 21 января // Простор. 1907. № 1. С. 1.
17. От редакции. Открыта подписка // Простор. 1907. № 1. С. 1.
18. От редакции // Степь. 1907. № 123. С. 1.
19. Простор. 1907. № 41. С. 2.
20. Простор. 1907. № 46. С. 1.
21. Сейфуллина Л. Н. Кого выбирать рабочим? // Простор. 1907. № 1. С. 2.
22. Степной Николай Александрович. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 04.02.2023).
23. Товарищи приказчики! // Простор. 1907. № 7. С. 1.
24. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 1845. Ст. 1039.

Почти по классике (из магистерских воспоминаний)

Это было на моем первом курсе магистратуры, почти пять лет назад. Каких-то пять лет. Как будто в другой жизни. Нам дали задание: в течение первой половины «пары» пройтись по «северному городку» ВГУ, по «хользункам»... Чтобы что? Чтобы найти там что-нибудь интересное. Проблемное. Материал для будущей аналитики. На журфаке – на первом курсе, на первых парах/порах – это задание называется «Километр информации». В бакалавриате мы его уже проходили. Но с нами были «новенькие» – поступившие в нашу магистратуру с других факультетов, – и они, «новенькие», ничего этого еще не знали. И не умели. В общем, мы нашей группой – пять девочек и один мальчик (я) – вышли из корпуса журфака...

Осень.

Сентябрь.

Сентябрьская осень.

Идем с однокурсниками по территории северного кампуса ВГУ.

Тропинка перегорожена спиленными (давно, видимо – усохли) кустами.

До мусорки – пять метров.

Идем дальше.

Палатка в виде кофейного пластикового стакана (на дороге к Памятнику Славы). Кофе продавать.

Стоит – на моей памяти – с апреля.

Закрыта все пять месяцев.

Не попить кофейку.

У Памятника Славы народ тусуется.

Автобус ждут.

Сейчас подъедет (остановка, к слову, здесь запрещена) – от автовокзала, «груженый» (все места – в пассажирах).

Водитель радушно откроет переднюю дверь – входите. Милости просим.

И повалит народ.

Старики с авоськами, картофельными мешками на плечах, сумками на колесиках...

Мамаши с детьми – в колясках...

Студенты – в наушниках...

Да много еще кого...

Встанут между сидениями по левые и правые руки – так стоя и поедут: старики, мамаши, дети, студенты...

Студенты потерпят: наушники скрасят дорогу.

А мамы?

А бабушки?

А дедушки?

Кто-то, скромный колюнувшим сердцем, промолчит: сидите, ваше законное место – вы его, в кассе очередь отстояв, покупали.

А кто-то права свои вспомнит – женские ли, пенсионные ли, еще какие...

И поплынет, памятуя Есенина, корабль «за новой жизнью, новой славой в прямую гущу бурь и выног».

Россия едет...

Приводилось мне так ездить – не лучшие поездки.

Едем дальше.

На светофоре, по ту сторону дороги (возле свадебных салонов, ювелирных магазинов, столовых и кафе, рядом с которыми пенсионеры торгуют снедью и садово-полевыми цветами) – афганцы-инвалиды: на костылях, с протезами – играют и поют. Приволокли музыкальную колонку, навесик от ветра и дождя сообразили, гитары к усилителю подключили – поют что-то про войну, про ребят, про танки... Береты, камуфляж, медали, погоны – все чин по чину.

Вспоминаю, как летом, идучи к остановке, проходил мимо них, поющих и играющих. А в десяти метрах шла цыганская свадьба: цыганки трясли подолами, цыгане – шляпами...

Живем по Слуцкому – «весело и плохо».

Дальше идем.

Едем.

Плытем.

«По волне моей памяти».

Вспоминаю, как идучи от остановки (действие, ровно театральное, происходит в одном и том же месте), вижу парня, на пару лет старше меня. Стоит на тротуаре и держит флаги российского триколора с присосками – раздает вроде как.

Протягивает мне флагок.

Беру.

Иду дальше – вернее, пытаюсь идти. Потому что парень пытается остановить – кладет руку на мое плечо и протягивает бумажку, на которой написано:

«Я не говорящий из Донбасса. Предлагаю флагжок России за 100 рублей».

Возвращаю флагжок.

Вспоминаю, как моя однокурсница рассказывала подобное. Только было это девятого мая.

И вместо флагжков – георгиевские ленточки.

И не за сто, а за сто пятьдесят.

Вспоминаю другие ее истории.

Как-то познакомилась она с уличным музыкантом. Зашел разговор. Оказалось, нигде не учился. А по разговору – грамотный. Интеллигентный даже. Пьющий только. («А кто не пьет?» – спрашивал грехиный Аркадий Варламович Велиоров, артист Мосэстрады.)

– Жена ушла, – исповедовался, – живу ради матери – вся моя зарплата ей уходит.

Стихи пишет – недурственные, отметила однокурсница.

И рисует еще – тоже вроде неплохо.

Однажды, рассказывал он, будучи в Петербурге, услышал от двух девиц слова «звонят» и «ложат». Возмутился:

– Вы же культурная столица – а так говорите!..

Под конец разговора моя однокурсница осведомилась у своего собеседника: сколько ему лет?

– Тридцать три. Возможно, будет тридцать четыре.

Мним себя Христами, да нет пророка в своем отечестве.

В котором, если Бога нет, то все позволено.

Так и живем – и по Достоевскому, и по Герцену, и много еще кому.

Огибаем улицу Хользунова – возвращаемся в свой учебный корпус, сделав крюк по Северному району.

Еще – ветки деревьев, загораживающие дорожные знаки: вот эти бы ветки пилить, а не коряги вдоль тропинок – по тропинкам люди на своих двух еще как-то пройдут, а по дорогам на казенных четырех – не разъедутся. Без знаков.

Еще – объявления на многоэтажках о наркоточках: бываешь об за клад, вы все видели эти иероглифы на стенах домов и понимаете, что они, эти иероглифы, значат.

А сделать ничего нельзя!

Возвращаемся.

Только не получается вернуться: возле общаги котенок – почти как с улицы Лизюкова (та ведь тоже – в Северном).

Потерялся.

Смотрим друг на друга – наша толпа и это существо.

О чем оно думает?

Может, об этом: примет толпа его, сделав частью себя, или поглотит, следа не оставив?

Впрочем, следа не останется в обоих случаях.

Этим прошедшим летом, выходя от любимой девушки в полночный ливень, рассыпал в нем живое существо: котенок – тонконогий, мокрый – сидел на дорожном люке, от которого шел пар.

Погладил. Поговорил. И попросил прощения, что не могу взять с собой.

Только он все бежал за мной – понимая, что кроме меня в этой сырой полночи нет ни души.

Нет живого тепла – только железные люки на дорогах, от которых идет пар (там, под люками, все же теплее).

Заперты на домофонные коды подъезды.

Свет в окошке любимой погас.

И я шел, ускоряясь, крича ему:

– Уходи, спасайся! Тебе со мной не по пути. Я не смогу дать то тепло, которое тебе необходимо. Я один, один – и в этом моя беда.

Прежде чем помочь другим, помоги себе.

Только он все бежал.

Не знаю, зачем я останавливался, гладил, брал на руки, нес.

Потом опускал, отпускал, уходил.

И снова возвращался.

Я любил его, понимая отчаяние его – и своего – положения.

И ненавидел. Себя – за свое бессилие, бездействие. За свою слабость.

За это буду наказан.

Так и случилось: через месяц любимая сказала, что не любит.

Не может дать ту любовь, на которую рассчитываю.

Не может – не умеет – любить.

«Прости и пойми, если даже разлюбит любимая», – сказал Евтушенко.

Прощаю – но не понимаю.

Переходя уходящую вниз дорогу, я обернулся: котенок бежал за мной, перебегая дорогу.

«У Штирлица защемило сердце. Он увидел, что пастор совсем не умеет ходить на лыжах».

На черном горизонте лунный свет озарял мокрый бегущий комок.
Дождь хлестал.
По его спине.
По моей спине.
Тогда я в последний раз взял его на руки.
И больше не отпускал – до конца пути.

Я вошел в ворота кладбища.
Остановился возле дома священника. Напротив церкви.
Подошел к калитке.
И опустил высохшего котенка на землю.
Теперь уже – окончательно.
…Когда я уходил, котенок выбежал за ворота и остановился на догофе – наверное, кричал.

Дождь глушил эти крики – в ту ночь на нашей улице их слышали только двое.

Священник, вышедший за калитку.
И я, накрывшийся (от холода?) одеялом.
Только он все кричал и кричал – нет, не на улице, с которой подобрал его священник, – в моей голове.

Я видел котенка потом, когда проходил не один раз мимо дома священника, по кладбищенской дороге сокращая путь к любимой девушке.

Котенок грелся в закате, умиротворенный и отрешенный.
Он больше не шел ко мне.
Он, наверное, меня забыл.
Однажды я от него отказался.
Мир же всякий раз его принимал.

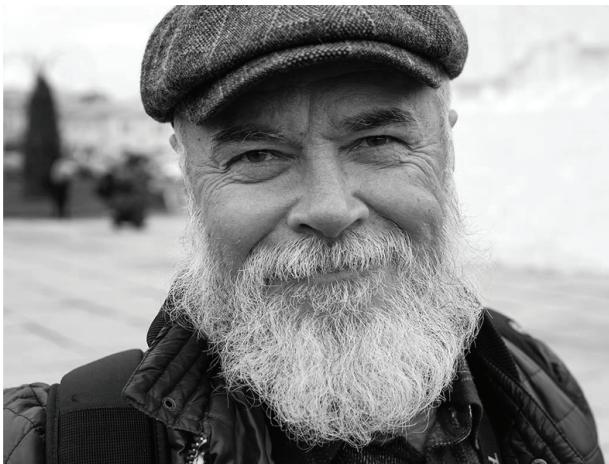
Наша толпа не приняла и не поглотила котенка у общежития – она от него отказалась.

«Кто-нибудь обязательно подберет», – решили мы.
И вернулись на факультет.

Я, единственный представитель мужского пола этой женской толпы, пропустил всех вперед и остановился на пороге: что дальше?
Дальше – пара.

III. Вспоминая былое

Алексей Алексеевич КОЛОСОВ (1953–2019)

Журналист, фотокорреспондент, фотохудожник. Лауреат Всесоюзного конкурса, посвященного 150-летию фотографии, обладатель бронзовой медали ВДНХ (1985 г.), призер фотоконкурсов газет «Труд» и «Гудок».

Учился на отделении (факультете) журналистики ВГУ (с перерывами) с 1975 по 2007 год.

Работал фотокорреспондентом областной газеты «Молодой коммунар» (1974–1977 гг.), в русскоязычных изданиях Киргизии, в редакциях Москвы.

В 2005–2008 годах работал на факультете журналистики ВГУ: техник, преподаватель кафедры рекламы и дизайна.

В 2008 году переехал в Вологду, работал заместителем главного редактора областной газеты «Красный Север».

К вопросу о социально-исторической эволюции фотожурналистики

Десятки тысяч негативов, полученных в XIX веке на стеклянных пластинах и дошедших до нас в идеальном состоянии, свидетельствуют о юном возрасте одного из самых массовых увлечений человечества. В отличие от Ньепса, получившего изображение на металлической пластине, покрытой раствором асфальта в лавандовом масле, Ж. Дагер и Талбот в качестве светочувствительного слоя использовали йодистое серебро. С помощью дагерротипии получался позитивный отпечаток, исключающий возможность изготовления копий. В процессе получения изображения способом калотипии Талбота изготавливались негативы, с которых можно было тиражировать практически любое количество копий. «С пришествием отпечатков на бумаге появилась возможность размножения фотоизображений, интерес к фотографии среди издателей и газетчиков вскоре перерос в деловое стремление воспользоваться новшеством по-настоящему. В книгах и периодических изданиях фотоснимков становилось всё больше, особенно с 1850-х гг., вслед за появлением настоящей фотопечати. Стремительное развитие средств сообщения, подъём туризма и международной торговли, совпавшие по времени с успехами фотографии, способствовали её распространению» [1, с. 111].

Бурно и плодотворно развивающаяся фототехника позволила человеку с фотоаппаратом стать незаменимым членом научных экспедиций, свидетелем и летописцем военных кампаний, исследователем жизни неизвестных миру племён и народов. Изобретение шторно-щелевого затвора (в первых камерах роль затвора выполняла передняя крышка объектива) открыло для фотографии, ранее отражавшей лишь неподвижные объекты, захватывающий по красоте и непредсказуемости мир движений.

В 1861 году французский фотограф-путешественник Огюст Биссон продемонстрировал части человечества, не тяготеющей к горным восхождениям, красоту Альп. С 25 носильщиками и проводником он 24 июля покорил Монблан и на высоте более 4800 метров, растопив снег для фотохимических процедур, осуществил съёмку. В декабре 1863 года Самуэль Дрейпер получил довольно качественный снимок Луны, который можно было тиражировать. Фотография стала полноценной помощницей науки, чего нельзя было сказать о её сотрудничестве с

прессой. Достоверная визуальная информация приобретала огромное общественное значение, спрос на неё стремительно возрастал. Желанием удовлетворить его преисполнились тысячи талантливых одиночек и сотни творческо-технических объединений во всем мире.

Во второй половине XIX в. зарождается репортажная фотография: англичанин Р. Фентон снимает Крымскую войну 1853–1856 гг., М. Брейди и А. Гарднер – граждансскую войну 1861–1865 гг. в Соединённых Штатах Америки. От незамысловатого или вычурного постановочного портрета фотографы устремляются к поиску новых изобразительных форм и решений, присущих только фотографии, – всё в меньшей степени оказывается в творчестве ярких фотомастеров того времени подражание живописи. Фотография обретает свой язык изобразительных средств, в ней отчётливо формируются и развиваются новые принципы художественных решений, основанные на её документальной сущности.

После внедрения цифровых технологий в производство газет и журналов заговорили сначала о закате аналоговой фотографии, а вслед за тем даже и о близкой кончине фотожурналистики как такой. Даже неизбежный выход из коммуникационного процесса самих газет и журналов провозглашали некоторые эксперты в связи с появлением Интернета. Самое активное участие в процессе визуальной коммуникации, самое активное влияние на изменение его характера оказывают в последние годы электронные СМИ. Интернет не вытеснил печатные издания, но заставил их потесниться на медиарынке, вынудил всех, серьезно рассчитывающих на успех и понимание, пересмотреть принципы иллюстрирования своих изданий.

Уступая многочисленным фотографическим сайтам, электронным газетам и журналам в оперативности публикаций и количестве предлагаемого читателям продукта, традиционные, «бумажные» газеты и журналы остаются востребованными благодаря большей образности и аналитичности фотопубликаций, использованию более разнообразных форм подачи фотоиллюстраций. Учтём ещё и то, что традиционный способ восприятия иллюстраций (в контексте печатных полос) имеет особые преимущества.

«Фотограф предоставляет сырье, приносит алмазы, чтобы бильдредактор сделал из этих алмазов бриллианты – отбор, кадрировка. Без этой обработки сырье остается сырьем. Есть фотографы, умеющие «упаковывать» собственные фотографии, неплохо сами себя редактирующие, но это бывает довольно редко. Большинству нужна помочь в поисках «жемчужин». Хорошая фотография – это всегда

тандем двух процессов, фотографирования и редактирования» [3], – такими видят взаимоотношения внутри фотослужбы издательского дома «Коммерсантъ» её директор Эдди Опп. По сути дела, так они и выглядят в большинстве западных газет и журналов.

Вот как оценил место фотографии в развитии общества второй половины XIX в. великий русский ученый Н. Бекетов, выступивший в Харькове с публичной лекцией в 1862 году: «...Светопись в короткое время сделала изумительные успехи: быстрота, отчетливость и даже величина фотографических изображений не позволяют почти ничего больше требовать, можно разве только пожелать, чтобы дошли до возможности получать цветные изображения, т. е. чтобы изображение походило на оригинал не только рисунком и тенями, но и цветом» [6, с. 26].

До появления первых полноцветных фотографий оставалось несколько десятилетий. Качественная полноцветная полиграфия придет на службу человечеству через столетие. В странах с развитой экономикой это произойдет на несколько десятков лет раньше. Один из величайших фотожурналистов, фотохудожников и философов XX в. Анри Картье-Брессон сокрушался в 1952 году, через девяносто лет после выступления Н. Бекетова: «В настоящее время цветные эмульсии обладают очень малой светочувствительностью, из-за этого приходится ограничиваться малоподвижными сюжетами или использовать сильное искусственное освещение. Низкая светочувствительность пленок заставляет пользоваться полностью открытой диафрагмой, что снижает глубину резкости на передних планах, низкая широта не обеспечивает должное воспроизведение объектов с большим перепадом яркости, к тому же на цветных материалах практически невозможно реализовать возможности «пластического» рисунка объектива там, где объекты уходят в размыв. Иногда случается, что результаты на пленке получаются неплохими, но затем все равно требуется вмешательство мастера по фотопечати, и с ним было бы желательно обговаривать некоторые моменты, как это делается, например, в литографии.

Наконец, полиграфическое воспроизведение фотографий также далеко от совершенства, поскольку краски и материалы реагируют при воспроизведении фотографий так, как им захочется, и цветная фотография в газете или в роскошном издании производит впечатление плохо сделанной, неправдоподобной пародии.

По моему мнению, мы находимся в самом начале хотя бы сколько-нибудь точного создания репродукций, воспроизведений картин и документов, но когда дело касается фотографирования жизни... это иное. Конечно, я не призываю устраниться от участия в эксперимен-

так с цветом и ожидать, когда кто-то принесет нам идеальную цветную пленку и талант к ней в придачу, надо продолжать поиски, пусть даже и на ощупь. Трудно представить, каким будет развитие цветного фоторепортажа, но я уверен, что он потребует подхода и образа мышления отличного от черно-белого фоторепортажа. Я также опасаюсь, чтобы такой сложный элемент, как цвет, не пошел в ущерб жизненной правде и той простой выразительности, которую мы можем иногда запечатлеть в черно-белой фотографии. Чтобы создавать действительно цветные фотографии, надо иметь возможность управлять цветом и находить свободу высказываться на основе великих законов, сформулированных импрессионистами, которые даже фотограф не может игнорировать («закон одновременных цветовых контрастов» – который позволяет предвидеть изменение цвета одного предмета в соседстве с другим, поскольку один предмет стремится передать свой цвет другому и т. д.)» [5].

И это говорит основатель наиболее успешного фотоагентства того времени («Магнум»), созданного после окончания Второй мировой войны на родине фотографии. Что тогда можно сказать о советских фотографических и полиграфических технологиях периода послевоенной разрухи?

От незамысловатого или вычурного постановочного портрета наиболее прогрессивные фотографы второй половины XIX века устремляются к поиску новых изобразительных форм и решений, присущих только фотографии, – всё в меньшей степени оказывается в творчестве ярких фотомастеров того времени подражание живописи. Фотография обретает свой язык изобразительных средств, в ней отчётливо формируются и развиваются новые принципы художественных решений, основанные на её документальной сущности.

Сотни безвестных ныне фотографов в десятках российских городов принялись осваивать и развивать новое ремесло. Некоторым из них уже через несколько лет удается возвысить его до уровня искусства. Российские фотографы участвуют в издании специальных фотографических журналов и альманахов, занимаются усовершенствованием и конструированием фотографической техники и оптики, активно экспонируют свои работы на региональных, общероссийских и международных выставках.

К концу XIX века в России издается около двух десятков фотографических журналов. Практически в каждом губернском городе с развитыми промышленностью и торговлей открываются фотографические заведения – прообразы нынешних фотоателье и фотолабораторий.

торий. В них клиенты могли заказать студийный портрет, съемку на натуре, купить уже готовые пейзажи или виды города. Владельцами и учредителями таких фотомастерских становятся, как правило, высококлассные инженеры, тяготеющие к искусству, профессиональные художники, талантливые выходцы из народа, в детские годы прошедшие выучку у первых в России известных мастеров.

Одной из самых ярких личностей в истории отечественной фотографии второй половины XIX – первой половины XX вв., несомненно, является Максим Петрович Дмитриев. Незаконнорожденный сын крепостной дворовой девки из Кирсановского уезда Тамбовской губернии появился на свет 9 августа 1858 года, за два с половиной года до отмены крепостного права в России. В 15 лет, учеником фотографа императорского дома, мастера Московского живописного цеха Михаила Петровича Настюкова, он начинает изучать азы светописи и уже через несколько месяцев проходит путь от мойщика стекол для фотографических пластин до первого помощника Михаила Петровича. В это же время Максим Дмитриев посещает воскресные рисовальные классы Строгановского художественного училища, самостоятельно изучает историю отечественной живописи и архитектуры. Уже через год хозяин берет его с собой для работы в фотографическом павильоне на Нижегородскую ярмарку. Здесь и состоялось судьбоносное знакомство Максима Дмитриева с известным фотографом-художником Андреем Осиповичем Карелиным, выпускником Санкт-Петербургской Академии художеств. Опытный мастер заметил талантливого юношу и в 1879 году пригласил его к себе на работу.

Невероятные по сложности одного только технического осуществления, фотоэкспедиции Максима Дмитриева заставляют преклоняться перед его талантом, трудоспособностью и патриотизмом тем искреннее, чем очевиднее становится бурный процесс эволюции техники, оптики и фотоматериалов. Не всякому современному фотографу, оснащенному легкой и компактной техникой, по плечу то, что осуществил Максим Петрович в конце XIX века. Пройти, проплыть, проехать от истоков до устья Волги с многогудовым грузом, который составляли громоздкие деревянные крупногабаритные фотоаппараты, тяжелые и хрупкие фотографические пластины (размером до 50x60 см) – уже испытание не из легких. Оставить в дар современникам и потомкам тысячи изумительных по достоверности, образности высохудожественных изображений главной русской реки, исторических и природных памятников на ее берегах и народов, ее населявших (потратив на волжские экспедиции около 40 тысяч рублей собственных

денег) – разве не альтруистический подвиг! Не обладая наследственными капиталами, Максим Дмитриев, надо полагать, компенсировал подобные, немыслимые не только для бедняков, затраты, выполняя фотографические заказы для состоятельных соотечественников.

Некоторые современные исследователи называют Максима Петровича Дмитриева основоположником отечественного фоторепортажа. На чем основываются эти утверждения? Снимки Дмитриева достоверны, исторически документальны, технически безупречны, образны. Выполненные им в XIX веке портреты купцов, писателей, старообрядцев, обитателейnochлежек, крестьян и рабочих сегодня просто бесценны. Фотохроника голодающего Поволжья, созданная Максимом Дмитриевым в период неурожайных 1891–1892 гг., не претендует на полноту освещения народного бедствия. С громоздким фотоаппаратом и тяжелым грузом фотопластин автор побывал лишь в некоторых, наиболее пострадавших от голода и эпидемий, уездах Нижегородской губернии. О чем он пишет сам в предисловии к фотоальбому «Неурожайный 1891–1892 год в Нижегородской губернии», изданному в собственной фототипии: «Альбом этот, хотя и не дает полного понятия о положении Нижегородской губернии в бедственный 1891/1892 год, так как заключающиеся в нем снимки с натуры касаются лишь некоторых уездов Нижегородской губернии, тем не менее представляется в общем наглядные картины пострадавшего населения губернии и, главным образом, способов помочь ему, оказанной правительством и частными людьми, выразившейся одинаково во всех уездах губернии. Представляя настоящий альбом публике, смею просить ее быть снисходительной к моему труду, исполненному, насколько мне кажется, добросовестно, но при крайне ограниченных средствах и количестве времени, которое я мог посвятить на его создание» [4].

Фоторепортаж как метод съемки, исключающий инсценировки и постановки, вторжение в суть происходящих событий и «перекраивание» её на свое усмотрение – явление редкое и маловостребованное со стороны издателей, увы, как в наше время, так и на заре становления визуальной коммуникации.

Двадцатый век стал временем расцвета фотопублистики. От бесстрастной фиксации событий передовые фотографы переходят к их философскому осмыслению – золотое время искренней фотожурналистики! И это – на фоне великой американской депрессии, не терпящей противоречий коммунистической пропаганды, отупляющего фашизма, лицемерно жиравшего капитализма, тонущей в крови национально-освободительных войн Африки...

Визуальная информация, искренняя (личностная, авторская) фотография журналистика в частности, становится не столько усваиваемым (и принимаемым) на сто процентов посланием, сколько попыткой рассказать о событии через собственное понимание. Своеборческим приборчиком, посылающим в открытое пространство сигнал, по которому близкие или дальние от тебя зрители смогли бы понять, ты «свой» или «чужой». Беспристрастное (бесчувственное) информирование все еще провозглашается одной из важнейших функций современной журналистики и называется объективностью. Кто всерьез верит в этот миф в пору политических, финансовых, корпоративных, религиозных и множества других (очевидных и предполагаемых, успешно скрываемых) договоров, слововоротов, воздействий, запугиваний, подкупов, симпатий и антипатий? Любой искренний и творчески самостоятельный фотожурналист всегда ищет в окружающих его событиях лишь одному ему близкие элементы, рождающие искру смысла. У каждого творчески состоявшегося фотожурналиста, фотохудожника своей «набор» близких ему инструментов познания мира, свой порядок и свои правила пользования ими.

Более чем семидесятилетний этап развития советской фотожурналистики характерен, в первую очередь, несомненным возведением пропагандистской функции журналистской фотографии в роль самой главной. «В недавние годы, в ту пору, которую теперь именуют временем общественного застоя, всякий юбилей – пусть даже самый скромный – становился поводом для шумных торжеств, исполненных громкой фразеологии превосходных степеней, завышенных оценок, оптимистических итогов. Причем замечено: чем хуже шли дела, чем меньше было поводов для ликования, тем громче раздавались победные клики. В публицистической фотографии было именно так: в те периоды, которые сегодня, оглядываясь на пройденный путь длиною в семь десятилетий, мы воспринимаем как наиболее плодотворные, критика была полна упреков, обращенных к фотографам, требований работать еще лучше, видеть жизнь глубже и остree. И, напротив, в те годы, когда фотожурналистика страдала недугом деланного оптимизма и откровенной инсценировки жизни, – критика била в литеавры.

В это именно время появлялись статьи и рецензии, посвященные анализу больших, по полторы-две тысячи экспонатов, выставок, в которых не высказывалось ни одного даже самого невинного замечания. У читателей (а они же чаще всего были одновременно и зрителями этих выставок) должно было сложиться впечатление, что наша фотография достигла предельного совершенства...» [2, с. 23].

Обреченная выполнять в большей степени лишь пропагандистскую функцию, «официальная» отечественная фотожурналистика эволюционировала в строгом соответствии «с линией партии». Гражданская война, индустриализация и коллективизация – вот основные вехи фотожурналистики молодой Страны Советов двадцатых-тридцатых годов прошлого столетия. Фотожурналисты того времени были обязаны во весь голос заявлять всему миру о невиданных общественных и социальных переменах в жизни великого народа великой страны. В это время (1923 год) начинает выходить первый советский иллюстрированный журнал «Огонек». Вслед за ним открываются журналы «Прожектор», «30 дней», «Смена», «Красная новь», «Даешь» и «Экран рабочей газеты». Более объективных причин для развития фотожурналистики трудно себе представить. В это кипучее время в советскую фотожурналистику пришли А. Родченко, Б. Игнатович, П. Новицкий, Д. Дебабов, А. Шайхет, Г. Зельма, М. Альперт и другие признанные классики документального советского фотоискусства. Рубеж двадцатых-тридцатых годов XX века был означенован бурными дискуссиями во всех областях творчества, науки, во всех видах искусства. Уровень дискуссий – максимально возможный, характер высказываний – бескомпромиссный. Результаты процесса привели к резкому сворачиванию спектра поиска средств художественной выразительности. Именно в это время в фотожурналистике возобладала установка на фиксацию результата, а не изучение процесса происходящих перемен. Этот период продолжался вплоть до 22 июня 1941 года.

Жизнь огромной страны преобразилась в один день. Содержание и язык советской фотожурналистики освободились от благостного праздничного тона, практически каждый фотожурналист, в каком бы издании он ни работал, старался снимать так, что, казалось, от его съемок зависел исход войны. В лучших снимках военной поры чувствуется возвращение к новаторским традициям репортажа 20-х годов – не только фиксация факта, но и образное обобщение героических усилий и вклада в великую победу каждого, даже самого маленько-го человека, на фронте и в тылу. Десятки прославивших свои имена фотожурналистов центральных газет и журналов, десятки тысяч безвестных ныне фотокорреспондентов малотиражных газет, выходивших на передовой и в тылу, создали уникальную фотолетопись Великой Отечественной войны.

Первое послевоенное десятилетие для советской фотожурналистики стало временем нового освоения старого метода постановочной фотографии. Следующее десятилетие жизни общества, названное

впоследствии «оттепелью», вернуло на некоторое время востребованность в репортажной фотографии. Качели «репортаж – постановка», присущие советской фотожурналистике, меняли только внешний облик изданий, выдававших «желаемую» жизнь за действительную.

Необозримые целинные поля, гигантские корпуса металлургических и химических комбинатов, животноводческих комплексов стали основным объектом съемки. Встречи советских партийных лидеров с зарубежными, партийные съезды и конференции – наиболее «актуальные» и востребованные темы тех лет, разрешение на съемку которых выдавалось избранным фотожурналистам, проверенным партией на лояльность и «творческую исполнительность». Летопись жизни советского народа запечатлевалась фотожурналистами не только в рамках установок партийных съездов, но публикации в газетах и журналах оставались «идейно выдержаными».

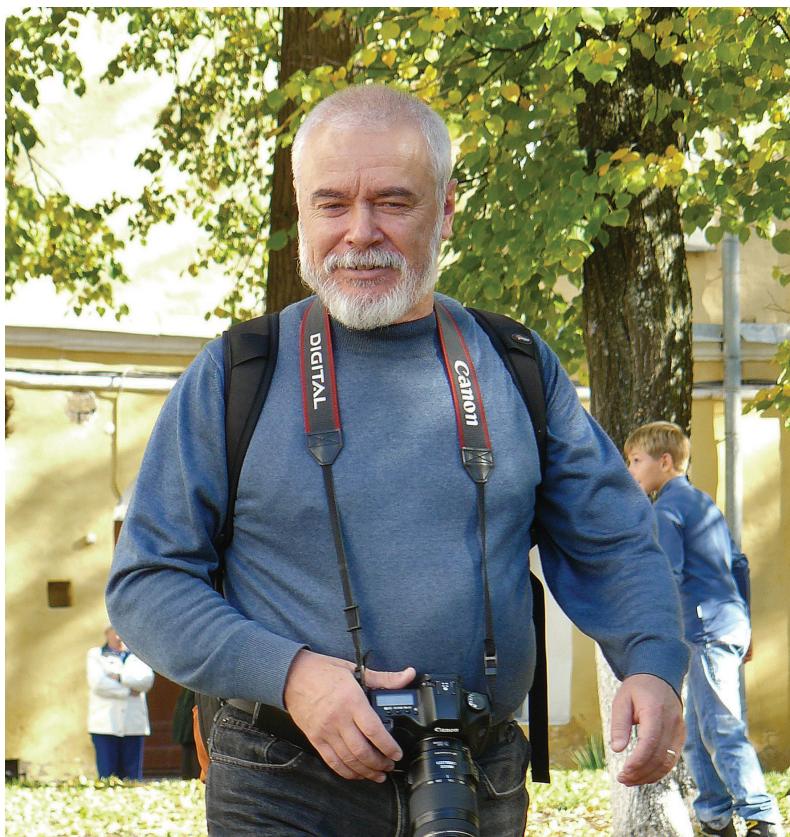
В эпоху развитого социализма сформировалось сообщество андеграундных фотожурналистов. Их работы высоко оценивались внутри профессионального сообщества, но им не было места на страницах официальных газет и журналов. После отмены статьи Конституции «о ведущей и направляющей роли КПСС...» приоритеты определения актуальных тем в фотожурналистике изменились в одночасье. Подавляющее большинство лидеров «официальной» фотожурналистики уступили своё место жаждущим рассказать о нашей жизни «всю правду». Направления поисков правды диктовались, как правило, гонорарами западных фотоагентств.

В клокочущих потоках мрачной безысходности, в их неизмеримой глубине, происходили процессы осмысления происходящего большинством отечественных фотожурналистов. Эйфория «полной свободы», больше похожая на эпилептическую анархию, изрядно надоела большинству читателей, издателей и фотожурналистов. Обновляющемуся обществу требуются серьёзные художники, обладающие аналитическим умом и добрым сердцем. Остались ли такие в России – покажет ближайшее время...

Литература

1. Бажак К. История фотографии. Возникновение изображения / Пер. с франц. М., 2003. – 160 с.
2. Вартанов А.С. Этапы развития фотопублицистики / А.С. Вартанов // Советское фото. – 1987. – № 11. – С. 21–24.
3. Васенина Е. Фотограф – это историк. Интервью с Эдди Опп. – Режим доступа: <https://www.photographer.ru/cult/person/610>.

- htm?ysclid=lpsmIhapde737367815 (дата обращения: 05.06.2007).
4. Дмитриев М. Неурожайный 1891–1892 год в Нижегородской губернии. Нижний Новгород, 1893. – Режим доступа: <https://sarpust.ru/2013/02/k-150-letiyu-maksima-petrovicha-dmitrieva-21-08-1858-15-10-1948/?ysclid=lpasnqsln0861834624> (дата обращения: 05.06.2007).
 5. Картье-Брессон А. Решающий момент. – Режим доступа: <https://www.photographer.ru/cult/theory/613.htm?ysclid=lpasnqsln0861834624> 387392124 (дата обращения: 05.06.2007).
 6. Морозов С. А. Творческая фотография / С. А. Морозов. – М., 1985. 416 с.

Печатается по: Relga: научно-культурологический журнал. – 2007. №9. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1975&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 05.06.2007).

Память. Алексей Алексеевич Колосов

Алексей Алексеевич Колосов родился в Магаданской области 30 августа 1953 года, где его родители трудились по контракту. Алеша был маленьким мальчиком, когда семья переехала в Воронежскую область. Вырос Алексей в селе Хреновом, знаменитом своим конным заводом, основанным когда-то графом Орловым-Чесменским. Здесь занимался легкой атлетикой, здесь взял в руки первый свой фотоаппарат – бабушка подарила внуку на 10-летие «Смену». Окончив восемь классов, Алексей поступил в Воронежский авиационный техникум, а после техникума был призван в армию. Служил под Москвой, близ Загорска, теперь этому святому месту вернули исконное название – Сергиев Посад. Полученная Алексеем в техникуме специальность «техник-технолог» в жизни так и не пригодилась: после армии Алексей Колосов поступил на факультет журналистики Воронежского государственного университета. Учеба сочеталась с работой: в 1974 году Алексея приняли фотокорреспондентом в молодежную газету Воронежской области «Молодой коммунар», где он трудился до 1977 года. Газета была знаменита на весь Союз боевитостью, оперативностью, высоким качеством материалов. «Работать было очень интересно, – вспоминал Алексей Алексеевич, – но хотелось новых впечатлений. И я пошел в железнодорожную газету, там можно было ездить по некоторым областям....»

Путешествия плотно заполнили жизнь Алексея Колосова больше чем на двадцать лет. Два года в артели золотодобытчиков, больше десяти – в республиканской киргизской молодежной газете. Творческие интересы – самые разнообразные: Алексей интервьюировал для газеты приезжих знаменитостей (например, Иннокентия Смоктуновского), писал о жизни погранзастав и труде киргизских скотоводов, снимал дивной красоты пейзажи... Это не творческая всеядность, когда журналисту всё равно, о чём и для кого писать, равнодушно перечисляя фамилии и события. А. А. Колосов влюблялся во всё и во всех, о ком и о чём писал. Героев многих публикаций он вспоминал спустя годы и рассказывал о них с той же теплотой и признательностью, с какой в свое время писал. Если любовь можно назвать творческим методом, то именно это – главная особенность творчества Алексея Колосова. Разумеется, это характерно не только для киргизского периода его жизни, да и не только для творчества.

Алексей был очень ярким человеком, общительным, доброжелательным ко всем. «Поговоришь с ним пять-десять минут, и начинает казаться, будто знал всю жизнь», – так о нем вспоминают многие. Но: можно ведь эту доброжелательность включать, а потом и выключать – за ненадобностью. Идет, скажем, беседа для газеты, обаяние включается, собеседники чувствуют себя лучшими друзьями; расстались – и при встрече через месяц и не узнают друг друга. Незачем... Для Алексея Алексеевича такое отношение к людям было недопустимым! Казалось, он помнил всех, с кем когда-либо встречался; мало того – он помнил, чем можно помочь случайно встретившемуся человеку, и помогал как мог. Выходит, к примеру, Алексей из храма после Пасхальной службы, встречает знакомую и узнает, что ей нужно просидеть на приходе часа 4 – пока не пойдет автобус до дома. Тут же Алексей Алексеевич отправился с ней на своей машине – а ехать-то не на льнокомбинат, а в Пески, это больше 70 километров!

«Есть возможность помочь человеку – надо это делать обязательно» – так считал Алексей Колосов. Наверное, нет у него знакомых, кому он не помог бы, и не раз. Да разве только знакомым помогал! Резчика по дереву из Украины Руслана Острова, например, Алексей не знал, пока не увидел в интернете его крик о помощи: собрался человек переезжать в Россию, срочно нужна временная прописка – а помочь некому... У Алексея в Хреновом осталось родительское жилье, прописку семье оформили. Это, кстати, даже в Пески из Вологды ехать, пришлось до Воронежа мотаться... И таких случаев – не счесть.

Зачем это надо было? Затем, чтобы чувствовать себя человеком...

После кровавых беспорядков в Оше (рассказы А. Колосова об этой трагедии публиковал воронежский журнал «Подъем») Алексей оставляет Киргизию, перебирается в Москву. «С 1993 года (за небольшими исключениями), – как писал о себе А. А. Колосов в краткой биографической справке, – живёт и работает в Вологде». В число исключений вошли и годы преподавания на факультете журналистики Воронежского государственного университета. Алексей Алексеевич составил пособие по курсу «Основы фотожурналистики», который вел несколько лет. Уже когда А. А. Колосов работал в «Красном Севере», он приглашал нескольких своих студентов на практику. Ребята переписывались с учителем, советовались с ним обо всем: о профессии, о жизни... <...>

В наш город Алексей Алексеевич приехал по приглашению главного редактора областной газеты «Русский Север» Владимира Панцырева, земляка-воронежца (они и в «Молодом коммунаре» трудились,

только в разное время). Главная обязанность заместителя редактора – организация газетного процесса: планирование номеров, вычитка и правка материалов, контроль за вёрсткой и корректурой... Всё это занимает очень много сил и времени, но Алексей Алексеевич не был бы самим собой, если бы перестал снимать и писать. В «Русском Севере» Алексей познакомился с людьми, которые во многом повлияли на его дальнейшую жизнь – поэтом Михаилом Сопиным и священником Сергием Колчевым. Алексей Колосов опубликовал стихи Михаила Сопина, сопроводив их своими фотографиями. Получилось неожиданно остро и в то же время философично. Снимки не увели размышления поэта в плоскость репортажа, а сделали строки Сопина близкими каждому читателю газеты. Фотографии подчеркивали: эти стихи – о том, что с каждым из нас сегодня происходит... А стихи помогали воспринимать снимки не как примету только сегодняшнего дня, но и как размышления о жизни, о вечном. Алексей вначале побаивался, как воспримет публикацию поэт, но Михаил Николаевич горячо поддержал, и потом порой специально что-нибудь писал к колосовским снимкам. После кончины М. Н. Сопина Алексей Алексеевич помог вдове поэта издать его книгу «Спелый дождь».

С 2008 года Алексей Алексеевич трудился в «Красном Севере» заместителем главного редактора, в 2013–2014 годах исполнял обязанности главного редактора. В это время он неоднократно устраивал свои выставки. Несколько работ Алексея Колосова долгое время украшали фойе областного драматического театра. В 2008 году в Вологде впервые состоялся фестиваль «Кружева» (организатор фестиваля – газета «Музыкальное обозрение»). Алексей Колосов подключился к этому проекту не только как автор статей и фотопортажей для «Красного Севера» и «Вологодского ЛАДА»; Алексей Алексеевич был деятельным участником разработки и реализации концепции фестиваля. «В рамках второго и всех последующих фестивалей, – пишет художественный руководитель фестиваля «Кружева» Андрей Устинов, – традиционными и вполне логичными становились его выставки «Вариации для фотоаппарата с оркестром и колоколами» (2010), «Фотографии. Музыкальный фестиваль “Кружева” – портреты» (2011), «Фотографии. Лица» (к 60-летию)».

В 2010 году издательство «Фотолетопись России» выпустило фотоальбом «Вологодский узор», в котором опубликовано несколько десятков снимков Алексея Колосова. Фотоальбом получил прекрасные отзывы, задумано было продолжение проекта, но помешало отсутствие финансирования.

Алексей Алексеевич подготовил выставку работ фоторепортёров «Красного Севера» к 100-летию газеты в 2017 году, и, конечно, центральное место в экспозиции заняли работы А.А. Колосова. Шестидесятилетию автора была посвящена выставка фоторабот Алексея Колосова «Братья и сестры», которая состоялась в 2013 –2014 гг. в актовом зале Спасо-Прилуцкого Димитриева монастыря. Были представлены лучшие работы Алексея Алексеевича, сделанные за 20 лет жизни на Вологодчине. С церковной жизнью его связывала не только дружба с отцом Сергием Колчевым, но и многолетнее сотрудничество с епархиальным журналом «Благовестник». Материалы Алексея Колосова о людях Церкви не раз публиковались не только в церковной прессе, но и в областной. В 2009 году А. А. Колосов принял участие в работе XIV Всероссийского фестиваля-семинара «Православие на телевидении, радио и в печати», который проходил в московском институте повышения квалификации работников телевидения и радиовещания. Фотографии Алексея Алексеевича, опубликованные в «Красном Севере» и «Вологодском ПАДЕ», были отмечены дипломом фестиваля-конкурса.

Военной историей Алексей интересовался всю жизнь: дед его воевал в первую мировую, отец — в Великую Отечественную... Алексей Алексеевич с замечательным фотографом Евгением Халдеем дружил, не раз писал о нем. Старшим другом вологодского фотожурналиста был известный писатель Борис Васильев, о нем и его жене Зоре А. А. Колосов не раз рассказывал в своих публикациях. Несколько лет Алексей Алексеевич сотрудничал с Вологодским поисковым отрядом, возглавляемым Иваном Дьяковым: участвовал в поисковых экспедициях и в нашей области, и на местах боев, опубликовал несколько материалов о работе поисковиков.

С 2010 по 2019 годы Алексей Колосов был членом общественного совета при УМВД России по Вологодской области. Он не раз бывал на Северном Кавказе со сводными отрядами вологодской полиции, принимал участие в агитационных автопробегах по Вологодской области. Алексей Алексеевич был членом жюри регионального этапа конкурса «Открытый взгляд», не раз проводил с полицейскими занятия и семинары по фотографии.

Вологда принимает не всех, но Алексея Колосова приняла сразу. И он сразу принял Вологодчину в свое сердце, не только как место работы, но и как вторую — после Воронежских краев — родину. Алексей полюбил северную природу, которую прекрасно знал, особенно наши озера и реки, он ведь был горячим любителем рыбалки. Алексей

глубоко понимал северный характер; вологжане, несмотря некоторую флегматичность, отличаются надежностью и обстоятельностью, – эти качества были свойственны и Алексею, так что южная горячность ничуть не мешала ему в общении с северянами, многие из которых стали ему верными друзьями.

Нельзя не вспомнить классика:

«Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были».

Следуя словам Василия Жуковского, будем благодарны Творцу за то, что послал нам встречу с замечательным человеком, и будем хранить благодарную память о нем.

A. Колесов. Автопортрет. Село Усть-Печенга Вологодской области, 2013 г.

Печатается по: https://vk.com/wall-14517445_1255

Лёша

Лёша так неожиданно ушёл от нас, что эта рана до сих пор саднит... Одна из его выставок имела развёрнутое название: «Среда обитания: фотографии, компьютерная графика, тексты». Изобразительную часть работ журналиста, выпускника и преподавателя факультета журналистики ВГУ Алексея Алексеевича Колосова составили пейзажи, натюрморты, жанровые сценки, портреты, словесную – стихи и названия работ (да, да – названия, потому что они и остроумны, и афористичны!), с которых начинался или которыми продолжался этот вернисаж. Тогда я откликнулся оперативной рецензией, которой и хочу здесь привести почти полностью:

«“Среда обитания” – так назвал свою выставку Алексей Колосов. Скорее всего, потому, что он, никогда не расстающийся с фотокамерой, чутко реагирует буквально на всё, что происходит с ним, с нами. Происходит со временем дня, года, но прежде всего – со Временем, в историческом и философском смысле этого слова. А ещё – с Природой, с Домом.

Это – работы Художника (не по статусу – по душе!), постоянно настроенного на творческую волну:

*Фотография и слово –
Две незыблемых основы
Непростого бытия.*

*Фотография и слово –
Две стихии, два крыла,
Две незыблемых основы.*

*Фотография и слово –
Юг и Север, день и ночь.
Фотография и слово –
Две незыблемых основы
Из воды и из огня,
Из любви и из печали,
Из веселья и тоски,
Из степной звенящей дали
И задумчивой реки.
Из рождений, погребений,
Из триумфов и падений,*

*Из примятой кем-то ржси...
Не из лести.
Не из лжи.*

*Фотография и слово –
Две незыблемых основы —
На пиру и на войне
Не дают
покоя
мне...*

Это – работы Поэта, и по мироощущению, и по мастерству, которое предполагает поиск особых – образных – средств отражения действительности:

*Aх, золото листьев! Ах, небо!
Ах, воздух пьяняще-трезвящий!..*

Это – работы Журналиста, умеющего не только подглядеть детали (описать!), но и обобщить (выразить!), подать их так, что зритель исключительно удивляется: почему сам не заметил, почему прошел мимо?!

*Фотография и слово –
Ненавистных две основы,
Неизбывных две основы
Из воды и из огня,
Из любви и из печали,
Из веселья и тоски,
Из степной звенящей дали
И задумчивой реки.
Из рождений, погребений,
Из триумфов и падений,
Из примятой кем-то ржси...
То из лести,
То из лжи.*

Это – работы Человека, мыслящего и переживающего. И живущего теми же заботами, тревогами, что и каждый из нас:

*Было сил невпроворот,
Было большие прыти –
Верил в мудрый наши народ,
А теперь – простите...
Ты народ и я народ,
Бегаем по кругу,
Переводим кислород –*

Боремся друг с другом...

Наконец, это – работы Фотомастера, прошедшего школу чёрно-белой печати и сумевшего (стремящегося?) не просто преодолеть холода новой техники, но и заставить ее послужить вечному, то есть Красоте».

На его уход мгновенно и массово откликнулись друзья, коллеги, выпускники, студенты, читатели, зрители из разных уголков нашей страны, и главной эмоцией было недоумение: как могло так случиться, что наполненный творческой и жизненной энергией, в какие-то считанные дни буквально сгорел. Совсем недавно сам сверстал в газете тематическую страницу «Фотовзгляд», ещё недавно выложил в Фейсбуке подборку зимних пейзажей, снятых на рыбалке, и вот – траурная рамка некролога...

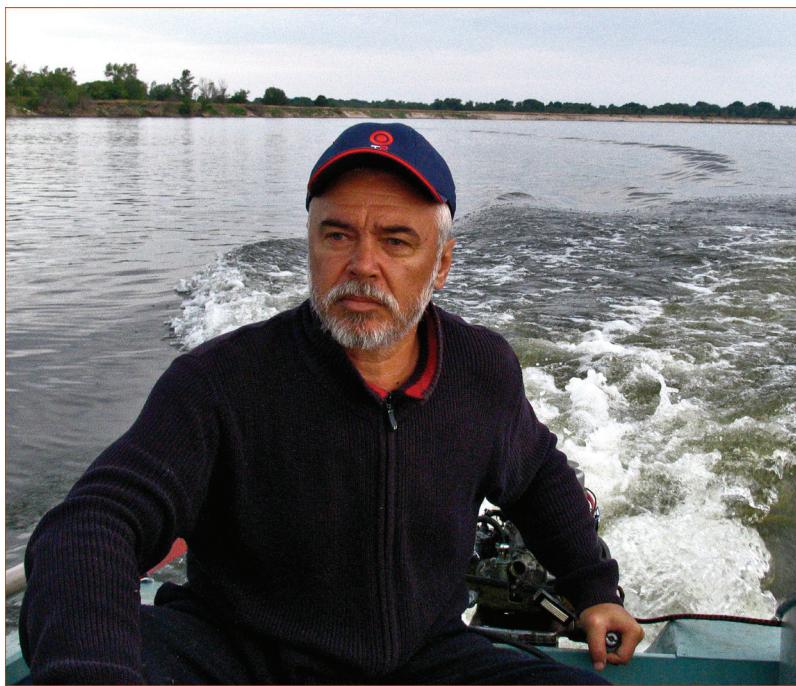
Последние годы Алексей провёл в Вологде, где также с горечью восприняли трагическую весть и где все ведущие СМИ напечатали слова прощания. <...>

...До сих пор ловлю себя на том, что мне хочется ему позвонить: обменяться впечатлениями после прочтения какой-нибудь статьи, после просмотра премьерного фильма или футбольного матча. И каждый раз обида пронзает меня где-то в районе горла:

*И снова ночь, и свечи гаснут,
теперь те свечи не зажечь –*

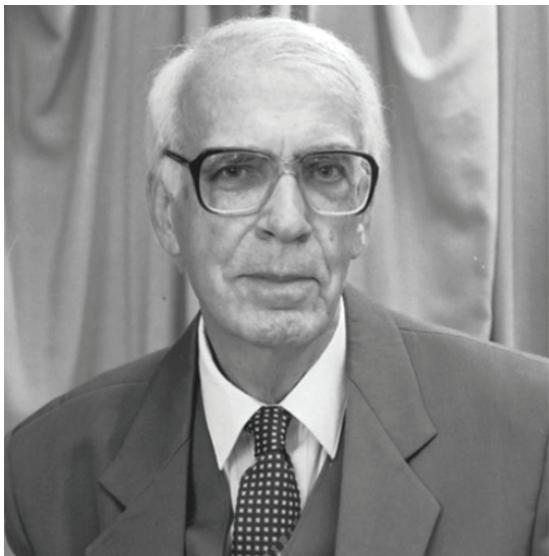
*огонь неумолимо властно
всё завершил, и каплей стечь
осталось крохам стеарина –
ничто не вечно под луной,
как ни светил, но всё же сгинул,
укрывшись теменью ночной.
Как тяжко, как обидно, горько –
уже не вспышки, ни луча,
уже не сможешь глазом зорким
схватить мгновение шутя...*

Печатается по: Тулупов В. В. Это было недавно, это было давно....: автобиографические записки. Воронеж, 2021. – С. 60–62.

A. Колосов на Волге. 2007 г. Фото П. Новикова

Сталь Никанорович ПЕНЗИН (1932-2011)

Кандидат искусствоведения, доцент, член Союза кинематографистов, лауреат премий гильдии киноведов и киноkritиков.

Основная сфера научных и педагогических интересов: теория и практика кинообразования.

Окончил филологическое отделение историко-филологического

факультета ВГУ (1955), аспирантуру Всесоюзного государственного института кинематографии (1976). Работал журналистом военной окружной газеты «Отважный воин» (Архангельск, 1955-1956), фотокорреспондентом на Воронежской студии телевидения (1958-1962).

С 1968 года – преподаватель Воронежского государственного университета, Воронежского государственного института искусств, Воронежского государственного педагогического университета. В 1975-1977, 1994 и 1996 годах читал на отделении (факультете) журналистики ВГУ спецкурсы, руководил рядом дипломных работ студентов-журналистов ВГУ.

Организатор киноклуба ВГУ, руководитель городского киноклуба «Друзья десятой музы». Президент (с 1987) Воронежского киновидеоклуба имени В. М. Шукшина.

О. Баранникова

Кинолента железных дорог

Сталь Никанорович Пензин посвятил свою жизнь искусству кино. Монографии, вышедшие из-под его пера, признаны как столичной профессурой, так и именитыми российскими критиками. Однако кандидат искусствоведения, член Союза кинематографистов России, Сталь Пензин утверждает, что призвание нашел не в научной, а в просветительской работе.

В 60-е годы в Воронежском государственном университете он организовал киноклуб «Друзья десятой музы», а сегодня руководит киновидеоцентром имени Василия Шукишина. Лекции и показ лучших лет самых талантливых режиссеров мира проходит в воронежском Доме актера бесплатно – в смелую, изначально «некассовую» идею Пензина согласился вкладывать средства предприниматель Олег Берг. В студенческие годы он был активным участником киноклуба, теперь помогает своему учителю составить качественную конкуренцию массовой продукции Голливуда. Такое кино называют «трудным», «серъезным». Сталь Пензин без устали работает с аудиторией, помогая ей понять образность произведений киноискусства.

Мы попросили киноведа поделиться знаниями о кино, сюжет которого построен «на рельсах и шпалах». Но сначала Сталь Никанорович рассказал о том, как железнодорожная тема звучала в его судьбе: мама работала в типографии управления ЮВЖД, а о своем детстве он вспоминает: «У меня было две мечты: смотреть бесконечный фильм и ехать в поезде, который никогда не остановится».

Сталь Пезин посвятил творчеству писателя-железнодорожника Андрея Платонова оригинальное исследование – «Кино Андрея Платонова», где речь идет не только о фильмах, снятых по мотивам произведений, но и о даре Платонова-сценариста. Увы, дар вос требован не был. Но режиссеры обращаются к его творческому наследию: по мотивам повести «Река Потудань» сняли фильмы Кончаловский и Сокуров, а темы Платонова, связанные с Юго-Восточной магистралью, реализовал в сценарий воронежский литератор Евгений Нови чихин, по которому снял фильм «Опять надо жить» режиссер Василий Панин...

– Сталь Никанорович, итак, как вы считаете, почему братья Люмьер для сюжета первого в мире фильма «Прибытие поезда» выбрали именно железнодорожную тему?

– Давайте вспомним эпизод прибытия поезда из романа «Анна Каренина» Льва Толстого. «Через несколько минут платформа задрожала, и, пыхтя сбивающимся книзу от мороза паром, прокатился паровоз с медленно и мерно нагибающимся и растягивающимся рычагом среднего колеса и с кланяющимся, обвязанным, заиндевелым машинистом; за тендером, все медленнее и более потрясая платформу, стал проходить вагон с багажом и визжавшою собакой; наконец, подрагивая перед остановкой, прошли пассажирские вагоны». Толстой обладал даром кинематографического видения – мы словно читаем сценарий с подробной раскладкой будущего фильма. Среди покидающих поезд пассажиров он описывает «мужика с мешком через плечо». Удивительно, но такой же персонаж – парень с мешком за плечами, выходящий на крупный план в ленте братьев Люмьер – стал первым киногероем. Толстой описал его за двадцать лет до создания ленты!

– А Каренина отказалась от будущего, бросившись под поезд...

– На самом деле писатель не жаловал железную дорогу. Мне кажется, среди прочих тому причин был эпизод Крымской войны: в 1854 году молодой Толстой с неприязнью наблюдал, как по проложенным англичанами рельсам двигался, как тогда говорили, «блинированный» паровоз – грозный «отец» будущих бронепоездов.

– Но ведь первый в России железнодорожный путь, связавший Петербург и Царское Село, открылся раньше, в 1837 году...

– И это событие нашло отражение в искусстве – вспомним роман М. Глинки на стихи Кукольника «Быстрое движение», где паровоз еще называют пароходом. Точно передает настроение пассажиров и «Железная дорога» Н. Некрасова, которой он откликнулся на открытие магистрали Петербург-Москва. Но должно было появиться новое искусство, передающее динамику времени. Возможно, бурное строительство железных дорог и потопило изобретателей кино. Кинематограф – «движущаяся фотография» – запечатлел «живое» чудо: прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота.

– Вероятно, к железнодорожной теме обращаются режиссеры тех стран, где жизнь без стальных магистралей трудно представить?

– Вы правы, тому подтверждение – работы польских кинематографистов. Например, документальная лента «Слово железнодорожников» Анджея Мунка показывает рейс грузового состава, везущего уголь из Силезии в Щецин. На самом деле это рассказ о труде никому не известных работниках магистрали. Без патетики, свойственной соцреализму, режиссер объясняет, что за четко работающим меха-

низмом обслуживания движения стоят люди со своими проблемами, мыслями, переживаниями. Обеспечивая точное прибытие поезда, безопасность в пути, они каждый день – герои.

Интересна художественная работа Мунка «Человек на рельсах». На путях находят тело старого машиниста (роль знаменитого польского актера К. Опалинского). Никто не знает, почему он погиб, пересказывают следователю свои предположения – от вредительства до самоубийства. Зрителю открывается драма одиночества машиниста, сложных отношениях сослуживцев к нему из-за неуживчивого характера… В конце концов оказывается, он погиб, спасая от крушения пассажирский поезд. Фильм о человеке, честном перед собой и своей профессией.

– Слово «поезд» нередко встретишь в названиях зарубежных лент.

– Чтобы не запутаться, наши прокатчики даже переименовали «Поезд» режиссера Ежи Кавалеровича в «Загадочного пассажира». В одном купе попутчиками становятся метеоролог Марта (актриса Люцина Виницкая) и врач Ежи (Леон Немчек). Марта бежит из Варшавы от своей любви. Вдруг она замечает, что этим поездом едет тот, от кого она уезжает – бывшего возлюбленного играет легенда польского кино Збигнев Цибульский. Он умоляет Марту вернуться. Отчаявшись, на полном ходу поезда юноша оказывается снаружи вагона и, зацепившись за что-то, кричит Марте в окно, что сейчас бросится под колеса. Когда состав грохочет по фермам моста, он исчезает. Марта в ужасе, но жестокий влюбленный вновь появляется в окне.

– Опасные игры…

– Увы, трагическая смерть актера Цибульского произошла на дороге. Он опаздывал на съемки и пытался впрыгнуть на ходу в вагон. Поезд набирал ход, и Збигнев сорвался. Этому происшествию посвятил свой фильм «Все на продажу» режиссер Анджей Вайда. Ну а лента «Загадочный пассажир» интересна не только сюжетом. Действие происходит в купе. Поразительны постановочные решения режиссера – в глубину, вдоль по оси пульмановского вагона; пейзажи великолепно сняты с движения. Пространство за окном сопоставляется с теснотой вагона, внутренний ритм задает стук дверей купе. Похоже, мы путешествуем вместе с героями картины.

– Сталь Никанорович, какие же железнодорожные ленты вы могли бы отметить в советском кинематографе?

– Например, экранизацию повести «Спутники» Веры Пановой – фильм «Поезд милосердия» о тяжелых буднях медиков госпиталя на

колесах. И, конечно, одну из лучших лент о войне «Баллада о солдате» – добрая половина действия проходит в эшелонах, на путях и станциях. Алеша скворцов (актер Владимир Ивашов) мог пробыть в отпуске двое суток, а выдалось – несколько минут. В своем трудном путешествии он потратил время на помочь другим людям. Судьба устроила солдату нравственные испытания: ты здоров – рядом в костилях путается инвалид, у тебя в вещмешке тушенка – на толкучке худенькая девчонка смотрит на тебя голодными глазами, твои проездные документы в порядке – безбилетную спутницу отпихивает проводник. На железной дороге Алеша прожил целую жизнь: спасал от гибели в горящем разбомбленном поезде раненых женщин и детей; встретил в вагоне-теплушке свою любовь – девушку Шуру (актриса Жанна Прохоренко). Поэтому, сколько ни смотри этот фильм, он всегда оставляет глубокое впечатление.

– А ленты, которые можно назвать «производственным кино», например, «остановился поезд» режиссера Вадима Абдрамитова?

– Производственное кино – это на первый взгляд, Вначале картина называлась «Диалоги» – фильм-размышление. Название изменили по требованию цензоров, боровшихся с иноязычными словами в отечественном кинематографе. Итак, основной диалог происходит между следователем (актер Олег Борисов) и журналистом (последняя роль Анатолия Солоницына). Погибает машинист поезда, предотвращая аварию. Журналист был пассажиром и, как свидетель случившегося, пишет очерк о героизме железнодорожника. Следователь же взвешенно устанавливает ответственность каждого – от стрелочника до крупного руководителя. Герой Борисова видит причины аварии и гибели человека в беспорядках ведения дорожного хозяйства. Спор следователя и журналиста остается незавершенным. Фильму уже более 20 лет, он стал метафорой: вся наша общественно-политическая система пошла по откос из-за безграмотного руководства и... «неисправного тормозного башмака».

Большое психологическое напряжение вызывает у зрителей картина Александра Гришина «Поезд вне расписания». Знаете, Саша – выпускник факультета романо-германской филологии ВГУ, любимый ученик Марлена Хуциева. К сожалению, его уже нет в живых.

Компания молодых людей едет в поезде. Сначала о том, что локомотив потерял управление (машинисту стало плохо), никто не дога-дывается, но затем наступает паника. Студент-железнодорожник (актер Владимир Шевельков) берет управление на себя, но до этого ему

приходится бороться с малодушием друга, отцеплять на ходу вагоны, тушить пожар в кабине машиниста...

Одновременно в США режиссер Андрон Кончаловский по близкому сюжету (сценарий Акиро Курасавы) снимает ленту «Поезд-бенглец». Оба режиссера, независимо друг от друга, рассказывают о том, как созданная людьми стихия движения, выходя из-под контроля, испытывает человека, открывая в его натуре и низменное, и высокое.

– *Занимает ли железнодорожная тема молодых кинематографистов?*

– В рамках международного кинофестиваля, прошедшего в Москве этим летом, была показана программа «Россия, которую мы обрели». Среди новых отечественных картин зрители увидели короткометражный фильм «Ты да я, да мы с тобой», поставленный по рассказу Вячеслава Пьецуха «Двое из будки 9-го километра». Это полуноческая лента о нескольких днях из жизни братьев – путевых обходчиков. Мы не знаем о них ничего, даже имен; они оторваны от нашего мира, лишь изредка слушают радио. Актеры Сергей Маковецкий и Владимир Стеклов играют переживающего интеллигента и грубого работягу, враждующих из-за любви к обходчице Надежде (в фильме мы ее не увидим). Фильм об одиночестве, драматичности жизни – первая самостоятельная работа Александра Велединского. Кстати, ленте сопутствовал успех на последнем Каннском фестивале.

Жизнь вдали от цивилизации на заброшенных полустанках всегда привлекала режиссеров. Вспомним фильм «Стрелочник» нидерландского режиссера Й. Стеллинга: роскошная женщина по ошибке выходит из поезда на безымянном разъезде и ей ничего не остается, как поселиться в будке нелюдимого стрелочника, образ жизни которого не похож на современный...

А у нас перед войной была популярна «Аринка» режиссеров Ю. Музыканта и Н. Кошеваровой – лента о хорошенъкой стрелочнице, которая успешно воевала с бюрократами и ловила диверсантов.

Кинопутешествие можно продолжать бесконечно. Братья Люмьер не ошиблись, выбрав «крестной матерью» кинематографа железную дорогу.

Печатается по: Юго-Восточный экспресс. 2001. Декабрь.

Сталь Пензин – человек кино

И 2016 год, объявленный на государственном уровне Годом кино, и предыдущий 2015-й, прошедший как Год литературы, конечно, не ставят своей задачей окончательно решить даже основные проблемы названных секторов культуры. Их цель – стать импульсом для привлечения внимания к отрасли. К главным достижениям прошлого и обозначить пути дальнейшего развития. И, конечно же, вспомнить о людях этих профессий: поблагодарить тех, кто продолжает успешно работать, склонить голову в память о тех, кто ушел...

Вот и мы, связанные своей жизнью, учебой и работой с Воронежским университетом, в Год кино обязаны обратиться к светлой памяти Стала Никаноровича Пензина. Выпускник, а затем – доцент ВГУ, кандидат искусствоведения, известный киновед, медиапедагог и краевед, он сумел очень многое сделать, и посвяченное им при жизни продолжает приносить плоды, объединяя всех, кто любит кино. Книги Стала Пензина продолжают воспитывать кинозрителя, демонстрируя огромные возможности художественных, документальных, учебных фильмов в деле становления личности, показывая наиболее эффективные формы и методы работы с молодежью с помощью кино.

Передо мной – два вышедших в ВГУ издания. Одно из них – последняя работа Стала Никаноровича «Кино в Воронеже» (Воронеж, 2011). Уже неизлечимо больной автор успел перед смертью подержать в руках лишь ее верстку, и теперь книга эта воспринимается как его духовное завещание.

Второе издание – сборник «Другой рядом с тобой» (2012), он вышел уже после смерти С. Н. Пензина и посвящен его памяти. Здесь коллеги, друзья и ученики Стала Никаноровича попытались осмысливать опыт его работы, вспомнить, каким он был, что дал воронежцам для понимания кино, приобщения к нему.

Обратиться к этим книгам – полезно и интересно. В них – личность С. Н. Пензина, его гражданская позиция, постоянный неисчезаемый интерес к такому многообразному явлению, как кино.

Так получилось, что я имел отношение к выходу в свет двух этих книг, а посему – беру на себя смелость утверждать объективность и обоснованность высказанных выше оценок.

Из всей многоаспектности проблем киноведения, медиакраеведения и медиаобразования, которыми занимался С.Н. Пензин и в которых оставил заметный след, выделил одну – киноклубное движение. Именно

здесь наиболее ярко проявилось единство теоретического и практического подхода к культуре, что особенно ценил Сталь Никанорович.

В книге «Кино в Воронеже» киноклубам посвящена отдельная глава. В ней автор с увлечением отмечает, что Воронеж был одним из центров зарождения и развития киноклубного движения в стране, раскрывает и философские, и педагогические основы идеи, в ходе реализации которой и родилось такое массовое общественное объединение, как киноклубы. В самой этой идее для С. Н. Пензина были особенно важны:

возможность приобщить человека к активному участию в культурной жизни общества;

убежденность в том, что кинозрителя («кинопользователя») нужно готовить, вооружать необходимыми теоретическими знаниями о специфике кино, его языке, его создателях;

наличие заинтересованных и подготовленных организаторов и руководителей киноклубного движения.

Каждое из названных положений автор не просто обозначает и обосновывает, но и достаточно подробно и содержательно раскрывает, четко формулирует условия их успешной реализации.

«Все они связаны друг с другом, образуя сложное единство», – уверен С. Н. Пензин. Такой комплексный, системный подход был характерен для Стала Никаноровича. Он всегда был против дилетантизма, поверхностного отношения к делу, считая, что лишь преодолев невежество можно обеспечить успех, ориентированный не на разовое (пусть и полезное, и интересное) мероприятие, а на длительный период результативной работы.

И дальше в книге раскрывается конкретный опыт работы киноклубов: Воронежского государственного университета («Киноклуб ВГУ»), городского («Друзья десятой музы»), при ДК «Электроника» (имени В. М. Шукшина)... Добавлю, что в практике Стала Никаноровича и его жены и соратницы Альбины Борисовны Смирновой (1932–2015) были организация и работа и других успешных киноклубов (в Воронежском государственном педагогическом университете, Доме актера и др.).

Этот опыт С. Н. Пензина – не просто история воронежской культуры, он еще и своеобразное учебное пособие для тех, кто продолжает проводить в жизнь идеи коноклубного движения, у которого, как справедливо считал Сталь Никанорович, есть не только прошлое и настоящее, но и будущее.

Примечательно, что, говоря о киноклубах, С.Н. Пензин, наряду с фильмами, формами и методами работы, рассказывает и о людях – ак-

тивных участниках, помощниках, реализовавших себя в творческом поиске. И символично, что многие из этих людей вспоминают о своем учителе на страницах книги «Другой рядом с тобой». Вот некоторые фрагменты из этих воспоминаний:

«Главным среди … его (С. Н. Пензина. – В.Л.) общественных дел являлось, конечно же, проведение занятий киноклуба ВГУ и киновидеоцентра имени В. М. Шукшина. Не получая никакой заработной платы, Сталь Никанорович посвящал им много времени, поскольку считал культурное развитие общества основополагающим фактором его развития как цивилизации» (О. Берг).

«Сталь Никанорович не пропускал просмотры в кинопрокате и сам лично отбирал для киноклуба фильмы. Благодаря этому мы смотрели в основном шедевры – Антониони, Бергмана, Феллини, Висконти, Бертолуччи, Креймера, Курсавы, Вайды – и были в курсе основных тенденций развития мирового кинематографа. Эстетику, язык кино, обществознание, психологию, философию, нравственность мы постигали, так сказать, на наглядном материале. Пензин учил нас воспринимать фильм во всей его целостности, концептуально, судить о нем по закону того художника, которым он создан, видеть его глубинный смысл» (Т. Быба).

«Он увлек нескольких студентов театрального факультета (и других факультетов тоже) киноклубными показами, на которые мы ходили несколько лет. Эти вечера в «Пролетарии», Доме актера и других залах были памятны не только редкостными картинами, но и, конечно же, размышлениями самого Стала Никаноровича – неожиданными и проникновенными, а также встречами с гостями – искусствоведами и создателями нескольких лет, приглашенными Пензиным в Воронеж» (В. Межевитин).

«Сталь Никанорович никогда не навязывал членам клуба своего мнения по поводу просмотренного материала, давая возможность высказаться всем желающим, но каким-то непостижимым образом его слово всегда оказывалось последним и самым веским. Он был тем цементирующим центром, который объединял под знаменами клуба «физиков» и «лириков», студентов и профессоров, рабочих и инженеров» (В. Мухин).

«Сталь Никанорович Пензин стал для меня человеком-легендой еще в студенческие годы, когда мы, студенты-первокурсники (1968 год), стали посещать киноклуб кинотеатра «Пролетарий». В Сталь Никаноровиче все было необычно. Красота, изысканность, интеллигентность, не свойственные тем годам. Мы, студенты, встречаясь, спрашивали друг друга, успели ли купить абонемент в киноклуб «Пролетария», а если абонемента не было, то старались узнать, кто из друзей идет и может ли взять нас с собой. После «Амаркорда», «Ночей

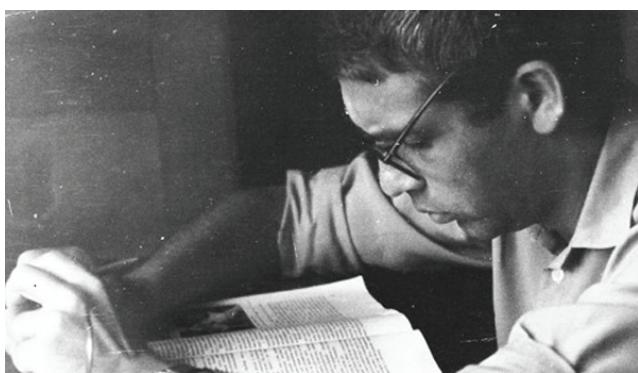
Кабирии» и многих других фильмов, привезенных С. Н. Пензиним из Москвы или взятых из проката, мы шли, потрясенные увиденным, а потом, встречаясь с преподавателями или однокурсниками на филологическом факультете, делились впечатлениями» (Л. Рыбачева).

Ограничимся лишь пятью высказываниями о роли киноклуба и С. Н. Пензина в жизни молодых людей нашего города, хотя в книге таких воспоминаний значительно больше. Все они показывают огромное эстетическое и духовно-нравственное значение того дела, которому отдавал свой талант, свои силы м время Сталь Никанорович.

Конечно, его деятельность не ограничивалась киноклубным движение. Вклад С. Н. Пензина в киноведение, кинопросвещение и медиапедагогику значительно шире. Но именно киноклубное движение, у истоков и в центре которого долгие годы находился Сталь Пензин, сконцентрировало в себе ту возможность соединения идей просветительства и воспитания, к которому он стремился всю жизнь.

Вне всякого сомнения, С. Н. Пензин был «университетским человеком». Он стал студентом ВГУ в далеком теперь уже 1959 году. Воронежский университет стал и последним, наиболее плодотворным для творчества, местом его работы. Как ученый и педагог он внес заметный вклад в развитие alma mater, и, конечно, его творческие наработки и опыты должны быть востребованы сейчас, когда университет готовится к своему юбилею.

А к двум книгам, о которых говорится в этой статье, равно как и другим работам Стала Пензина (в приведенном в книге «Другой рядом с тобой» библиографическом списке около 600 наименований), полезно

обратиться в Год кино, когда особенно актуальными становятся задачи кинообучения, кинопросвещения и киновоспитания молодежи.

Печатается по: Университетская площадь. 2016. №9. С. 203-205.

Александр Тихонович СМИРНОВ (1945–2003)

Старший преподаватель факультета журналистики Воронежского государственного университета, журналист.

Окончил филологический факультет ВГУ (1968). Работал заведующим отделом писем Хохольской районной газеты «За коммунистический труд» (1968–1971), внештатным корреспондентом областной молодежной газеты «Молодой коммунар» (1971).

В Воронежском государственном университете работал с 1971 года: старший лаборант кафедры советской литературы (1971–1972); преподаватель кафедры журналистики (1972–1978), препода-

вателем кафедры теории и практики журналистики филологического факультета (1978–1986); старший преподаватель кафедры теории и практики факультета журналистики (1986–2002).

Публиковался в газетах «Воронежский курьер», «Авось», «Левый берег», «Берег», «Инфа», «Новая газета в Воронеже», «Известия-Воронеж», «Газета с улицы Лизюкова», журналах «Подъем», «Акценты».

Лауреат конкурса «Золотое перо» Воронежского отделения Союза журналистов СССР.

Ведущий актер Театра миниатюр ВГУ (1963–1971), автор множества эстрадных номеров, литературных инсценировок.

Организатор (совместно с А. В. Капланом) и художественный руководитель Театра песни ВГУ (1971–1990) – лауреата нескольких союзных и международных фестивалей политической песни.

Посмертно вышли два издания книги «Александр Смирнов: Я слова рассыплю по траве...» (2004, 2015), в которой собраны некоторые публицистические и литературные произведения А. Т. Смирнова, опубликованы воспоминания о нем.

B. Кулничев

Почему я не хочу писать о Смирнове

Уважаемый редактор! Меня попросили написать для Вашей газеты материал о старшем преподавателе журфака Александре Тихоновиче Смирнове. Я долго размышлял и пришел к выводу, что выполнить просьбу не могу. Почему – постараюсь объяснить.

Дело в том, что я знаю Сашу, простите – Александра Тихоновича, уже почти тридцать четыре года. Сами понимаете, что невозможно уложить накопленную за эти годы информацию об интересующем Вас предмете на ту ничтожную газетную площадь, которую мне обозначили. Тут надо писать большой документальный роман, наполненный смехом и слезами, хохотом и аплодисментами, песнями и каламбурами, скрипом вечного пера и шелестом газет, выстрелами и завораживающей тишиной... Размениваться на мелочи не буду.

Судите сами, мне пришлось бы рассказывать об эстрадных миниатюрах студента, журналиста и «препа» Смирнова, которые долгие годы игрались университетским театром «Парадокс». А самая первая из них, написанная, кажется, в 65-м, исполнялась (если помните) в ноябре 96-го на Дне журфака ВГУ, и зал хохотал (еслипомните).

Мне пришлось бы говорить о сатирической пьесе «Требуется монарх!», созданной А. Т. Смирновым в соавторстве с Л. Е. Кройчиком, и с успехом игравшейся университетским театром не только в Воронеже. А если учесть, что первым исполнителем заглавной роли был сам А.Т. Смирнов, то мне пришлось бы поведать Вам и о специфике его актерского дарования, коему аплодировали Москва, Одесса, Вильнюс и даже Борисоглебск.

Мне пришлось бы вспомнить чудный майский вечер 1971 года, когда приехавший из Хохла на побывку завотделом районной газеты А. Т. Смирнов, читал мне (наизусть!) свои стихи, написанные по мотивам сказки «Царевна-лягушка». Чтобы объяснить весь диапазон чувств, заключенный в этих стихах – от остроироничного до сладко-грустного – понадобилась бы отдельная газетная публикация. И ведь стихи эти, положенные на музыку, тоже долгое время жили на сцене в исполнении Театра песни ВГУ.

К слову (вот видите!), мне пришлось бы рассказывать и о том, как А.Т. Смирнов совместно с А. В. Капланом создал этот самый Театр песни, объехавший города и веси не только Союза, но и ставший лауреатом Берлинского фестиваля.

Мне пришлось бы писать о Смирнове-инсценировщике, Смирнове-фельетонисте, Смирнове-рецензенте, Смирнове-экономическом обозрении

зревателе, Смирнове-балагуре, Смирнове-анекдотчике, Смирнове-мастере эпистолярного жанра – авторе «Молодого коммунара», «Инфы», «Воронежского курьера», «Вечернего Воронежа» и т.д. и т.п.

Говорят: чтобы к тебе потянулись люди, нужно стать проще. Смирнов в мелкую крошку разбивает эту твердокаменную истину. С годами он становится сложнее и дискуссионнее, но люди по-прежнему тянутся к нему. Дверной звонок его квартиры не успевает остывать. К Смирнову тянутся за советом, за идеей, за подсказкой и просто – чтобы услышать остроумный рассказ, веселый каламбур, небанальные оценки нашего журналистского дела и дум всех уровней вкупе с делами местного и федерального правительства.

У-у-ф, уже устал! От одной лишь схемы того возможного рассказа (Бог с ним, с романом!), который состоялся бы, если б Вы предоставили мне по меньшей мере номер «Нового союза».

Вот почему я не хочу и не буду писать об А. Т. Смирнове.

Есть еще одна причина моего отказа. Писать о прошедшей молодости – грустно. Вы скажете: молодость проходит, но талант остается. Это правда. Смирнов по-прежнему талантлив. И все же! Воспоминания вызывают ностальгические чувства, которые в свою очередь вызывают невидимые миру слезы, которые, как известно, застилают глаза, а это – мешает учебному процессу.

Надеюсь, Вы меня поняли.

Печатается по: Новый союз. 1998. №1.

Он слова рассыпал по траве

Александр Смирнов – актёр, режиссёр,
педагог, драматург и поэт

Александр

Мне не составило труда запомнить на всю оставшуюся жизнь точную дату и время моего первого появления в Театре миниатюр ВГУ, так как произошло это в понедельник, 15 сентября 1966 года, через четыре дня после того, как мне исполнилось 17 лет. После окончания занятий в вестибюле нашего корпуса на площади Ленина, 10 я обнаружил нарисованное на листе ватмана объявление о наборе желающих поступить в ТМ. До начала мероприятия, которое должно было состояться в актовом зале, оставалось полчаса, и я решил туда заглянуть.

Нельзя сказать, что я ничего не знал об этом коллективе. Как постоянный читатель «Молодого коммунара» знал, что театр принял участие во Всесоюзном фестивале студенческих театров миниатюр в Москве, но выступлений его увидеть не пришлось.

Народ постепенно собирался. После двухмесячной разлуки было о чем пообщаться. Все поздравляли главного режиссёра Льва Ефремовича Кройчика с рождением сына Серёжи. Лев Ефремович рассказал о спектакле, над которым собирался работать, а под конец – для разминки – несколько актёров поднялись на сцену и сыграли пару-тройку миниатюр про туповатых преподавателей и находчивых студентов. В них блистал среднего роста кудрявый блондин в довольно сильных очках. Смешон он был до колик, все впервые пришедшие на этот сбор укатывались со смеху. Несмотря на это, на следующий сбор явились не все, кое-кому изнурительные репетиции довольно быстро надоели, но я понял, что это – мое, и задержался в этом коллективе на 23 года.

Уморительного очкарика звали Александр Смирнов, он был студентом четвёртого курса филфака, и к этому времени стал не только актёром-звездой Театра, но и автором множества миниатюр.

Спектакль, который мы стали репетировать, назывался «Записные книжки Ильи Ильфа, или Край непуганых идиотов». История его создания такова. На фестивале в Москве ТМ ВГУ с треском провалился. Жюри во главе с самим Аркадием Райкиным наградило коллективы, которые «зародышевый» этап с тематикой студенческих «капустников» прошли и вышли на второй – социальную проблематику и сати-

ру. Воронежцы возвращались домой в растрёпанных чувствах, и уже в поезде возникла серьёзная дискуссия о том, как жить дальше. Одним из предложений было выдвинуто – инсценировать классиков сатиры. Главный режиссёр идею признал перспективной. У второго режиссёра, Валентина Семёнова, в руках оказалась приобретённая в Москве только что изданная книжица «Записные книжки Ильи Ильфа». Открыв её на первой попавшейся страничке, Семёнов задал весьма провокационный вопрос:

– Как можно инсценировать, например, такую фразу: «Наконец-то! КАКАШКИН сменил фамилию на Любимов»?

Сегодня уже не у кого спросить, кто из двух будущих авторов – Кройчик или Смирнов – придумал первую миниатюру в доказательство того, что Ильфа можно инсценировать. Но спектакль начинался именно с этой миниатюры. Всего было выбрано около десятка ильфовских фраз: «Приказано быть смелыми», Подносят подарки отъезжающему. Он прячет их и остается», «Глава учреждения купил картину и созвал художников, чтобы узнать ее качество». Так же не у кого спросить, кому принадлежит авторство каждой из сцен. С уверенностью могу лишь сказать, что миниатюру к фразе «В квартире, густо унавоженной бытом, сами по себе выросли фикусы» написал Смирнов. Он принёс её, когда работа над спектаклем близилась к завершению. Миниатюра стала финальной и представляла собой пародию на мещанскую свадьбу.

Премьера состоялась поздней осенью. Спектакль был принят весьма доброжелательно не только университетской публикой. В начале декабря состоялись первые после московского фестиваля гастроли в Борисоглебск, где спектакль посмотрели студенты местного педагогического института и курсанты лётного военного училища.

А потом наступила пауза. Несколько репетиций прошли впустую – в разговорах о том, что делать дальше. На одну из них Смирнов принёс листочек со сказкой, которую он сочинил. В ней принцесса некоего сказочного государства где-то потеряла честь. Стали ее разыскивать, на всякий случай обратились к принцу из соседнего государства. Тот ответил, что не видел и не брал. Честно говоря, чем всё закончилось – я сейчас не вспомню. Народ разочаровался: ну и что тут играть? Но вмешался мэтр – сам Лев Ефремович Кройчик. Вот как через много лет он описал эту историю:

«— А что? Знаете, ребята, в этой сказке что-то есть, – сказал я (а может, кто-то другой: сколько лет прошло, разве все упомнишь?). Будем думать!

Через пару дней мы с Сашей сидели у нас на кухне, пили (честное слово – только чай!) и придумывали эту самую пресловутую фабулу. Сказка была удобной формой аллегории. К тому же по экранам только-только прошли замечательные фильмы-сказки «Айболит-66», «Каин XVIII-й». В основу будущей пьесы была положена Сашина история о принцессе, потерявшей честь.

А в это время в нашей прессе как раз начали глохно писать о дочери Сталина Светлане Алилуевой, уехавшей из Советского Союза на похороны своего мужа-индуса. Да так и не вернувшейся на Родину. Это был оперативный повод. Плюс какой-никакой намек на современную жизнь. Так в пьесе появилась принцесса Жозефина, потерявшая честь и кошелек с деньгами. Но где и при каких обстоятельствах могло произойти это грустное для принцессы событие?

А был шестьдесят шестой год. И память о правлении Никиты Сергеевича Хрущева была еще жива. О его постоянных попытках что-то в нашей жизни переустроить. О его простодушии, неотделимом от упрямства и невежества.

Так была придумана история о Короле Мухамёде, прошедшем по конкурсу на трон вместо вышедшего из себя и не вернувшегося обратно короля Ботфорта XIV-го. Мы с Сашей были либералами, и поэтому король у нас появился при вполне демократических обстоятельствах – сидел себе мужик дома, смотрел телевизор, а тут новость: требуется монарх. И параметры указаны. Вот мужик с сеткой-авоськой, в которой сиротливо болталась стеклянная бутылка с кефиром, и явился во дворец. А потом во дворец явилась – тоже с улицы – королева Марго, показатели которой полностью совпадали с параметрами короля Мухаммеда. Так прежнее королевство было поделено на две части – брючников и юбочников («острый» социальный намек на имевшее место быть при Хрущеве деление страны по производственному признаку – на промышленные и сельскохозяйственные управлочные структуры).

Время поджимало. И мы договорились: каждый пишет свою часть текста. И немедленно приступаем к репетициям, не дожидаясь окончания работы над пьесой в целом. Примерно за месяц работа над первым актом была закончена, роли распределены (Саша, естественно, играл главную роль). И весной – по традиции – первого апреля – мы показали университетскому зрителю первый акт спектакля «Требуется монарх».

Историю о том, как обыкновенный человек – «от телевизора», – встав к государственному штурвалу, почти обязательно приводит свое государство к погибели.

Потому что для того, чтобы руководить страной, надо иметь не только стальную волю, но и что-то еще».

А. Смирнов в роли короля Мухамёда в спектакле «Требуется монарх»

Над вторым актом пьесы, которая писалась одновременно с репетициями, работали ещё целый год. За это время Александр Смирнов стал пятикурсником. Но в окончательной редакции спектакля роль короля Мухамёда он сыграл лишь на премьере, а в сентябре был вынужден передать эту роль вернувшемуся к тому времени с Урала Вадиму Кулиничеву. В сентябре Саша потерял возможность регулярно посещать репетиции театра.

Почему? Во время учёбы на филфаке он активно сотрудничал с редакцией «Молодого коммунара», где на него положил глаз тогдашний главный редактор, впоследствии – главред всесоюзного сатирического журнала «Крокодил» и замечательный писатель Евгений Пантелейевич Дубровин. Кроме «МК» Александр успевал сотрудничать с редакцией воронежского телевидения, где блистал Ян Шейхет, программы которого были необычайно популярны у воронежских телезрителей. Незадолго до защиты Смирновым диплома Шейхет убедил тогдашнего председателя телерадиокомитета Михаила Шишлянникова взять его на работу. В тесном помещении своей редакции Шейхет даже установил для будущего сотрудника стол.

Однако прекрасные перспективы разбились о волю всего одного человека. Все кадры воронежских СМИ в те времена контролировал заместитель заведующего отделом пропаганды обкома КПСС Георгий Федотович Струков. Он, в частности, занимался распределением выпускников филфака, пожелавших работать в журналистике. Заявки Шейхета и Дубровина он проигнорировал и – по традиции посчитал, что будущий журналист обязан пройти по всем ступенькам карьеры – с самого низа. Так Смирнов по окончании университета стал корреспондентом Хохольской районной газеты.

Нельзя сказать, что три года работы в «районке» были выброшенным из жизни Александра Смирнова временем. Здесь он приобрёл бесценный опыт профессиональной работы под руководством редактора Вадима Кордова и в содружестве с замечательным поэтом Алексеем Прасоловым.

Позже, будучи преподавателем журфака, Смирнов на протяжении многих лет читал курс тематики и проблематики сельского хозяйства. Множество студентов до сих пор с изумлением вспоминают, как можно было превратить скучнейшую, на первый взгляд, тему в увлекательное повествование.

Вот то, что на сегодняшнем профессиональном языке называют лицом, в очерке Александра Смирнова «Гектары самостоятельности», опубликованном в 1968 году в «Молодом коммунаре»:

«Очки директора школы победно сияли. Семен Дмитриевич Киселев не скрывал своего педагогического счастья. А трактор возвышался в центре общего ликования и был дряхл, как старая лошадь. Казалось, дунь донской весенний ветер посильнее, и все сложное сочетание гаек, болтов, шурупов, коробки передач, не охнув, рассыплется по сырой земле...

Семь сезонов отпахал трактор на полях колхоза «Тихий Дон». Семь весенне-осенних сезонов, да и зимой работу прихватывал. Вполне мог уйти на заслуженную техническую «пенсию». Но...

– Ничего, – говорил директор, аккуратно поглаживая бока металлического «коняги». – Ничего, дорогие мои ребята, старый конь борозды не испортит.

А дорогие его ребята влюбленно смотрели то на директора, то на трактор...

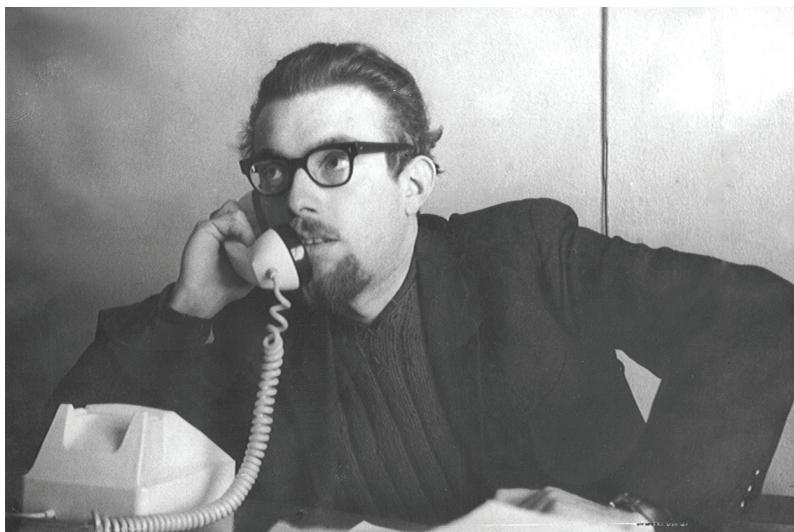
В этот день школьный радиоузел вещал охрипшим от радости голосом».

Через много лет, в 2000-м году, когда слава поэта Алексея Прасолова стала общепризнанной, Смирнов опубликовал в «Воронежском

курьеरе» воспоминания о нём. И над этим текстом, безусловно, следовало бы кропотливо, по словечку поработать со студентами:

«Что мне запомнилось внешне? Его открытая улыбка. И почему-то костюм. Старенький, в мелкую клетку. Отутюженный, очень аккуратно подштопанный. И Прасолов – энергичный такой мужик, азартно жестикулирующий во время разговора, словно подтверждающий свое слово жестом. Весь в смехе. Круглолицый. Потом, уже позже, разглядя дюжий лоб козырьком. Так и казалось, когда наклонял свою лобастую голову, будто козырек на глаза надвигает. И, конечно же, неизменный его берет».

Рабочий посёлок Хохол – административный центр Хохольского района – располагается в сорока километрах от Воронежа. Пять дней в неделю Александр проводил здесь, по Высоцкому – «ангажируя угол у тёти». А на выходные возвращался домой, в Воронеж, к родной тёте. И здесь в нашем повествовании следует вернуться во времени на много лет назад.

A. Смирнов – корреспондент районной газеты

Санька

Он родился за полтора месяца до Победы в почти полностью разрушенном Воронеже. Папе, подполковнику Советской армии, досталось роскошное – по тем временам – жильё: целых две комнаты в

коммуналке всего на две семьи. Ни ванны, ни душа, ни горячей воды, конечно, не было, только холодная – в пятиметровой кухоньке. Зато – в самом центре города, на проспекте Революции. В ней Александр Тихонович Смирнов и прожил всю жизнь.

Его послевоенное детство было осложнено трагическими обстоятельствами. В 1950 году в возрасте 48 лет ушел из жизни отец, Тихон Сергеевич. А в 1958-м – после тяжёлой болезни – мама, Маргарита Михайловна. В тринадцать лет Санька и его старшая сестра Гая остались круглыми сиротами.

«Когда мама умирала, – рассказал Смирнов в интервью «Воронежскому курьеру», – приехали тетки из Москвы и говорят маме: «Рита, что ты думаешь, нам Сашу в Москву забирать или, может быть, в суворовское отдать?». Мама была уже совсем больна, но держалась исключительно мужественно. Она произнесла только одну фразу: «Пусть он будет, как все». Она не хотела, чтобы меня баловали, и поэтому я пошел туда, где добрая третья была таких же, как я – без пап, без мам, – в суворовское училище.

Одна тётка забрала с собой в Гомель Галю, а другая – воронежская тётя Лида, у которой своей семьи не было – поселилась в той самой роскошной квартире, куда Санька заявлялся в увольнительную из суворовского училища, и – по выходным дням – из Хохла. Когда в 1976 году Смирнов наконец-то собрался жениться, приехала Гая и забрала к себе в Гомель сильно постаревшую тётушку.

Признаться, что-либо сказать о влиянии тётушки на воспитание Александра не могу. Зато твёрдо уверен, что характер его ковался в кадетской среде. Утвердить себя в таком коллективе субтильному очкарику было ой как непросто. С физкультурой, конечно, была напряжёнка, но послабления себе никогда не выклянчивал. Авторитет зарабатывал интеллектом: очень быстро стал своим человеком в курсантской библиотеке – её основа сохранилась ещё с дореволюционного кадетского корпуса – за начитанность его одноклассники вскоре зауважали. А уж когда сочинил очерк об отце своего товарища, послал его в «Молодой коммунар», а в ответ получил письмо с приглашением зайти в редакцию, во взводе на него, как сам рассказывал, стали смотреть как на братьев Гонкур!

Так ещё до поступления на филфак ВГУ Александр стал завсегдатаем в «Коммунаре». Окончив училище, пошел на филфак, сдал экзамены и стал студентом.

До последних своих дней Смирнов с гордостью вспоминал о своих кадетских годах, о друзьях-суворовцах. Большинство из них стали

офицерами, и когда по юбилейным датам они собирались в Воронеж, то обязательно встречались в его сиротской квартире.

Однако не все одноклассники выбрали военную профессию. Олега Киселева, самого закадычного друга Александра и его Театр пластической импровизации, знал весь советский театральный андеграунд. В любой театральной компании фамилия Киселева была как пароль. Стоило ее произнести, как мгновенно исчезали барьеры в общении.

Алик Морозов долгие годы был правой рукой модельера Вячеслава Зайцева. Известный ныне киноактер Александр Пашутин – тоже курсант последнего выпуска Воронежского суворовского училища.

Надо думать, что именно здесь сформировались основные качества характера Александра Тихоновича Смирнова. Профессор-математик, а по совместительству – композитор и актер Театра песни ВГУ Карнелий Чернышов в своих воспоминаниях так эти качества сформулировал: «Яркими чертами штучной самобытной личности А.Т. были отменный вкус, чутье на правду, бодрствующая совесть, чувство справедливости и смелость. А еще чувство меры, точнее, тяга к соразмерности, гармонии».

Александр Тихонович

Честно отработав в «районке» положенные по закону три года, Смирнов возвращается в Воронеж. За это время здесь многое поменялось. Уехал в Москву на работу в «Крокодил» Дубровин. Ян Шейхет попал в опалу за то, что поздравил телеграммой с 50-летием Александра Солженицына. За это его отлучили от эфира, а вскоре вообще уволили, и он уехал к отцу в Киев. Не стану додумывать, почему Георгий Федотович Струков не посчитал нужным принять участие в дальнейшей судьбе Александра, а идти к начальнику на поклон было ниже достоинства бывшего суворовца. Судьбу его коренным образом определил первый заведующий недавно созданной кафедры журналистики Борис Владимирович Кривенко. В эти годы стало активно развиваться отделение журналистики филологического факультета – единственное на тот момент место, куда не дотянулась твёрдая рука Струкова. В 1968 году состоялся первый набор «очников». На кафедре открывались новые вакансии на преподавательские места, и их Кривенко стал предлагать молодым талантливым журналистам – Льву Кройчику, Вадиму Куличевичу. В 1972 году к ним прибавился Александр Тихонович Смирнов. Как оказалось, на все оставшиеся тридцать лет его жизни.

А вот в Театр миниатюр, несмотря на открывшуюся возможность, Смирнов не вернулся, ибо его увлекла идея создания собственного

театра. Первый источник идеи появился во время подготовки спектакля к московскому фестивалю. В «Университетской весне» с большим успехом выступил вокальный ансамбль математического факультета. Лев Ефремович сделал его руководителю Анатолию Каплану предложение, от которого тот не мог отказаться: принять участие в спектакле и поехать с ним в Москву, на фестиваль. Это позволило познакомиться, а потом и подружиться Смирнову и Каплану. Второй источник произошёл на самом фестивале, где вне конкурса выступил курс Ленинградского государственного института театра, музыки и кино под художественным руководством главного режиссёра Ленинградского большого драматического театра Георгия Александровича Товстоногова. Учебный спектакль, который придумали студенты, назывался «Зримая песня». Каждую из выбранных ими песен они не просто спели, но сыграли маленький спектакль. Студенческая работа произвела впечатление. В декабре 1971 года состоялось первое выступление Театра песни ВГУ, художественным руководителем которого стал Александр Смирнов, а музыкальным руководителем – Анатолий Каплан.

A. Смирнов в программе «Песни И. О. Дунаевского»

Первой работой новоиспечённого театра стал спектакль «Человек, у которого была мечта», в его основу была положена только что изданная книга советского журналиста-известинца Станислава Кондрашова «Жизнь и смерть Мартина Лютера Кинга» и спиричуэлс – духовные песни афроамериканцев-протестантов. Джазовое многоголосие спиричуэлс было воспринято зрителями с восторгом, а история погибше-

го в борьбе за равноправие негритянского населения Америки героя – с большим сочувствием.

Следующей постановкой Смирнова-режиссёра в Театре песни стал «Политглубок» – спектакль, в котором были объединены отрывки из произведений Андрея Платонова, Исаака Бабеля, песни времён Гражданской войны, а также композиции, написанные Анатолием Капланом и Карнелием Чернышовым на стихи революционных поэтов.

Работа в новом коллективе воодушевила Александра Тихоновича. Он буквально фонтанировал, предлагая всё новые сценарии. При этом, однако, испытывал внутреннее сопротивление как некоторых членов коллектива, так и самого музыкального руководителя. Они считали театрализацию излишней: к чему нужны дополнительные труды, когда публика и без того с восторгом принимала тематические концерты – «Песни И. О. Дунаевского», «Песни военных лет». А Смирнов мечтал о полноценном мюзикле, начал работу над сказкой «Царевна-лягушка», написав с десяток текстов песен персонажей будущей сказки. Каплану тексты понравились, он очень быстро написал к ним музыку и тут же принял участие в репетировании. Вскоре на очередном концерте была объявлена предстоящая премьера, и все эти песни были исполнены. После этого работа над сказкой затормозилась, а потом и вовсе остановилась.

Пиком популярности коллектива стало приглашение в феврале 1976 года принять участие в весьма известном во всём мире берлинском фестивале политической песни. Это был единственный для Смирнова выезд за границу. Театр песни ВГУ выступил на фестивале с большим успехом: из сорока четырёх коллективов, принявших участие в фестивале, лишь шестнадцать выступили в заключительном концерте, и только девяти из них было предложено турне по городам Германской Демократической Республики. По итогам фестиваля в Берлине была выпущена пластинка, на которой записана песня из кинофильма «Белорусский вокзал» в исполнении ТП. Плюс – комплимент от писателя-фронтовика Константина Симонова, магнитозаписи прозвучали по Берлинскому, Пражскому, Парижскому радио, Центральное телевидение СССР пригласило театр для участия в новой передаче.

А уже через год – новое приглашение принять участие в фестивале политической песни в Чехословакии. Тут и произошёл конфликт, повлиявший на развод худрука и творческого коллектива. В послании из ЦК ВЛКСМ было строго определено количество актёров театра, которые могут поехать на фестиваль. Таким образом, коллектив вынужден

был разделиться на «выездных» и «невыездных». Чувство справедливости Смирнова не позволило ему смолчать: или едут все, или – никто! Со своей позицией он остался в одиночестве и тогда объявил, что ехать отказывается. Театр песни стал главным представителем СССР на фестивалях политической песни, с 1976 по 1985 годы побывал в Болгарии и ещё раз в ГДР, а также проехал по Советскому Союзу от Риги до Хабаровска, собрал все возможные призы и дипломы, но – по большому счёту – театром так и не стал.

Александру Тихоновичу всё это было уже не интересно. Его режиссёрская деятельность на этом завершилась. А что же можно рассказать о Смирнове-педагоге? Фраза о том, что талантливый человек талантлив во всём, стала банальностью, но от этого не перестала быть истиной. Тем более что, на мой взгляд, самые талантливые педагоги всегда немножко, а порой – очень даже актёры. Поначалу можно было сделать скидку на то, что большинство студентов были не намного моложе своего преподавателя, а заочники – порой и постарше. Поэтому легко находили общий язык. Но время шло, а авторитет Смирнова в среде студентов рос. В 90-е годы, когда вошло в моду проводить опросы студентов, Александра Тихоновича неизменно называли в числе лучших преподавателей факультета.

За что его любили студенты? К тому, что сформулировал Карнелий Чернышов, необходимо прибавить широту кругозора, выдающееся чувство юмора, которое содержало не только тонкую иронию, но и

– что случается реже – самоиронию. А также, конечно же, блестящее владение родным языком – результат большой начитанности.

Ещё одно очень привлекательное качество Смирнова: он был блестящим импровизатором. Это качество в любой компании делало его центром притяжения. Он буквально купался в окружающем восторге и обожании. На разных празднованиях и посиделках в обоих театрах ВГУ и на факультете проблемы тамады или ведущего не существовало, если там присутствовал Александр Тихонович. Отблески его импровизаций сохранились в стихах или миниатюрах, оставшихся в архивах.

А. Т. Смирнов, В. В. Тулупов, П. И. Новиков

В 90-е годы, когда зарплата преподавательского состава в вузах превратилась в нищенскую, и ту платили нерегулярно, надо было как-то выживать. К счастью, это были годы бурного роста региональной печати, в Воронеже появилось множество газет. Смирнов стал сотрудничать. В «Воронежском курьере» каждую неделю печатались фельетоны «Пятничные истории Тихоныча». Публиковался в газетах «Авось», «Левый берег», «Берег», «Инфа», региональных выпусках «Новой газеты» и «Известий», «Газете с улицы Лизюкова», журналах «Подъем», «Акценты». Это десятилетие стало вершиной творчества Смирнова-публициста. Целый ряд блестящих очерков вышли в «Воронежском курьере» и «Инфе», больше двух лет в еженедельном режиме печатались обзоры передач воронежских телеканалов в региональном выпуске «Известий».

В середине 80-х годов развалилась семья Смирновых. Жена Ирина потребовала развода и уехала с сыном Сашкой в Москву. Александр Тихонович пребывал в депрессии, и я, чтобы как-то отвлечь его от тяжёлых раздумий, зазвал с собой на рыбалку – на Хопёр.

Место было «прикормленное» – за год до того в его поисках мы с моими друзьями-рыбаками набрали на «табор» – так его жители, пенсионеры со станции Новохопёрск, называли обустроенный ими летний лагерь. В апреле каждого года они заезжали сюда, привозили на грузовиках деревянные лодки и металлические печки, ставили на помостах палатки и жили здесь до поздней осени. Этот табор можно было назвать ещё и дачным посёлком: достаточно было проехать две остановки на электричке, пройти полтора километра по лесу – и ты в таборе. Испортилась погода, перестала клевать рыба или пришла пора похлопотать в доме по хозяйству – проделал тот же путь в обратную – и ты дома.

Мы приехали туда втроём: я, Александр и мой десятилетний сын Стас. Я уже был тесно знаком с жителями табора. Смирнов перезнакомился с большинством из них в первый же день, они вместе обсуждали проблемы сельскохозяйственного производства, а также международных отношений. А поскольку рыбная ловля не была его увлечением, они со Стасом бродили по лесу, дышали свежим воздухом в то время, когда я обеспечивал их рыбной продукцией. По вечерам, после ужина, мы общались, сидя за столом при свете керосиновой лампы. Ребёнок мой в то время был человеком привередливым в еде, а вследствие этого – с выступающими рёбрами и ключицами, в связи с чем периодически возникали дискуссии о необходимости жрать что дают. Уже во второй вечер, в ходе очередной дискуссии, Смирнов внезапно пресёк её, начав рассказывать сказку о комаре Коле, который попытался укусить мальчика Стасика, но сломал свой нос о выступающие из него кости. Это была чистой воды импровизация. На следующий вечер подрастающее поколение потребовало продолжения истории. Господи, ну почему в то время не было ещё у меня диктофона, и даже блокнотика никакого под рукой не оказалось! А в памяти всего-то и осталось от этого блестящего художественного произведения, что этот зacin...

И ещё одного проступка не могу себе простить. В сентябре 1989 года я достаточно неожиданно для себя угодил в загранкомандировку – почти как у Высоцкого. В течение двух лет я обучал русскому языку студентов Высшего технического института кампучийско-советской дружбы в столице Государства Камбоджа Пном-Пене. Перед отъездом

сумел вызволить лучших своих друзей – Сашу Смирнова и Вадика Кулиничева, которые в это время в одном из колхозов возглавляли отряд студентов-журналистов на уборке картошки. Они успели выскочить из колхоза, чтобы меня проводить. На прощанье Смирнов сказал: – Пиши. Я ответчик исправный, отвечать буду на каждое твоё письмо.

Слово своё он сдержал. А я для себя открыл Смирнова как мастера эпистолярного жанра. В Пном-Пене уже через месяц, наполненный новейшими впечатлениями, во мне постепенно стали проявляться элементы ностальгии – вот уж о чём до того я только в книжках читал. Я-то кинулся делиться своими впечатлениями в первую же неделю, но первых писем дождался только через месяц. За исключением одного. Первое послание было от Смирнова – через две недели. Позже были и рекорды – через неделю.

В его письмах присутствовали не только дорогие мне житейские подробности. В каждом из них рисовалась картина последних лет существования нашей страны – СССР. Когда случались недели без писем от других родственников и друзей, я доставал и перечитывал письма Тихоныча, как газеты.

А когда пришла пора возвращаться, совершил я непоправимую, как сейчас вижу ошибку: все письма, полученные мной за два года пребывания в Камбодже, я уничтожил. Подумал – зачем их хранить, когда буду со всеми ними общаться вживую. И вот – вернулся я, живу, а их давно уже нет: мамы, папы, Вадика, Саши… И нет возможности покопаться в архиве, достать и перечесть. Вот такая глупость…

Через год после ухода Александра мы собрали и издали на факультете небольшим тиражом книжку, в которую вошли воспоминания о нём, а также некоторые его материалы, опубликованные в разных изданиях, студенческие миниатюры, стихи. В записных книжках обнаружили четверостишие:

Я слова рассыплю по траве.

Голуби склюют их на заре.

Сизари мои вы, сизари,

Лишь бы мне дождить до той зари.

Первую строчку решили сделать заглавием этой книжки.

В нынешнем году исполнилось 20 лет с тех пор, как нет с нами Саньки, Саши, Александра Тихоновича – весёлого, умного, талантливого человека. Все эти годы нам было без него скучно. Он рассыпал перед нами горстями изящные, ироничные, мудрые слова, а мы – его близкие – как глупые птицы, что-то поклевали, а многое – растеряли. Обидно.

Визбор: имя собственное

Когда вспоминаешь на публике об ушедшем человеке, тем более о человеке известном, недюжинном, о человеке, с которым был в определенной мере знаком, - невольно начинаешь конфузиться. И на ум приходит фраза из «Записных книжек» Ильфа. Там что-то такое насчет фотографий из семейного альбома. С надписями «Я - на фоне Акрополя»; «Я - на фоне египетских пирамид».

Будешь писать искренне, а прочитается: «Я - на фоне Визбора».

Не думайте так, пожалуйста!

ВСЕ в мире относительно.

Мы сидим на кухне у Визборов. В их тогдашней новой кооперативной квартире. Она невелика и уютна. Сейчас Визборов в наличие трое. Сам Юра, его жена Женя и их малая дочь Анна детсадовских лет.

Время «действия» – поздняя осень 1973 года.

Женя кормит нас ужином. На ужин – котлеты с картофельным пюре. По моему разумению – котлеты не только вкусные, но и большие. Я еле со своейправляюсь. Но приученный с детства к ритму ка-зарменной столовой, ем в темпе. Визбор вкушает степенно, несуетно.

– Женя, – обращается Юра к супруге, мельком взглянув на мою тарелку, – положи ему еще котлету.

Я категорически отказываюсь,

– Котлета мала! – голосом человека, читающего вслух азбуку, произносит Визбор.

На его фоне котлета, действительно, мала. На моем – громадна. Даже недоеденная.

Визбор – витязь. Широкоплечий блондин, в свитере кольчужной вязки. У него улыбка, которая может остановить танк, мчащийся на встречу. Воочию – обезоруживающая улыбка.

Спустя годы, когда Юры не стало, увидев его иной раз на телевидении, я напряженно соображал: на кого он для меня похож внешне? И как-то раз озарило: на Аркадия Гайдара! Похож крупным открытым лбом, сбитостью фигуры, а, главное, выражением глаз с таинственной и веселой мудростью. Будто Аркадий Петрович и Юрий Иозасович знали о жизни то, о чем мы с вами не догадывались. И оба были отчаянными путешественниками и костровыми людьми.

И еще похожи тем, что была у Визбора – своя судьба барабанщика. Однажды в конце тридцатых люди с «кубиками» на малиновых

петлицах увели навсегда из дома его отца, Иозаса Ионасовича, по-московски – Иосифа Ивановича.

* * *

Что это я о какой-то прозе, о котлетах завспоминал?

Но, с другой стороны, должен хоть кто-то вспомнить и о Визборе «одомашненном»? О Визборе – среди стен своей квартиры, где у него, наверное, впервые в жизни был свой отдельный рабочий кабинет? «Порт приписки» его кочевой жизни.

* * *

Всесоюзная слава Юры в ту самую ноябрьскую пору 1973 ходила уже вовсю за ним по пятам, и даже впереди его. Я сам это на улице наблюдал. Шагал с ним рядом по Садовому, и вдруг люди, шедшие впереди, начали дружно оглядываться на него. Словно слава Визбора похлопала их дружески по плечу.

Уже в середине шестидесятых не знать песен Юры в студенческих кругах считалось немыслимым явлением.

*Лыжи у печки стоят,
Гаснет закат за горой,
Месяц кончается март,
Скоро нам ехать домой.*

Пелась и масса других визборовских песен. Но для Юрия это было всего лишь популярностью.

К описываемым нами временам он успел сняться в картинах одних из самых уважаемых у интеллигенции режиссеров: у Марлена Хуциева в фильме «Июльский дождь», у Ларисы Шепитько в ленте «Ты и я».

Визбор играл в кино как бы свой персональный человеческий образ. Обаятельный, умный мужчина, сама надежность! С гитарой в руках и с курительной трубкой на отлете ото рта. Прост, раскован, как и в жизни. Тем и был хорош, тем запоминался.

Но для Юрия Ионасовича это оборачивалось только известностью.

Общенародная же слава рухнула на широкие плечи Визбора лишь после «Семнадцати мгновений весны». Рейхсфюрер Борман на экране не пел под гитару, не курил трубку и ходил несколько зловеще загадочным. Словом, должен был нести по идее роли отрицательное обаяние. Но народ эти нюансы про это «отрицательное обаяние» проронил. Тем паче уже в те поры в том же народе ходила глухая молва, что Борман работал «Штирицем». Но рангом повыше. Таким образом, Визбор-Борман воспринимался от Бреста до Камчатки «своим парнем в доску». Наш человек!

Насчет же этой самой славы Визбор не только смущенно крутил головой и добродушно подсмеивался над ней, но однажды при разговоре в домашнем кабинете крупно высказался в адрес финансистов фильма, оказавшихся сверхскаредными на гонорарах съемки. Визбор получил какие-то оскорбительно крохотные деньги. Я все-таки невежливо высрашивал у него – какие именно? Он назвал сумму, которую невозможно было запомнить из-за ее копеечности. Цифра тут же растворяла в памяти.

* * *

Боже мой! Да при воспоминаниях о тогдашних унижениях и поношениях талантов и личностей сегодняшнее беспутство наших дней за блаженство принять можно! И не в деньгах тут только дело. Ведь сольные концерты Визбора, Кима, Высоцкого проходили, как съезды РСДРП – в обстановке строжайшей, батенька, архижесточайшей конспирации, голубчик!» Чуть что – отоварят тебя письмами в партком, в профком, «на деревню дедушке». И отоварит та же партия, мыкавшаяся сама когда-то в Бутырках. В том числе за пение песни «Смело, товарищи, в ногу!»

Что партия! «Культурные люди» поджимали губы: «Знаете ли, что-то есть неэтичное в том, чтобы брать деньги за духовное. Тут или дух, или золото! Вот говорят, Визбор на Домбае на свой же концерт билеты продавал...»

Н-да, много на себе Визбор «заработал»! Чтобы, прожив чуть более пятидесяти, рухнуть в одночасье. Попробуйте накопить себе на долго, когда в четыре года у тебя отца вытаскивают из дома. И мама при этом кричит истошным голосом в ночи...

После сольного концерта Визбор выходил за кулисы, как из литейного цеха. У него было лицо сверхусталого человека и отсутствующие глаза.

* * *

– Юлик Ким – самый замечательный среди нас, – говорит Визбор, блаженно жмурясь от дыма трубки, которой попыхивает, сидя за рабочим столом. – Он и поэт, и мелодист – уникальный. А в афишах и в программках – «Ю. Михаилов, Ю. Михайлов»! Бред! Но спасибо хоть так... «Спасибо» было озвучено Юрой соответствующим тоном.

* * *

Все относительно. Я любил и люблю до сей поры особенно одну из его песен. Вовсе неприметную среди других визборовских.

Купил журнал «Кругозор». Дело было двадцать шесть лет тому назад. И происходило на душе тогда что-то такое скверное и серое.

Пришел домой, поставил на проигрыватель типа «дрофа» гибкую синюю пластинку из «Кругозора», и запела она приятным неповторимым баритоном песенного репортера Юрия Визбора:

*Дорог на свете много,
Но выше - не найдешь
От города Хорога
В далекий город Ош.*
* * *

– Не расстраивайся! – утешает меня Визбор, узнав, что с его концертами в Воронеже, в университете, о которых я хлопочу, ничего не получается. – Переживем!

Пережили, дорогой Юра! Но куда же запропастился тот давний звуковой журнал с твоей песней? Мне ее нынче послушать вовсе не мешало бы!

Печатается по: Инфа. 1994.

Тень Мастера Записки из-под кресла

...Мы сидели за кухонным столом на Ленинском проспекте и мирно завтракали, когда позвонил телефон. Мы – это Наташа Сайко, ее супруг Никита и я, остановившийся у них в гостях. Наталья удалилась с телефонной трубкой в глубину квартиры, благо позволяли шнур и квартира, и через некоторое время вошла на кухню энергичная и целеустремленная:

– Вернулся Любимов из Праги! – оповестила она нас. – Сегодня ведет дневную репетицию. Я помчалась!

... На Таганке ставили «Гамлета». Вчера, выклянчив у Натальи «милостыни», я ходил с ней на утреннюю репетицию. То, что я там увидел, удивило меня до печали. Под вялые команды Глаголина и Высоцкого по сцене блондились актеры, занятые в постановке. (Определение «блондиться» когда-то подарил мне замечательный воронежский актер и душа-человек Валерий Блинov. «Блондиться» означало делать все через силу, кое-как, отрабатывать номер и тому подобное). Так вот, тогда на сцене Таганки все блондились. Высоцкий, судя по всему, старший по команде в отсутствии Ю. П. Любимова, сидел в первом ряду партера, вольно положив вытянутые ноги на край ящика с песком. Ящик был приткнут к авансцене. Он изображал последнее пристанище бедного Йорика, т.е. являлся как бы фрагментом кладбища. Рядом с этим самым ящиком напротив Высоцкого сидел на полу Могильщик – Джабраилов – и неспешно переговаривался с Владимиром. Некрасивый до обаяния Раф Джабраилов лениво ковырялся лопатой в песке и томно посмеивался над неслышными мне репликами Высоцкого. (Я пристроился наблюдать репетицию в самом дальнем углу партера, куда «воткнула» меня Наталья). По залу ходили какие-то люди с еще более посторонними, чем у меня, лицами. Я успел заметить, что в фoyer сама по себе разминается «бродячая труппа комедиантов» во главе с Викторией Радунской. Чувствовалось отчетливо, что в доме отсутствует Хозяин.

Но ведь это были те самые актеры, от которых я какой-уже день пребывал в угаре, посмотрев «Галилея», «Десять дней, которые потрясли мир», «Пугачёва». Высоцкий-Галилей, по-пушкински невысокий, ловкий, спортивный, по сцене ходит по-кошачьи изящно, а в экспозиции «Галилея» закладывает такую стойку на стуле, что в зале дух перехва-

тывало. Не говоря уже о магнетизме голоса, от первых раскатов которого зрителя отбрасывало на спинки кресел, как от перегрузок.

А «Десять дней»!.. С которых меня чуть было не выперли из зала. Когда Керенский-Высоцкий, заложив «по-наполеоновски» щепоть пальцев за борт ширинки, делал строевой смотр «ударному женскому батальону смерти», и батальон так тянулся, так старался, что с него, словно по команде, падали разом форменные брюки, я так дико захотал, что спровоцировал обвальный хохот всего зрительного зала.

Рядом со мной сидела суровая молодая пара. Овец и овца. Наверное, они долго терпели мое присутствие рядом с собой. Но тут после пароксизма хохота Овец наклонился к моему уху и строго спросил:

— Где вы находитесь?

— В театре! — не без вызова ответил я, утирая платком искренние слезы.

Тогда Овец не поленился и позвал билетершу. Билетерши на Таганке, как и вахтерши, говорят, лично подбирались Юрием Петровичем из бывших работниц ансамбля НКВД, где когда-то Любимов в молодости проходил срочную службу. Эти суровые тетушки дисциплину знали и порядок блюли. А иначе бы фанаты Театра на Таганке от обожания весь театр разнесли бы. Билетерша вывела меня в фойе, обнюхала резво, посмотрела мой билет и кратко пояснила, где я окажусь после второй жалобы соседей по ряду. Развяснить я ничего не стал: шел спектакль, и уходили его драгоценные минуты.

В «Пугачёве» Высоцкий, как известно, играл роль Хлопушки. Так получилось, что я видел эту работу раз пять-шесть подряд. Дело в том, что мой товарищ Олег Киселев тоже был участником этого завораживающего зрелища, где главным закоперщиком происходящего на сцене был, конечно же, Владимир. В своем знаменитом монологе Хлопуша-Высоцкий рвался к воображаемому Пугачёву, тесня ряды дюжих охранников «ампиратыря-батюшки». Охранники (самые мускулистые и крепкие ребята с Таганки, в их числе и мой друг) сдерживали его порыв, натянув на пути железную цепь, как для зверя.

Я, открыв рот, видел и с пятого, и с десятого, и с пятнадцатого ряда, каких усилий стоило натренированным актерам удерживать рвущегося вперед Владимира. Цепь крепко впилась в его обнаженное тело, «охранники», будучи босыми, скользили пятками по деревянному полу, сработанному наподобие основания плахи, которую венчала громадная колода со вбитым в нее топором. Так что можно было понять, что Хлопуша рвется к собственной смерти. И этот нечеловеческий придушенный хрип-стон:

Проведите, проведите меня к нему,

Я хочу видеть этого человека!..

Тут, как говорится, слабонервных просят выйти. Но можно ли было отказаться от возможности посмотреть Владимира и его товарищей еще и еще раз? Мне бы потом в Воронеже друзья такого не простили. Вот я и заставлял безотказного Киселева то и дело обращаться к главному администрации с просьбой о билетике. Впрочем, «Пугачева» чаще давали в дневное время, когда дефицит на театральное место был поменьше. На обратной стороне билета стоял штампик: «Для школьников старших классов». Но каждый раз в зале я сидел среди очень пожилых «старшеклассников». Вся Россия рвалась на Таганку, чтобы увидеть ее.

Нынче же сравнение репетиции и спектаклей оказалось в пользу разочарования. Кумиры мои откровенно филонили и атмосфера зала, настроенная на необыкновенно смелых по форме и содержанию (для меня сверхнеобыкновенных) их представлениях, была просто-напросто пыльной. И на все на это с олимпийским равнодушием взирала, стоя в правой от зала кулисе, Гертруда – Алла Сергеевна Демидова.

Тень работы...

Но приехал Любимов!

Что я говорил Наталье, как говорил, право слово, не помню. В конце концов Сайко согласилась «протащить» меня на репетицию с Шефом:

– Только если на вахте дежурит тётечка, которая меня любит. А если нет...

Уже в метро от вида молчаливой и отрешенной Натальи я начал выбиривать. Но мне повезло. «Любящая» тётечка, действительно, дежурила, но на уговоры Натальи пошла не сразу. Волнение мое нарастало и начинало походить на трусость. Так что Наташины слова дошли до меня, как через дверь:

– Что ты стоишь? Давай, дуй на балкон! Сядь там и затаись. Не дай бог, Он заметит!

Наталья исчезла. Я побрел куда-то на ватных ногах. Когда мимо меня промчался рысью рабочий сцены со стремянкой в руках, я окончательно «дошел», поняв, что ОН уже в театре! И этот ОН шел навстречу мне. Мельком взглянув на меня (а я от страха изобразил из себя стенку. И зачем-то, идиот, кивнул!), Мастер прошел мимо. Но я его увидел воочию!

Он был похож и непохож на собственную фотографию, висевшую в фойе. Свободная куртка, сорочка без галстука. И лицо! Лицо стареющей вельможной дамы. Чего со страху не покажется.

Кое-как я нашел дорогу на балкон и пристроился там в полусумерках.

Была освещена только авансцена. На столе, стоящем в партере перед Мастером, горела лампа под зеленым колпаком. Лампа отбрасывала огромную тень от головы Ю.П. на правую стенку зала. Тень показалась мне торжественной.

Работа шла стремительно. На сцене были другие люди. Не вчерашние. А из «Галилея», «Пугачёва», «Десяти дней».

Репетировали сцену безумия Офелии. Офелия – Наталья Сайко. Любимов был недоволен Офелией: она пятилась не так, как надо, не так наталкивалась на ящики, игравшие роль гробов. При этом она не так вскрикивала, как слышалось ЕМУ.

Их реплики.

Он: Наташа, вы знаете, как это бывает у сумасшедших?

Она (довольно на мой взгляд дерзким голосом): Не знаю!

Он: А кто это должен знать? Почему вы вскрикиваете, ударяясь о гроб?

Офелия (голосом Натальи): Потому что больно! У меня уже все нога синяя.

Он (мягко, но патетично): Сумасшедшие не чувствуют боли, Наташенька! Поэтому не взвизгивайте. Терпите!

«Наташенька» что-то пробурчала себе под нос, не слышное мне на балконе...

Почему я пишу об интонациях? Да потому, что сидел в кресле, боясь высунуть голову над бруствером балкона. И видел только ТЕНЬ МАСТЕРА. В работе с Натальей Тень была добродушной.

Но все изменилось, когда появился Лаэрт-Золотухин. Не знаю, что было там «внутри» его, но в тот день Золотухин выглядел грустным и еле ходил. Наталью отпустили на отдых, а Лаэрт был взят в оборот. Это следовало видеть и слышать. А слышал я – Мастера, а видел я – бледное лицо Валерия, стоявшего на авансцене солдатиком. Тень грозно металась по сцене, и nimб света вокруг нее трепетал.

Золотухину было рассказано всё, в том числе и о судьбе зарвавшегося актера. Валерий в ответ молчал.

И надо же было случиться такому, но вдруг резко распахнулась дальняя от меня дверь балкона и через нее шумно ввалилась какая-то ватага. Я на всякий случай сел на пол между рядов. И правильно сделал.

Мастер, видимо, там, внизу, развернулся лицом к вошедшем и пронзил их зычным криком:

– Что это? Кто это?

– Мы из института культуры, – вальяжно ответили ему голоса сверху.

– Не знаю такого института! В стране, где нет культуры, не может быть такого института. Кто разрешил войти?!

– Управление культуры, – уже робче ответили ему голоса.

– Если нет культуры, нет и управления! – громогласно возвестил Мастер. – Кто дежурит на служебном? Разобраться и наказать! Где Николай Лукьянович?

– У нас практические, – ниже травы прошелестело с галерки.

– Вон отсюда! – громыхнул Мастер.

Компания на цыпочках удалилась тем же макаром, что и пришла. Мастер догромыхивал, как уходящая гроза:

– Это же надо – «культура»! И откуда они такие слова-то знают?..

А я сидел буквально под креслами, счастливый. Молния ударила рядом, но не попала. И, вообще, Ю.П. работал так, что, наверное, его пот и пот его актеров концентрировался на потолке зала и падал вниз тяжелыми каплями. Тень негодовала, штила, встряхивала гривой, грозила и опять хохотала...

В конце репетиции за кулисами что-то упало и грохнуло.

– В чем дело?! – присочиненно грозным голосом поинтересовался ОН. – Немедленно уволю! И не посмотрю на ваши советские профсоюзы.

Присутствующие на репетиции с удовольствием засмеялись. Конечно, они очень соскучились по Мастеру. А он по ним. Эти умные, прекрасные ребята ясно понимали всё: наигрыш громовых тирад Шефа и искренность некоторых обидных для них его реплик. И, конечно же, они понимали главное: репетиции с ними вела их судьба.

...Дверь неподалеку от меня распахнулась. Я, было успокоившийся на галерке, вздрогнул и приготовился снова затаиться между кресел.

– Где ты там? Со света не разберу, – зашептал Натальин голос. – Вылезай, пойдем в буфет, пока народу мало.

Ей было видней. Мы пошли...

Гамлета я посмотрю года через три. И не раз, и не два. Но о том, каков был «Гамлет», столько написано-переписано, что и говорить не приходится. Лишнее это все.

1971-2001 гг.

Печатается по: Воронежский курьер. 2001.

Светлана Владимировна ЯНЦ (1933-2023)

Директор зональной научной библиотеки ВГУ (1968-2006), заслуженный работник культуры РФ, почетный работник высшего образования РФ.

Автор более 100 работ по проблемам развития вузовских библиотек, культуре библиотечного труда, внедрению новых информационных технологий в библиотечное дело. Составитель и редактор многих библиографических пособий и других справочных изданий.

Окончила географический факультет Воронежского госуниверситета (1956), где работала ассистентом (1956-1959).

Сотрудник (с 1959 года), директор (1968-2006) зональной научной библиотеки ВГУ. С 1968 года член президиума Центральной научно-методической библиотечной комиссии Министерства образования СССР, межведомственной библиотечной комиссии Воронежской области.

«Я продлила жизнь своему отцу»

Перед тем, как встретиться с журналистом «Воронежского курьера», Светлана Владимировна Янц ночь напролет не смыкала глаз. «Так уж растревожил меня ваш звонок с просьбой рассказать о моем отце, что не могла уснуть, перечитывая письма, документы, рассматривая старые фотографии, вспоминая былое», – призналась она при встрече.

Это сегодня Светлана Владимировна – заслуженный работник культуры РФ, отличник высшей школы, отмеченная государственными наградами. Это сегодня, возглавляя крупнейшую библиотеку региона, одну из лучших в России, она считает себя счастливой женой, матерью, бабушкой... А тогда в далеком 1944 году, когда погиб в море ее отец, офицер-подводник Черноморского флота Владимир Михайлович Буковшин, а в 1946 году, ослабленная скорбью по мужу и тяжелой болезнью, скончалась и мама, Анастасия Лаврентьевна, она была маленькой, хрупкой девочкой, и в глазах сиротки люди видели лишь горе и растерянность.

19 марта в России уж третий год подряд отмечается День моряка-подводника. Праздник людей элитной военной профессии, сопряженной с неизбывной печалью о тех, кто погиб на боевом посту вдали от родных берегов. Их памяти мы посвятили нашу беседу.

– Светлана Владимировна, ваш отец был родом из Воронежа. Как попал на фронт?

– По комсомольской путевке. Папа работал на заводе имени Калинина, возглавлял комсомольскую организацию. Мама была учительницей. В Ленинграде он поступил на рабфак высшего военно-морского ордена Ленина училища имени Дзержинского.

В 1939 году выпустился, получив диплом с отличием по специальности «судовые двигатели». Семья прибыла в Севастополь, когда мне было уже 6 лет.

– Помните ли вы, как началась война?

– В моих воспоминаниях это даже не бомбежка Севастополя, закончившаяся большой трагедией. Одна из бомб попала в здание школы, погибли многие учителя – жили-то нередко в ее строениях... Семьи моряков обитали в большом многоэтажном доме. И, получив сигнал тревоги, мужчины, все, как один, тук-тук-тук, сбежали по лестнице вниз – занимать на лодках боевые позиции.

– И среди них ваш отец...

— Папа на войне — с июня 1941 года. Уходил с экипажем в плавание на месяц, приходил на неделю. Как мама за него переживала! Начинал он на «Малютках» потом был переведен на С-33 и завершил свой жизненный путь на Л-6, которую они с сослуживцами называли «Карбонарий».

Мне по прошествии многих лет удалось установить, какие задания выполняли экипажи, в которых служил отец, — на всем же стоял гриф «секретно». В 1941-42 годах они минировали море, обеспечивали боеприпасами севастопольскую авиацию, в 1943-м — высаживали с борта десант, идущий на штурм Керчи и Феодосии. В последний поход они ушли в апреле 1944 года. Экипаж возглавлял капитан 3-го ранга Борис Гремяко, а отец был командиром БЧ-5 (электромеханическая часть, отвечающая за ход корабля, «сердце» подводной лодки). Под его, капитан-лейтенанта, началом служили 23 моряка.

Что это была за операция — не знаю. В штабе от них не получили ни одной радиограммы, а плавали — от Севастополя до берегов Румынии... Сначала нам в семью пришло известие, что отец пропал без вести в ходе Феодосийско-Керченского сражения. Но сослуживцы отца, с которыми позже удалось вступить в переписку, назвали две версии гибели лодки и экипажа. Первая: ее торпедировали немцы (хотя ПЛ-6 стала последней потерей Черноморского флота на той войне, в трофеинных документах фашистов она не значится). Вторая: она наткнулась на сорванную с якоря мину.

— Светлана Владимировна, об этом нелегко говорить, но — как в вашей семье узнали о трагедии?

— Что ж, была война, и каждая женщина знала, что, провожая мужа, возможно, видит его в последний раз. Но надежда на то, что папа жив, не покидала маму до последних ее дней. Восстановить в памяти ту картину уже не могу, но сохранились маминые письма к родственникам. Вот строки из них: «Пришло официальное извещение, что Вова погиб. Только вы можете понять мое горе, мама: войне скоро конец, а лучшие люди уходят. Мы прожили с ним столько лет! В нем не было недостатков — умный, веселый, красивый. Ему ли не жить? Света привыкает меня к жизни, слушать не хочет, что отца больше нет, повторяет: “Он скоро придет с моря”». Вот так все и было. Вместе с ним погибли еще более полусотни моряков. Позже, когда я начала поиски сослуживцев папы, узнала, что во время Великой Отечественной войны Черноморский флот потерял только подводников 987 человек.

— Я слышала, что, оставшись без родителей, вы воспитывались в семье морского офицера.

— Лодка, на которой в последний поход ушел отец, базировалась в Поти. Мы жили в «подплаве» (так моряки называли гарнизон), и в январе 1946 года, после смерти мамы, я осталась совсем одна. Помнила смутно, что взяли меня на воспитание в семью, где главой был Герой Советского Союза, то ли Алешин, то ли Алексеевский... Дело в том, что за мной приехали из Воронежа родственники, забрали к себе, а я маленькая была – до того ли мне приходилось?

— И все-таки вы потом узнали, что жили по одной крышей с Героем Советского Союза моряком-подводником Борисом Андреевичем Алексеевым, товарищем вашего отца, с которым они вместе плавали на С-33...

— Это была потрясающая история! Однажды я приехала в Севастополь и увидела стелу, на которой увековечены все подводные лодки, погибшие на войне. Старательно переписала все названия в записную книжку. Потом мне попался на глаза чудом сохранившийся выпускной училищный фотоальбом отца, наконец, в начале 80-х стала появляться в печати морская мемуаристика... В течение нескольких лет, сопоставляя известные мне факты, я вычисляла, на какой же лодке служил мой отец. И мне удалось! Написала в музей Черноморского Флота, там подсказали адрес папиного сослуживца – Д.М. Муратова (увы, его уже нет в живых). Он-то и поведал мне обо всем. Что отец награжден орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Севастополя», орденом Отечественной войны I степени посмертно (я получила его в воронежском военкомате), что живы его сокурсники А.Ф. Зернышко и Н.Н. Прозуменников, супруга Алексеева – Надежда Георгиевна – дала адреса.

Через несколько дней получаю срочную телеграмму: «Светочка, родная, как я рада, что ты нашлась!» – а потом и письмо. Оказывается, с тех пор, как родственники увезли меня в Воронеж, в этой семье не забыли нас, но при переезде из Поти в Севастополь потеряли наш адрес, потом умер Борис Андреевич, жизнь завертела-закружила, подкрались старость и болезни... Мы не раз встречались. У Надежды Георгиевны до сих пор хранится рукопись мужа, которую пока не получается издать, называется «Срочное погружение», где Борис Андреевич пишет и о моем отце. Кстати, только из переписки с моряками я узнала, что в экипаже он был самым «пожилым» – 1910 года рождения (командир лодки – на три года младше папы).

— Вы часто вспоминаете жизнь на «подплаве»?

— Как мы жили? Гарнизон – за колючей проволокой, дети были свидетелями всех событий: при нас грузили торпеды на корабли. Сво-

бодно мы могли пройти в штаб, который находился на огромной корабле «Волга», нас там кормили. Что до сих пор поражают – чистота, блеск, культура, свойственная морякам. Да, если мы бедную похлебку вприкуску с кукурузным хлебом, но как красиво это выглядело: за сервированным по всем правилам столом!

Самых подводников кормили великолепно, но все, что им давали из деликатесов, они несли в семью. Несколько лет после войны я не могла без отвращения – вот удивительно! – смотреть на сыр, финики и шоколад. Ведь все это от отца доставалось мне.

На «Волге» была каюта папы, мы ходили и туда. На видном месте стояла наша с мамой фотография. Помню и первое свое разочарование: мальчишки, сыновья моряков, с которыми в детстве играла, все ушли в Нахимовское училище. И я поняла – о, ужас! – что не могу пойти за ними.

– Зато теперь, Светлана Владимировна, моряки называют вас библиографом Военно-Морского Флота...

– Так считают все знакомые мне подводники. Знаю историю Черноморского флота, судьбы моряков, их семей. К 300-летию флота России в областной администрации выпросила денег на издание указателя литературы о моряках, их традициях, о кораблях. Это редкое издание. Передала в музей Черноморского флота некоторые документы, орден папы, покрывало из его каюты – пикейное, белоснежное с вышитым гладью якорем посередине. Старшего сына назвала в честь отца своего – Владимиром. В 1983 году отсыпала деньги, а потом ездила в Севастополь на открытие памятника погибшим морякам «Витязи Черноморских глубин».

Встречаясь с сослуживцами папы, я поняла смысл фразы: «Никто не забыт, ничто не забыто». Это – действительно так! В их воспоминаниях Владимир Михайлович Буковшин – живой человек. Смеясь говорили: «Чем наш механик от других отличался? Правильно, не пил сам и нам не давал». А если серьезно, на встрече, посвященной 50-летию со дня поступления в «дзержинку», сокурсники отца сказали мне: «Ты продлила его жизнь, доченька». Я горжусь этим.

Печатается по: Воронежский курьер. 1999. 18 марта.

Как пройти в библиотеку?

Признаюсь: я – человек косный. Потому, когда при мне произносили магические слова «биополе», «внутренняя энергетика человека», я лишь дипломатично помалкивал – откуда взяться неразгаданным тайнам в конце двадцатого века?

А ныне – уверовал. И виной тому Светлана Владимировна Янц, моя соседка по огороду, расположенному в уютной деревеньке Успенская Хавка.

В те годы, когда страну поставили на колени на шести сотках садовых участков, мы со Светланой Владимировной оказались плечом к плечу в рядах борцов за аграрное благополучие собственных семей.

И вот прихожу я однажды утром на свой огород и вижу, что посреди борозд недавно посаженной мною картошки воткнуты какие-то хилые палочки, свидетельствующие, что здесь кто-то что-то в землю закопал. Подозрениепало на соседку. Но зачем ей мои сотки?

А тут как раз происходит явление трудовому народу Светланы Владимировны со взводом домочадцев: надо сказать, что дружные Янцы всегда появлялись на огороде в большом количестве – сама Светлана Владимировна, сыновья, снохи, внуки.

– Светлана Владимировна, – говорю я со всей любезностью, на которую только был способен, не скажете ли вы, кто воткнул эти замечательные палочки в мою землю?

– Скажу, – добродушно откликается соседка. – Эти палочки воткнула я. Приехала в сад поздно, привезла семена тыквы. Думаю, чего ждать до утра – пойду-ка посажу. А в темноте, видимо, перепутала участки. Вы уж меня извините.

Что было делать? Не выкопывать же посаженные семена. Оставил все как есть. И что же? Ближе к осени на моем огороде, заглушая чахлые ростки картофельной ботвы, зеленела широкая листва тыквы. Уродилась тыква в тот год.

Вот тогда я и поверил, что слова «энергетика человека» могут быть наполнены конкретным содержанием: более энергичной женщины, чем Светлана Владимировна Янц, я не знаю до сих пор. Удивительный человек!

Мы знакомы почти шестьдесят лет. Встречались мы в общих компаниях за праздничным столом, в ее рабочем кабинете, библиотеке, на собраниях и заседаниях, на садовом участке, и всегда Светлана Владимировна оставалась добродушно-покладистой, немногословной, сдержанной – т.е. сама собой...

...В сорок четвертом при освобождении Севастополя погиб ее отец – Владимир Михайлович Буковшин, командир подводной лодки ПЛ-6 Б4-5. Спустя два года – в сорок шестом – умерла мама Анастасия Лаврентьевна...

Я выписывая эти строки из автобиографии Светланы Владимировны и пытаюсь представить себе состояние девочки, оставшейся одинокой посреди огромной разоренной страны, когда все бросились в долгожданную мирную жизнь. И кому какое дело было до сироты-школьницы?

Конечно, Светлана Буковшина не осталась совсем одна – была бабушка Агафья Ивановна, была тетя (мамина сестра) Татьяна Лаврентьевна, были двоюродные братя и сестры. Но кто возместит потерю мамы и папы? (Много-много лет спустя, вернувшись после очередного Дня Победы из Севастополя со встречи моряков-подводников Светлана Владимировна будет показывать фотографии, на которых она запечатлена с фронтовыми товарищами капитан-лейтенанта В. М. Буковшина, будет рассказывать о том, как ее встречали отцы сослуживцы, как ласково называли «доченькой», как давали адреса, но все это будет потом – спустя годы, когда все устоялось, когда стали пристальнее и чаще оглядываться назад, ища в минувшем поддержку и опору, а тогда – сразу после войны, да и потом, было очень тяжело, и плакать хотелось, а слез не было.)

Не пропала, не затерялась – окончила в Воронеже школу, поступила на географический факультет университета, получила специальность гидролога (вероятно, чтобы хоть как-то прикоснуться к морской биографии отца), работала на кафедре гидрологии суши, попала под сокращение штата, последние без малого сорок лет работает в библиотеке университета, с 1968 по 2006 год ее директор.

Записи трудовой книжки скучоваты, характера человека не раскрывают. Не был... не привлекался... не состоял... не участвовал... А если участвовал – тогда что?

Светлана Владимировна участвовала (и участвует!) в Жизни!

Выглядит это так.

– Вы знаете, что значит руководить женским коллективом? – спрашивала меня Раиса Васильевна Кадменская, сотрудник библиографического отдела библиотеки.

Я честно признаюсь: не знаю, что значит руководить женским коллективом.

– Вот, – говорит Раиса Васильевна, – а Светлана Владимировна руководит женским коллективом (мужчин у нас – раз-два и обчелся!)

уже почти тридцать лет. И это значит: те, у кого дети занимаются с утра, работают в первую смену; кому надо – поближе к дому. И виды работ Светлана Владимировна учитывает: кто на выдаче стоит, кто – в отделе обработки. В зависимости от многих факторов. Да мало ли у работающих женщин проблем!

Свидетельство проблем у работающих женщин действительно много. Дверь в директорский кабинет редко закрыта наглухо: люди идут и идут. Иной раз всплакнут вместе – директорша и посетительница – и легче станет. Порой, утерев слезы, Янц идет выяснить отношения в главный корпус, в ректорат, в профком. Надо сказать, в общем хоре университетских голосов звонкий голос Светланы Владимировны слышен хорошо.

Помню, лет восемь тому назад, когда у многих факультетов появилась возможность для внебюджетного финансирования, на совещании деканов впервые был поднят вопрос о выделении средств для пополнения университетской библиотеки.

– Пяти процентов вполне достаточно! – веско сказал декан факультета, обладавшего одним из самых крупных внебюджетных фондов.

Остальные молчали, в уме высчитывая, сколько ж это выйдет – пять процентов!

– Да вы что! – обиделась Светлана Владимировна, присутствовавшая на совещании. – Нам же подписаться надо на все научные издания! Нам периодика нужна в четыре читальных зала! Нам учебники для тринадцати факультетов нужны! Новинки художественной литературы! Вы знаете, сколько стоит один реферативный журнал по химии?

Деканы не знали, сколько стоит годовая подписка на реферативные журналы, но им было жалко денег, заработанных потом и кровью.

– А студентов вам не жалко? – читала по глазам Светлана Владимировна деканские мысли. – Они что – неучами должны расти?

Сошлись на десяти процентах. Цифра эта по нынешним временам немалая.

А ведь книги в университетскую библиотеку не только приобретают – их дарят. В девяносто седьмом различные организации и частные лица передали в библиотеку свыше двадцати одной тысячи книг. Это – администрация Президента России, Американское математическое общество, международный фонд «Культурная инициатива», Воронежская епархия, издательство «Век», Центрально-Черноземное книжное издательство… – шестьдесят дарителей.

Помните фильм Леонида Гайдая «Операция „Ы“»? Верхом наивности Труса, сыгранного Георгием Виценым, был вопрос к стороже склада, заданный грабителем в двенадцать часов ночи: «Как пройти

в библиотеку?». Кто в те годы интересовался библиотеками? Не будем обольщаться – наверное, и сегодня дорогу на дискотеку спрашивают охотнее и чаще. Но вот цифра – услугами университетской библиотеки в минувшем году пользовались двадцать три тысячи воронежцев.

Я говорю «воронежцев», потому что сегодня наша библиотека – один из немногих реально действующих очагов культуры города.

Воистину, дорога к Храму пролегает через библиотеку!

– А вы можете, придя в отдел, сразу сказать, что хорошо в отделе, а что плохо? – спросила меня Нина Митрофановна Федосова.

– Нет, не могу, – признался я.

– Вот, – улыбнулась Нина Митрофановна, – а когда Светлана Владимировна приходит в отдел, то сразу видит какое-то наше упущение или промах.

– И топает ногами, бранится, угрожает уволить? – предположил я.

– Ну что вы? – засмеялась Нина Митрофановна, – Светлана Владимировна – очень хороший человек.

Зная Светлану Владимировну много лет, вполне соглашаюсь с этой характеристикой. Добрый – не снисходительно все прощающий, не молчаливо уступающий агрессии оппонента, не равнодушно соглашающийся с чьей-то точкой зрения. Добрый потому, что Янц очень требовательна к себе. Эта требовательность, пожалуй, и выпестовала из выпускницы географического факультета директора научной библиотеки ВГУ, головной библиотеки вузов Черноземья. Эта требовательность постоянно отправляет Янц в дорогу – за опытом, за знаниями.

Сегодня легче, видимо, назвать вузовскую библиотеку, в которой еще не побывала Светлана Владимировна, нежели перечислять те библиотеки страны, где зоркие глаза воронежской гостьи подмечали что-то интересное. Москва, Петербург, Саратов, Екатеринбург, Томск... Методические совещания, конференции. Янц – здесь, Янц – там.

Книга должна работать – и библиотека проводит дни информации, занятия для студентов по библиографии, устраивает регулярные выставки. Много лет проводил свои встречи в библиотеке клуб «Воронежский библиофил», которым руководил великий знаток книги профессор Олег Григорьевич Ласунский. Недаром библиотеке присвоена первая категория.

Еще характерный пример. В девяносто шестом университет открыл новый факультет – социологии и политологии. А по регламенту для открытия факультета требуется, в частности, справка из библиотеки – о том, как создаваемый вновь факультет обеспечен учебниками и учебными пособиями по профилю подготовки специ-

алистов. Библиотекари сели к компьютеру и получили ответ: в фондах книгохранилища содержится четыре тысячи наименований только первоисточников. Москва была удовлетворена.

Что Москва? Соединенные Штаты удовлетворены деятельностью нашей библиотеки. На рабочем столе Светланы Владимировны я разглядел несколько характерных конвертов, в которых деловые люди обычно рассылают свою корреспонденцию.

– Европа беспокоит? – поинтересовался я.

– Америка, – вздохнула Янц. – Шлют и шлют письма.

На фирменных конвертах издательского дома: «Кто есть кто в Америке» из штата Нью-Джерси было размашисто написано: «Поздравляем! Ваша биография отобрана для публикации». Оказывается, четвертый раз за последние годы Светлана Владимировна Янц попадает в престижное издание «Кто есть кто в мире». И вот, готовя 15-й выпуск этого издания, господин Пауль Каннинг любезно интересовался у дорогой Светланы Владимировны, какие события в ее жизни достойны внимания читателей книги.

Насколько я понял, к своей всемирной известности Светлана Владимировна относится спокойно. Гораздо большее беспокойство вызывают у нее текущие, повседневные дела.

Однажды сотрудница библиотеки Любовь Александровна Кац выиграла всероссийский грант и три месяца стажировалась в библиотеке Конгресса США. Победу своей сотрудницы в отборочном конкурсе – претендентов было несколько десятков – Янц восприняла как свою удачу:

– Знай наших!

А когда сотрудница вернулась из Штатов и рассказала о высокой степени технологической оснащенности американских библиотек, где место громоздких ящиков с картотекой заменяют компьютеры, мгновенно реагирующие на поиск читателями нужной информации, Светлана Владимировна столь же мгновенно гордость за подчиненную материализовала в дело: сегодня в библиотеке 36 компьютеров.

– Конечно, – говорит Светлана Владимировна, четыре десятка компьютеров на всю библиотеку – это мало. Мы прошли только часть пути, но главное – мы движемся в нужном направлении. Формируется фонд CD-ROM. Пока что это справочные диски. Закуплен электронный вариант Британской энциклопедии, Большого Оксфордского словаря английского языка, Российской национальной библиографии начиная с 1980 года.

Фонд библиотеки велик – почти 2 миллиона 800 тысяч книг. И он постоянно обновляется: учебники, как и научные знания, в них содержащиеся, устаревают довольно быстро.

– Трудность нынешнего комплектования, – признается Янц, – не в том, что у нас не достает средств на приобретение необходимой литературы – факультеты деньги дают. Проблема в другом – издательства прекратили выпуск тематических планов. Ориентироваться во все возрастающем потоке книжно-журнальной продукции стало труднее, и все же мы внимательно следим за новинками, имеющими принципиальное значение для наших потенциальных читателей.

А читателей в библиотеке много. 12 читальных залов и 10 абонементов, обслуживающих университет (да ведь и город активно пользуется библиотечными фондами), ежегодно принимают 900 тысяч человек.

В библиотеке работает около 200 человек.

В разгар сессии в библиотеку лучше не заходить: читальные залы забиты до отказа (шпаргалка – она ведь тоже первоисточника требует!). У столов выдачи книг – длинные, утомительные очереди страждущих. «Книга на руках», – вполголоса сообщают библиотекари… Но и в обычные дни библиотека не пустует. У ее сотрудников всегда есть дело.

Обменный фонд поддерживает сотрудничество с научными учреждениями всех континентов: книги университетских ученых отправляются в Австралию, Германию, США, Египет, Израиль, Францию, Швецию, Англию, Италию, Латинскую Америку. Идет научная литература и в вузы России, стран СНГ.

В 1991 году Светлана Владимировна Янц приняла участие в работе 57-й сессии ИФЛА в составе официальной делегации библиотекарей России.

Только строчка из автобиографии, а за ней годы упорного восхождения к международному признанию. Сегодня это – как само собой разумеющееся. А в шестьдесят пятом, вспоминает старейший работник библиотеки Алла Васильевна Романенко, боялась ехать на конференцию в Казань. Страшно!

– Сколько было сомнений, а потом оказалось – интересно! – говорит Алла Васильевна. – И самое главное – очень полезно!

С людьми такого склада, как Янц, всегда интересно.

В середине шестидесятых группа сотрудников библиотеки оказалась в Москве – резервный фонд Исторической библиотеки передавал часть книг воронежцам. Бригада из четырех человек (Янц в том числе) отбирает книги, связывает стопки, переносит с третьего этажа вниз – к контейнеру, который выбила энергичная Светлана Владимировна. Уф! Кажется сил больше нет! Устали…

– Девочки! – командует Янц. – идем в Кремлевский Дворец. На «Лебединое озеро». Рябинкина танцует…

Зональный совет в Курске. Напряженная работа, все устали. Скорей бы в гостиницу. Янц настоятельно предлагает идти в театр.

— Ворчим, внутренне сопротивляемся, но идем, вспоминает Алла Васильевна Романенко. — А после спектакля хором кричим: «Спасибо, Янц!»

... Может, поэтому университетская библиотека сегодня уникальное культурное учреждение города. И люди, работающие в ней (за небольшую, в общем-то, плату), тоже уникальны. Потому что со встречи с ними начинается для многих работа с книгой. Подчеркиваю — работа, а не просто чтение.

А работа — занятие серьезное, ума требующее, опыта, знаний. Как уж тут обойтись без библиотекаря?

Вот, пожалуйста, мы и познакомились: Светлана Владимировна Янц, заслуженный работник культуры России, почетный работник высшего образования России, кавалер двух правительственные наград. Одна из них — медаль «За доблестный труд».

Печатается по: Университетская площадь: Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998. С. 241-250.

Наши авторы

БАРАННИКОВА Ольга Владимировна – выпускница факультета журналистики Воронежского государственного университета 1995 г., главный специалист Департамента корпоративных коммуникаций ОАО «Российские железные дороги».

ГЛАДЫШЕВА Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

КАРПОВА Кристина Андреевна – магистрант факультета журналистики Воронежского государственного университета.

КРОЙЧИК Лев Ефремович (1934–2019) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

КУЛИНИЧЕВ Вадим Георгиевич (1942–2000) – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики журналистики факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ЛИСТЕНГАРТЕН Владимир Семёнович – кандидат исторических наук, доцент, советник ректора Воронежского государственного университета, ученый секретарь Совета ректоров вузов Воронежской области.

ЛЫСЯКОВА Юлия Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

НОВИКОВ Петр Иванович – старший преподаватель кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ОВСЕЙКО Валентина Ивановна – соискатель кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ПОНОМАРЕВ Павел Алексеевич – аспирант факультета журналистики Воронежского государственного университета.

САЛЬНИКОВ Андрей Константинович – главный редактор литературно-художественного журнала «Вологодский ЛАД».

СМИРНОВ Александр Тихонович (1945–2003) – старший преподаватель кафедры теории и практики журналистики факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ТУЛУПОВ Владимир Васильевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ХОРОЛЬСКИЙ Виктор Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

Оглавление

<u>I. Актуальные проблемы теории публицистики</u>	
K. Карпова. Специфика бренд-медиа.....	3
B. Хорольский. Нужна ли журналистика сегодня? (К спорам о взаимоотношениях журналистики и медиакоммуникативистики).....	18
<u>II. Перед лицом истории</u>	
C. Гладышева. НЭП в зеркале публицистики русского зарубежья....	29
Ю. Лысякова. Роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи»: мрачное предчувствие кризисов образования и воспитания.....	39
B. Овсейко. Оренбургская оппозиционная газета «Простор» (1907 г.): содержательный аспект.....	44
P. Пономарев. Почти по классике(из магистерских воспоминаний).....	56
<u>III. Вспоминая былое</u>	
Алексей Алексеевич КОЛОСОВ (1953–2019).....	61
A. Колосов. К вопросу о социально-исторической эволюции фотожурналистики.....	62
A. Сальников. Память. Алексей Алексеевич Колосов.....	72
B. Тулупов. Лёша.....	77
Сталь Никанорович ПЕНЗИН (1932-2011).....	81
O. Баранникова. Кинолента железных дорог.....	82
B. Листенгартен. Сталь Пензин – человек кино.....	87
Александр Тихонович СМИРНОВ (1945–2003).....	91
B. Кулиничев. Почему я не хочу писать о Смирнове.....	92
P. Новиков. Он слова рассыпал по траве Александр Смирнов – актёр, режиссёр, педагог, драматург и поэт.....	94
A. Смирнов. Визбор: имя собственное.....	108
A. Смирнов. Тень Мастера Записки из-под кресла.....	112
Светлана Владимировна ЯНЦ (1933-2023).....	117
O. Баранникова. «Я продлила жизнь своему отцу».....	118
L. Кройчик. Как пройти в библиотеку?.....	122
Наши авторы.....	129

Научное издание

БЫЛОЕ И МЫ

Ответственный редактор – доц. С. Н. Гладышева
Корректоры: Т. П. Коновалова, Е.А. Ряжских
Компьютерная верстка: П. И. Новиков

Подписано в печать 27.11.23. Формат 60x84 1/16
Гарнитура Times New Roman
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 7.67 Тираж 100 экз.

Воронежский государственный университет
Факультет журналистики
394068, Воронеж, Хользунова, 40-а
Тел. (473) 274-52-71 E-mail:vlvtul@mail.ru

Отпечатано в типографической лаборатории факультета журналистики ВГУ